

ПЕРЕПЕЛКИН ЮРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Статьи:

1. Цвет Сириуса // Природа. № 1. Л., 1929. С. 68–69.
2. Фрагмент древне-египетской надписи XII династии в Музее Палеографии Академии Наук СССР // Доклады Академии наук СССР. Серия В. № 1. М., 1929. С. 20–21.
3. Die Aufgabe Nr. 62 des Mathematischen Papyrus Rhind // Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik. Bd. I. Heft 1. Berlin, 1929. S. 108–112.
4. К вопросу о возникновении энциклопедии на древнем Востоке // Труды Института книги, документа и письма. Т. II. Л., 1932. С. 1–13.
5. О «космополитизме» в египетской литературе эль-амарнского периода // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 373–376.
6. Выступление в прениях по докладу В. В. Струве «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока» // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 77. М.-Л., 1934. С. 138–141.
7. О Сети-Менептахе, сыне Менептаха // Ученые записки ЛГУ. № 78. Серия исторических наук. Вып. 9. Л., 1941. С. 38–39.
8. Абидосский обломок плиты с «указом» Харемхаба // Ученые записки ЛГУ. № 78. Серия исторических наук. Вып. 9. Л., 1941. С. 40–41.
9. Меновые отношения в староегипетском обществе // Советское востоковедение. Т. VI. М., 1949. С. 302–311.
10. Древний Египет // Всемирная история. Т. I. М., 1955. С. 148–190, 266–287, 326–365, 570–573, 579–588.
Ägypten // Weltgeschichte. Bd. I. Berlin, 1961. S. 179–227, 312–335, 378–424, 652–672.
11. О деньгах в древнейшем Египте // Древний Египет (сб. ст.). М., 1960. С. 162–171.
12. «Дом шнау» в Старом царстве // Труды XXV Международного Конгресса Востоковедов. Москва, 9–16 августа 1960 г. Т. I. М., 1962. С. 138–142 (также пре-принт. М., 1960 [О хозяйственном заведении]).
Das Schnau-Haus im Alten Reiche. Moskau, 1960.
13. Жрец царя во главе государства // ВДИ, 3, 1989.
14. О происхождении минускульного письма // М. А. Коростовцев. Писцы Древнего Египта. СПб, 2001. С. 253–308.
15. Основы египетской раннединастической эпиграфики // М. А. Коростовцев. Писцы Древнего Египта. СПб, 2001. С. 309–335.

Монографии:

1. Описание выставки «Письменность Древнего Мира и раннего средневековья»: Путеводитель. М.-Л., 1936.
2. Частная собственность в представлении египтян Старого царства // Палестинский сборник. Вып. 16. М.-Л., 1966.
Privateigentum in der Vorstellung der Ägypter des Alten Reichs. Hrsg. und übersetzt von R. Müller-Wollermann. Tübingen, 1986.
3. Переворот Амен-хотпа IV. Ч. I. М., 1967. Ч. II. М., 1984.
4. Тайна золотого гроба. 1-е изд. М., 1968; 2-е изд. М., 1969; пер. на чешский: Прага, 1973; пер. на грузинский: Тбилиси, 1979.
The secret of the gold coffin. Moscow, 1978.
5. Кэе и Семнех-ке-рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М., 1979.
6. Древний Египет // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. II. М., 1988.
7. Хозяйство староегипетских вельмож. М., 1988.
8. История Древнего Египта. СПб., 2000.

Автографии:

1. Таблицы иероглифов // А. Эрман. Египетская грамматика. Л., 1930.
2. Иероглифические автографии на 10 таблицах // Struve V. V. Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der Schönen Künste in Moskau. Berlin, 1930.

Переводы:

Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. I. Древний Восток. М., 1950:

(все переводы Ю. Я. Перепелкина в этом издании приводятся без ссылки на автора; те же переводы с указанием автора и некоторыми исправлениями опубликованы в Хрестоматии по истории Древнего Востока. Ч. I. М., 1980)

- Жизнеописание вельможи Уны. С. 36–40. То же: Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1963. С. 33–37 (без указания автора).
- Жизнеописание начальника гребцов Яхмоса. С. 66–69.
- Предписание о служебных обязанностях верховного сановника. С. 82–87. То же: Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1963. С. 92–96 (без указания автора).
- (?) Документ о найме рабынь и купчая на землю времени Нового царства. С. 87–88 (этот текст не переиздан в Хрестоматии 1980 г., поэтому его авторство под вопросом. В Хрестоматии 1963 г. он также издан анонимно под названием «Документ о найме двух рабынь у пастуха Небмехи» (с. 109–110), при этом ссылка гласит, что «перевод взят из “Хрестоматии” изд. 1950 г.», однако текст 1963 г. сильно отличается от опубликованного в 1950 г.)

Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. I. М., 1980:

- Жизнеописание вельможи Уны. С. 21–24.
- Жизнеописание начальника гребцов Яхмоса. С. 63–65.
- Предписание о служебных обязанностях верховного сановника. С. 74–78.

Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1997:

- Надпись Тутанхамона (текст на стеле, установленной в Карнакском храме). С. 55–58. (То же: Ю. Я. Перепелкин. Переворот Амен-хотпа IV. Ч. II. М., 1984. С. 176–178).

ЦВЕТ СИРИУСА

В 231-м томе *Astronomische Nachrichten*, 1928, 387–392, помещена интересная по замыслу статья А. Штентцеля (A. Stentzel) по поводу древне-египетских свидетельств о цвете Сириуса. Вопрос о цвете Сириуса в древности неоднократно обсуждался в научной литературе, и в том же томе *Astronomische Nachrichten* помещены статьи Е. Диттриха и О. Мейснера, в которых упоминаемая древними красота ныне белой звезды Сириуса объясняется причинами атмосферного характера. Мейснер особенно подробно обосновывает такое объяснение. Он указывает, что среди звезд только один Сириус (не считая слишком южного Канопуса) мог наблюдаться древними при своем восходе и заходе непосредственно на горизонте. Вследствие же того, что атмосфера поглощает короткие лучи значительно сильнее, чем красные, Сириус восходит красным, а его окраска в момент нахождения на горизонте могла быть скорее сочтена за его настоящий цвет, чем его белая окраска на большей высоте над горизонтом.

Объяснение явления причинами атмосферного характера устраняет те трудности, которые возникли бы для современной астрономии с признанием факта, что Сириус 2000 лет тому назад был красного цвета. Диттрих пишет по этому поводу: «Сириус по массе своей является карликом. Он никогда не был красным карликом, так как тогда он не был бы самой яркой звездой... Более чем рискованно, из-за пары слов античной литературы, предположить существование красных звезд средней величины».

В начале своей статьи Штентцель останавливается на современном положении вопроса о цвете Сириуса в древности и затем напоминает о том значении, которое эта звезда имела для древнего Египта. В основной части статьи приводятся данные, на основании которых автор склонен заключить, что «древние египтяне видели Сириус в виде светила с красным или «золотым» (красно-золотым?) сиянием». Штентцель заканчивает свою статью указанием на авторитетность свидетельства Птолемея об «огненнокрасном» цвете Сириуса.

В виду того интереса, который для астрономии представляют новые свидетельства о красноте Сириуса в древности, следует вкратце остановиться на разборе доводов Штентцеля. Как об одном из основных свидетельств в пользу красного цвета Сириуса, Штентцель говорит о красной окраске иероглифа , входящего в написание имени этой звезды. Однако, какую бы окраску иероглиф ни принимал, она должна, в идеальном случае, относиться к тому предмету, рисунком которого он является, а никак не к звезде Сириусу, по виду своему ничего общего с треугольником не имеющей. Рискованным представляется заключение о золотом цвете Сириуса на основании наличия у египетской Афродиты, богини Хатхор, сближаемой с Сириусом, эпитета «золото». Следует также заметить, что другие сопоставления богини, сближаемой с Сириусом, с золотом находят себе аналогию в наименованиях Солнца «золотом», «сияющим в виде золота», «восходящим в золоте». Интересно, что золото фигурировало у египтян, между прочим, как вещество декан (декан — 36 созвездий или их части, связанные с 36 десятидневными подразделениями года). По недоразумению, среди свидетельств приводятся такие эпитеты, как «золото богов» (Хатхор), «мать золотого Гора» (Исида), или эпитеты, рисующие Исиду (одна из форм ее — Исида-Сириус) огненной богиней. Эпитету «золото богов» соответствует эпитет «серебро богинь»; «золотой Гор» известен, как традиционный титул фараонов, а эпитеты, ставящие богиню в связь с огненной стихией, нельзя рассматривать изолированно от представления об огнедышащем урее (кобре), излюбленном символе египетских богинь.

Но некоторые тексты, упоминаемые в статье Штентцеля, действительно, любопытны. О богине, сближаемой с Сириусом, говорится, что она рождается «в виде черной (и) красной (или «черной») женщины», и ее же называют, повидимому, «черной (и) красной глазами». Имеем ли мы в первом случае указание на красноту Сириуса при восходе, как того хочет Диттрих, трудно сказать. То обстоятельство, что черный цвет здесь сопутствует красному или даже преобладает над ним (вариант: «в виде черной женщины»), не позволяет считать с уверенностью эти тексты свидетельствами о красноте (хотя бы

атмосферной) названной звезды.

Статья Штентцеля выдвигает интересные вопросы и затрагивает несколько действительно любопытных текстов. Если бы автор ее был специалистом-египтологом, он, несомненно, избежал бы некоторых неточностей и ссылок на тексты, не имеющие значения для доказательства его предположения.

**ФРАГМЕНТ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ НАДПИСИ XII ДИНАСТИИ
В МУЗЕЕ ПАЛЕОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР.**

[G. PEREPELKIN. Fragment d'une inscription égyptienne de la XII-e dynastie, conservé au Musée de Paléographie de l'Académie des Sciences de l'URSS.]

(Представлено академиком Н. П. Лихачевым в ОГН 12 XII 1928.)

Воспроизведенный на снимке кусок известняка¹ с иероглифической надписью замечательно тонкой работы был приобретен акад. Н. П. Лихачевым в Египте покупкой у антиквара в Каире.

Текст включает в себе слово *nsw.t* «царь Верхнего Египта» (или просто «царь»), титул *mr pr wr* «великий домоправитель» и имя *Hnmw-ḥtp*, Хнемхотеп (половина второй части имени отсутствует).

В 1894 г. в Дашуре (около Мемфиса) J. de Morgan'ом была раскопана гробница видного египетского сановника «великого домоправителя» Хнемхотепа, вероятно, современника Сенусерта III и Аменемхета III.²

Сличение текстов, обнаруженных при раскопках гробницы и изданных в книге J. de Morgan'a «Fouilles à Dahchour, Mars-Juin 1894», с нашим фрагментом позволяет отождествить последний с концом надписи С издания J. de Morgan'a и тем самым признать обоих Хнемхотепов за одно лицо.

Надпись С³ на известняковой облицовке ныне разрушенной дашурской мастабы Хнемхотепа содержит следующую заупокойную формулу: «Да будет милостив и да даст царь, (да будет милостив и да даст) Анубис, находящийся на своей горе, пребывающий в [месте бальзамирования]... да дадут они (боги) ему (вельможе) заупокойную жертву, (состоящую из) хлеба, пива, скота, птицы, алебаstra (алебастрового сосуда с мазью) (и) одежды в месячный праздник, полумесячный праздник, (праздник) Уаг, (праздник) Джхутит, праздник Сокариса, выход Мина (и) ежедневно вечно; для чтимого царем, великого домоправителя Хнемхотепа...»

Конец надписи С (« для чтимого царем, великого домоправителя Хнемхотепа » — *n im3hj hr nsw.t mr pr wr Hnmw-htp*) содержит следующие знаки:

¹ Камень имеет около 31 см в ширину и около 58 см в длину.

² О Хнемхоте и его гробнице см.: J. de Morgan. Fouilles à Dahchour, Mars-Juin 1894. Vienne, 1895. P. 16, 18–23, 121 (rem. 7), 149–150.

³ Ibid. P. 20. Fig. 24.

(В издании J. de Morgan'а рука с палкой у человечка опущена вниз, а кувшин повернут носиком налево.)

Из числа опубликованных в «Fouilles à Dahchour, Mars-Juin 1894» текстов из гробницы Хнемхотепа только в надписи С стоит *nšw.t* перед *mr pr wr* и кувшин (*hnm*) в имени *Hnmw-ḥtp* повернут носиком в ту сторону, куда обращены передние части других знаков. Эти две особенности надписи С мы находим как раз в надписи Музея Палеографии. Заметим еще, что наша надпись и надпись С (как и надпись А той же гробницы)⁴ обрываются на одном и том же месте.

Издание дает знак для *wr* в титуле *mr pr wr* надписи С в несколько другом виде, чем наш фрагмент. В первом случае рука с палкой у человечка опущена и палка на конце не раздвоена. Во втором случае рука с палкой у человечка приподнята и палка на конце раздвоена (последнее обусловлено смешением иероглифа с другим похожим на него знаком). Однако эти различия могут быть объяснены тем, что в издании мы имеем дело с автографией, а не точной копией (рисунком) самого текста. Fig. 25 «Fouilles à Dahchour, Mars-Juin 1894»⁵ воспроизводит иероглиф для *wr* в том же титуле Хнемхотепа более тщательным образом (нижняя часть знака отсутствует), и здесь рука с палкой приподнята.

Думается, что наш фрагмент является куском надписи С дашурской гробницы Хнемхотепа, именно концом ее (после *n im3ḥj ḥr*); текст же фрагмента в таком случае следовало бы перевести : «[для чтимого] царем, великого домоправителя Хнемхотепа...».

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 21.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ЭНЦИКЛОПЕДИИ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

В заключительной части своей статьи об энциклопедических видах русской средневековой книги акад. А. С. Орлов высказывает интересное соображение, что причисления к энциклопедиям заслуживали бы те виды средневековой книги, которые можно расположить по линии развития, завершающегося советской энциклопедией и ее совершенствуемыми формами.¹ Такой генетический подход закономерен и при постановке вопроса об энциклопедии на древнем Востоке, и тогда в качестве ее ранних стадий мы можем рассматривать всю ту группу памятников, внутри которой возникла книга, являющаяся несомненной энциклопедией. Уточнение книговедением термина «энциклопедия» позволит, вероятно, подвести под него значительно большее число видов древне-восточной книги; но до той поры представляется более осторожным применять его в соответствии с вашим обычным представлением об энциклопедии.

Настоящая работа посвящена вопросу о возникновении на древнем Востоке энциклопедии в нашем смысле слова из более примитивных энциклопедических форм. Это явление мне удалось проследить только на египетском материале, но при лучшем знакомстве с месопотамской книгой, чем мое, его можно было бы, наверно, отметить и для этой последней. По крайней мере шумерская и ассирио-вавилонская письменность оставили нам в общей сложности огромное количество списков, содержащих названия однородных одушевленных и неодушевленных предметов, а это, как мы увидим из дальнейшего, такой вид книги, внутри которого могла зародиться энциклопедия.

Для выколачивания большого прибавочного продукта из эксплуатируемых масс господствующий класс древнего Египта должен был заставлять их выполнять грандиозные работы по созданию и дальнейшему развитию ирригационной системы. Организованное в крупном масштабе принуждение эксплуатируемого класса работать с самыми примитивными инструментами над созданием ирригационной системы, использовавшейся землевладельцами для его же жесточайшей эксплуатации, могло быть осуществлено только с помощью сложного бюрократического аппарата.

Развитые междудомовенная переписка, контроль и учет при трудной усвояемости письма, усложненного господствующим классом и потому недоступного эксплуатируемому, придавали особое значение профессии писца, и представители эксплуататоров, специализировавшиеся на ней, являлись существенными звеньями в механизме эксплуатации. «Писец, он надзирает за работою всех» — твердила египетская школьная мудрость.

Писец — член господствующего класса, видный элемент в механизме эксплуатации, должен был, конечно, и быть обслужен соответствующим образом пособиями для своей работы.

В своей повседневной практике он мог столкнуться с самыми разнообразными предметами, для которых надо было подобрать соответствующий термин и написание; на помощь рядовому писцу пришли ученые профессионалы и создали, подобно своим месопотамским коллегам, целую справочную литературу лексикографического характера, имевшую и учебное значение, как пособие для усвоения терминологии и орфографии. В Месопотамии такие перечни наименований писались часто на двух языках, шумерском и аккадском, приобретая тем самым вид словарей (древнейшие — шумерские — списки были одноязычными).

Совершенно естественно, что эти лексикографические произведения составлялись в Египте, как и в Вавилонии, по родам предметов, поскольку при пользовании ими или их изучении искомыми были термины и их написания.

Переходя теперь к рассмотрению египетских энциклопедических списков в их

¹ А. С. Орлов. Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды // ДАН-В, № 3, 1931. С. 51.

историческом разнообразии, надо прежде всего отметить неполноту дошедшего до нас материала и отсутствие адекватных или даже каких бы то ни было изданий для важнейших памятников, так что исследователю приходится обращаться к фотографиям и случайным репродукциям, проделывая черновую филологическую работу.

Древнейшая египетская книга интересующего нас типа датируется концом Среднего царства, т. е. второй четвертью II тысячелетия до н. э. Она была найдена в Фивах в конце прошлого столетия, но до сих пор еще не издана, если не считать иероглифической транскрипции (оригинал иератический) перечня крепостей, опубликованного А. Н. Gardiner'ом в 1916 г. вместе с кратким описанием текста в целом и историко-географическим комментарием.² Папирус содержит 323 различных слова, разбитых на группы, среди которых можно различить следующие: виды масел, птицы, растения, позвоночные животные, печения или сорта хлеба, виды зерна, части тела, сюда же включен список нубийских крепостей и верхнеегипетских городов; кроме того, был приложен особый «постскриптум», заключающий ряд сокращений для двадцати различных видов отмеченного разным образом скота. Любопытна организация материала. Слова были написаны горизонтально и размещены одно над другим в вертикальных столбцах, причем позади слов ставились точки, а спереди перед каждым десятым словом его номер по порядку. В результате такого книжного оформления каждый отдельный термин выделялся с исключительной четкостью на фоне остального текста. Установка на отдельный термин указывает на справочный характер книги. Что касается распределения материала внутри отдельных групп, то статья А. Н. Gardiner'а содержит данные только для географического перечня: крепости и города перечислены в систематическом порядке с юга на север. Разбивка слов на группы по значению и систематическая организация слов внутри отдельных групп вытекали, как было отмечено, из самого назначения подобных книг давать термин для предметов, а не наоборот. Что преобладало в нашей книге: чисто терминологический или орфографический момент — решить на основании имеющихся сведений трудно; на ее технический, подсобный характер указывает список сокращений для названий скота, приложенный к ней в виде добавления. Об узко практической установке этой ранней «энциклопедии» свидетельствует и отсутствие системы в порядке следования групп, а также включение в географический перечень одних южных крепостей и городов, т. е. местностей, близких к Фивам, месту находки памятника (северная Нубия была присоединена в Среднем царстве к Египту).

Совершенно иной характер носит составленная полтысячелетия позднее «энциклопедия» Амен-ем-опе, сына Амен-ем-опе, интересная по своему универсальному охвату и систематической спаянности. Этот иератический памятник дошел до нас в нескольких списках различной полноты и сохранности, но ни один из них не дает текста в целом виде. Наиболее пространственный список хранится в Московском музее изящных искусств, но еще не издан, если не считать частичной иероглифической транскрипции перечня местностей, опубликованной В. С. Голенищевым в *Zeitschrift für ägyptische Sprache*³. Для настоящей работы я использовал фотографии, любезно предоставленные мне проф. В. В. Струве вместе со своей транскрипцией от 1916 г.⁴, проработав текст заново на основе новейшего материала *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*.

Другой список, известный под именем папируса Hood-Wilbour, принадлежит Британскому музею; иероглифическая транскрипция текста была издана полностью G. Maspero⁵ и частично Н. Brugsch'ом⁶. Лондонский список дает только заглавие, космологическую часть и половину «людского» перечня. В космологической части он пропускает несколько «водяных» терминов, но зато существенно дополняет московский

² А. Н. Gardiner. An ancient list of the fortresses of Nubia // *Journal of Egyptian Archaeology*, III, part III, 1916.

P. 184–192. Ср. также А. Н. Gardiner. *Egyptian Grammar*. Oxford, 1927. P. 21.

³ W. Golénischeff // *ZÄS*, XL. S. 102, 105.

⁴ За это и за ряд существенных указаний приношу проф. В. В. Струве свою благодарность.

⁵ G. Maspero. Un manuel de hiérarchie égyptienne // *Journal Asiatique*, 1888. P. 252–260.

⁶ Н. Brugsch. *Die Aegyptologie*. 1891. S. 212–221.

вариант в отношении должностей. Разрозненные фрагменты энциклопедии Амен-ем-опе дошли из окрестностей Рамессеума в Фивах. Они подтверждают дополнения лондонского папируса и, быть может, привносят также свои, но особенно интересны те фрагменты, которые позволяют нам составить себе представление о частях, не сохранных московским списком. Эти фрагменты содержат обрывки перечней скота, птиц и, кажется, насекомых и относятся исследователями к «энциклопедии» Амен-ем-опе.⁷ Факсимиле рамессейских фрагментов было издано W. Spiegelberg'ом⁸. Наконец, на обороте одного из папирусов Каирского музея выписано дважды в неполном виде заглавие нашей книги.⁹

Все перечисленные списки энциклопедии Амен-ем-опе датируются палеографически одной и той же эпохой, началом так называемого позднего периода, т. е. временем, следующим непосредственно за концом Ноного царства, XI–VIII вв. до н. э. Из этого однако не следует, чтобы и самый оригинал был написан в эту эпоху. Внутренние данные текста заставляют приурочить его составление к значительно более раннему моменту. В период XI–X вв., к которому относится, по крайней мере, лондонский список¹⁰, верховный жрец Амона в Фивах играл огромную роль в политической жизни страны, был полунезависимым князем Фиваиды, одно время даже фараоном, в результате чего верховное жречество в Фивах стало привилегией царевичей. Энциклопедия же Амен-ем-опе упоминает верховного жреца Амона в Фивах недалеко от конца своего перечня должностных лиц, в числе других жрецов, после длинного ряда чиновников. Отсутствие фиванского верховного жреца среди сановников, перечисленных вслед за царем и его семейством, тем более показательно, что энциклопедия была составлена фиванцем (при перечислении египетских городов одни Фивы удостоены особого эпитета и к тому же самого лестного: «город Фивы Амона, госпожа всех городов»). Объяснить подобное явление можно, только предположив, что оригинальная энциклопедия была написана не позже рамессидского периода, на конец которого падает уже быстрый рост могущества верховного жреца в Фивах. Другие данные (имена народов) указывают, что она и не старше этого периода.

«Энциклопедия» Амен-ем-опе не анонимное произведение, как это часто имело место на древнем Востоке. Для придания авторитетности нашей книге ее требовалось украсить именем соответствующего специалиста. Амен-ем-опе, сын Амен-ем-опе, титулует себя «писцом божественных книг в доме жизни», т. е. лицом, практикующим в области старой священной литературы в доме книжников.

Что Амен-ем-опе был действительно автором нашей «энциклопедии», на это может указывать снабжение «писца дома жизни» в списке должностных лиц лестным эпитетом: «писец дома жизни, искусный в своей должности». Подобную вольность — снабжение эпитетом — автор книги позволяет себе, кроме этого случая, только в отношении Фив.

Новое царство, создавшее «энциклопедию» Амен-ем-опе, было временем значительного расширения господствующим классом своей хозяйственной базы, в частности за счет беспощадного грабежа слабых соседних государств и племен. Писцу этой эпохи приходилось иметь дело с терминологией централизованного бюрократического государства, собиравшего в своих кладовых все, что только было лучшего на протяжении от Евфрата до центральной Африки. Внутреннее развитие страны и захватническая внешняя политика создали то богатство туземных и заимствованных терминов, которое мы находим в книге Амен-ем-опе. В частности, проф. В. В. Струве вероятно прав, полагая, что при составлении нашей энциклопедии значительная доля внимания уделялась трудным заимствованным словам.

Основная функция «энциклопедии» Амен-ем-опе была учебная. На это указывает не только нахождение фрагментов ее в Рамессеуме, где, как мы знаем, существовала писцовая

⁷ A. Erman. Die Literatur der Ägypter. S. 240, ср. W. Struve. Das Volk der *T3-k3r3* // Яфетический сборник, VI. С. 94, прим. 3.

⁸ W. Spiegelberg. Hieratic Ostraka and Papyri found by J. E. Quibell in the Ramesseum. Pl. XLIV, XLVII, животные — pl. XLIII.

⁹ A. Mariette. Les papyrus égyptiens du Musée de Boulaq. I. Pl. 27.

¹⁰ G. Möller. Hieratische paläographie. III. 1912. S. 3, Anm. 1.

школа,¹¹ но и самый ее заголовок «учебник, делающий умным и обучающий невежду, для того чтобы знать все существующее»¹². Организация и подбор материала в книге были рассчитаны на последовательное усвоение, от доски до доски. Как правило, «энциклопедия» приводит только по одному термину для объекта. Поэтому из числа обозначений фараона в соответствующем месте приведено только самое основное, *nsw.t* «царь». Для восполнения пробела в обучении терминологии Амен-ем-опе проставил в титулах сановников в двух следующих строках целую серию фараоновских обозначений: «писец грамот Гора, сильного быка, начальник покоя доброго бога, первый царский посредник его величества (которое да будет живо, невредимо и здорово), носитель опахала по правую сторону царя, исполнитель превосходных работ повелителя обеих стран, Заведующий *mhn* победоносного(?) царя, начальник палаты своего владыки (который да будет жив, невредим и здоров)»¹³. Именно установкой на последовательное чтение текста объясняется и внешнее оформление книги, совершенно непригодное для справочника. Отдельные термины не были выделены, как в «энциклопедиях» Среднего царства и позднего времени; весь текст написан слитно; строки довольно длинные (в московском списке 13–17 строк образуют столбец) и содержат столько терминов, сколько в каждой умещается, причем части слов переносятся не только из строки в строку, но (в московском папирусе) даже из столбца в столбец.

Учебное назначение книги обусловило и структуру текста. В целях более быстрого и прочного усвоения терминов надо было преподносить их не отдельными разрозненными группами, а в системе, так, чтобы по возможности каждый термин цеплялся за другой. Ниже мы увидим, каким образом подобный переход от одних предметов к другим осуществлялся Амен-ем-опе.

Наконец, учебной функции нашей «энциклопедии» соответствует широта ее охвата. Она хотела бы перечислить все существующее (конечно, наиболее существенное), и это вполне логично для учебника, снабжающего ученика общими сведениями для будущей деятельности. Ознакомимся с построением текста.

Энциклопедия начинается с высокопарного заголовка, как и полагается египетскому учебнику:

«Этим начинается учебник, делающий умным и обучающий невежду, для того чтобы знать все существующее, созданное Птахом и написанное (вариант московского списка: «сотворенное») Тотом, небо с его звездной системой, землю и то, что в ней, извергаемое горами, орошаемое водами, все, на что светит солнце и все, чему дано произрастать на земле, придуманный писцом божественных книг «дома жизни» Амен-ем-опе, сыном Амен-ем-опе, который говорит:...»

Непосредственно за этим следует уже перечень небесных явлений: «небо, солнце, луна, звезда, (созвездия:) Орион, Большая медведица, Павиан, Великан (?), Свинья, туча, гроза, рассвет (?), темнота, свет, тень, свет, солнечный луч». Этот перечень соединяется со следующим, содержащим названия вод и водоемов, посредством одновременно «небесного» и «водяного» термина «роса». В конце обстоятельного списка «водяных» терминов мы находим уже полусухопутные, как «берег» и «остров», и затем перечисляются десять видов почвы (в том числе: «посев (?), роща, песок»). На словах для суши космологическая часть резко обрывается; начинается новый раздел: человек в многообразии его социальных и этнических обликов. Впрочем, логически космологическая и «человеческая» части связаны между собой. Перед «царем» и «царицей» упоминаются еще «бог и богиня, покойный и покойная», поскольку покойники считались в Египте существами божеского порядка. Крайняя зависимость древнеегипетского общества от природы окрашивала в густые натуралистические тона его религиозные представления, так что боги скорее находились в явлениях природы, чем стояли над ними. Этот примат природы над

¹¹ A. Erman. Die Literatur der Ägypter. S. 240, Anm. 1.

¹² Б. А. Тураев. Страница из истории древне-египетской литературы // ЗРАО. Отделение археологии древне-класс., визант. и западно-европ., I, 1896. С. 432–435; отд. оттиск, с. 2.

¹³ G. Maspero. Un manuel de hiérarchie égyptienne // Journal Asiatique, 1888. P. 236–257; H. Brugsch. Die Aegyptologie. 1891. S. 213–214.

антропоморфными богами отразился и в «энциклопедии» Амен-ем-опе, начинающейся с космических явлений и только затем переходящей к богам. Таким образом, космическая часть связывается с «человеческой» через термины для бога, покойного и земного божества — фараона. Можно было бы ожидать, что «человеческая» часть будет расположена в строгом иерархическом порядке. В действительности же это не совсем так. Иерархический принцип соблюден в отношении общественных группировок (иначе и не мог поступить представитель правящего класса древнего Египта), но зато, если не считать отдельных случаев, не выдержан внутри их. Отсутствие иерархической последовательности в списке должностных лиц, где мы как раз могли бы ее ожидать, объясняется практичной педагогической установкой на функции должностей и профессий, а не на ранг их носителей. После небольшого перечня царского семейства идет длинный список должностных лиц. Крупнейшие сановники перечислены в иерархическом порядке, остальные должностные лица сгруппированы в общем по профессиональному признаку. По тому же признаку (понимаемому иногда чрезвычайно внешним образом) распределены и названия ремесленников и мелких служащих, составляющие следующую часть «людского» перечня «энциклопедии». За ними приведена серия терминов массового характера, для народа и войска, а так как последнее во вторую половину Нового царства рекрутировалось в значительной степени из иноземцев, Амен-ем-опе переходит к предпоследней группе «людских» терминов — именам чужеземных народов, в частности городов-государств. Насколько можно судить при неясности многих имен и плохой сохранности данного места в московском папирусе, и этот список расположен в систематическом порядке: Ливия — Малая Азия — Сирия — Палестина (в конце списка — не отождествленные¹⁴ имена; здесь же упоминается Вавилония). Станным представляется отсутствие нубийских названий; возможно, что они почему-либо менее интересовали писца московского папируса и были им сознательно пропущены. В Новом царстве иноземцы не только поставляли солдат для египетской армии: успешные войны доставляли целые толпы пленных, превращавшихся затем в крепостных и рабов. Поэтому и Амен-ем-опе от имен иноземных народов переходит, повидимому, непосредственно к терминам для несвободного населения. Крепостные расценивались только как физическая сила и классифицировались в документах по возрастным категориям. Вероятно, этой возрастной терминологии обучает прежде всего своих учеников писец-крепостник («заведующий царскими рабами»¹⁵ стоит у него в списке чиновников между «заведующим быками» и «заведующим лошадьми»): «мужчина, парень (*mnh*), старик, (с необычным знаком-определителем?) женщина, взрослая девушка, «различных голов» (ново-египетский термин для подведения итога при подсчете людей), подросток, мальчик, юноша, девушка». Заканчивается последняя часть людского списка словами: «рабы, рабыни», перед которыми приводятся еще несколько терминов («ремесленник (плотник) верфи» и др.). После «людского» списка следует вполне логично перечень мест жительства вместе с постройками и территориями. Слово «город» вводит длинную вереницу имен египетских городов, среди которых сообщается несколько географических названий иного порядка, как «Меридово озеро» или имена нильских рукавов. Верхнеегипетские города перечисляются с юга на север, система (если она имелась) в порядке следования местностей Дельты неясна.¹⁶ Слова «замок» и «посад» образуют переход к перечню построек и их частей и ряда территорий, в том числе различных родов пашен. Заговорив об агрономических терминах, Амен-ем-опе находит удобный повод перейти к последнему большому разделу, сохраненному московским списком: пищевым продуктам. От видов зерна и сходных предметов он переходит к муке и затем сортам хлебов и печений, пирожным, сладостям, крепким напиткам и, наконец, видам мяса. Рамессейские

¹⁴ См. М. Burchardt. Die altkanaanäischen Fremdworte und Eigennamen im Ägyptischen. 2. Teil, passim.

¹⁵ Так в лондонском папирусе по транскрипции Г. Масперо: G. Maspero. Un manuel... P. 237, l. 17–18.

«Заведующий домом царя»; в московском списке скорее всего ошибка: «старший домоправитель повелителя обеих стран» упоминается в конце списка чиновников.

¹⁶ Ср. В. В. Струве. Манефон и его время. Гл. 1 // Записки Коллегии востоковедов, III. С. 120, прим. 4.

фрагменты показывают, что продолжение энциклопедии содержало еще списки скота, птиц и, кажется, насекомых, а из заглавия можно заключить, что ее охват был еще шире. Таким образом, в основе книги Амен-ем-опе лежала довольно стройная схема: природа, человек, места его обитания и деятельности, пища... животные. Эти большие разделы делились на более мелкие, последние в свою очередь на еще более мелкие и т. д. Все это, однако, чисто логические подразделения, не выраженные в самой книге. Мало того, Амен-ем-опе сделал все возможное, чтобы избежать резких скачков при переходе от одной группы терминов к другой и от предшествующего термина к последующему. При описании состава энциклопедии было приведено несколько образцов этого связывания терминов. Отдельные разрывы в изложении были, конечно, неизбежны, но они сравнительно редки. Подобная сцепленность терминов по содержанию значительно облегчала их усвоение, как на то было указано выше. Учебная функция энциклопедии обусловила структуру текста.

В связи с общественным назначением книги Амен-ем-опе необходимо остановиться на вопросе о преобладании в ней терминологического или орфографического интереса (что наш памятник преследовал не чисто познавательные цели, показывает хотя бы включение в него такого технического счетного термина, как *tp.w. šbn.w* «различных голов — столько-то»). Б. А. Тураев рассматривал ее как пособие для усвоения отборных выражений¹⁷, тогда как А. Ерман склонен видеть в ней орфографический учебник¹⁸. Детальный анализ памятника показывает, что более основательно первое мнение. Если бы наша книга была чисто орфографическим пособием, мы должны были бы ожидать большего внимания к орфографии терминов со стороны переписчиков, однообразия написаний в наличных списках. И действительности же эти последние полны орфографических несовпадений, и притом сплошь и рядом весьма существенных. Важно и то, что сам составитель энциклопедии смотрел на нее не как на перечень слов в их графическом выражении, а как на перечень конкретных предметов. Там, где предмет заключал в себе известную множественность, Амен-ем-опе и его переписчики легко сбивались с обычного единственного числа на множественное: «князья городов и поселений», «(жрецы)-пророки», «(жрецы)-отцы бога»; особенно щедр на множественное число московский список. Первый термин: «князья городов и поселений» особенно показателен: при чисто орфографическом подходе стояло бы просто «князь» в единственном числе и без дальнейших определений. Характерны и слова с эпитетами: «писец дома жизни, сведущий в своей должности» и «город Фивы Амона, госпожа всех городов», поскольку здесь сообщаются не только термины, но и «сведения» об обозначаемых ими предметах.

Еще несколько слов о значении энциклопедии Амен-ем-опе для фиванской школы позднего времени. С концом Нового царства и выросшего под его сенью роскошного быта господствующего класса терминология завершившейся эпохи становится для этого последнего классической, завещанной «счастливым» временем. Возможности усвоения ее на практике значительно сузились, и приходилось усиленно культивировать ее искусственное, школьное изучение.¹⁹ Этим можно объяснить обилие списков «энциклопедии», дошедших до нас от начала позднего периода.

«Энциклопедии» Амен-ем-опе было уделено сравнительно много внимания, поскольку она одна из числа дошедших до нас египетских памятников этого рода обладает вполне систематической организацией материала и универсальным охватом. Как и рассмотренная книга Среднего царства, она носит чисто светский характер — в ней всего четыре религиозных термина: «бог, богиня, покойный, покойная». Это объясняется, конечно, практической установкой книги: дать подбор терминов и их написаний для предметов, встречающихся в повседневной писцовой практике в области хозяйственной и государственной жизни (замечу, что список созвездий доведен также до минимума). Теперь мы должны будем обратиться к памятникам иного характера.

¹⁷ Б. А. Тураев. Страница из истории древне-египетской литературы. Отд. оттиск, с. 2.

¹⁸ А. Eрман. Die Literatur der Ägypter. S. 240–241.

¹⁹ Ср. Б. А. Тураев. Страница из истории древне-египетской литературы. Отд. оттиск, с. 1–2; Б. А. Тураев. Египетская литература. С. 261.

С конца Нового царства господствующий класс переживал глубокий затяжной кризис, завершившийся превращением страны в домен греческих и римских рабовладельцев. Бессилие перед этим историческим процессом нашло себе выражение в росте религиозных настроений, и, быть может, не простая случайность, что от греко-римского времени до нас дошли энциклопедии, отмеченные преобладанием религиозного элемента.

Насколько мне известно, наиболее ранними из этих энциклопедий являются два фрагментированных демотических папируса из гробницы Птаххотпе в Саккара, датирующиеся птолемеевским периодом (приблизительно III веком), но аналогичные книги существовали, вероятно, уже значительно раньше: по крайней мере, от персидской эпохи сохранился обрывок демотического папируса с несколькими мифологическими терминами, написанными друг над другом. Оба упомянутых текста и этот обрывок хранятся в Каирском музее (№ 31168, 31169, 31240) и были изданы W. Spiegelberg'ом²⁰. С внешней стороны папирусы из гробницы Птах-хотпе напоминают «Энциклопедию» Среднего царства: как в ней, так и в них термины расположены столбцами, так что один термин стоит над другим и каждый выделен в особую строку. Это одно позволяет уже предполагать, что перед нами книги справочного характера, и в таком мнении укрепляет наличие на обороте № 31169 списка теофорных имен, разбитых на группы по первой со-составной части.

Хотя оба папируса и не содержат одинаковых мест, сходство их по содержанию побудило W. Spiegelberg'a считать их фрагментами двух экземпляров одной и той же книги (двух различных экземпляров — ввиду разнохарактерных текстов на оборотных сторонах).²¹ Фрагмент № 31169 начинается с длинного списка местностей Дельты, расположенных, по всей видимости, в географическом порядке, с запада на восток,²² после чего приводится небольшое число таких терминов, как названия чужеземных стран, оизоп, стран света. Переход от местностей Дельты к Сирии образуют имена пограничных крепостей. Что географический список составлял особую «книгу», показывает обычная заключительная формула, помещенная в его конце. Затем следует перечень божеств (включая общие термины: «бог, богиня») и несколько списков имен отдельных богов (списки идут не в иерархической последовательности: имена Осириса, Амона, Гора, Исиды, Птаха). Аналогичные списки имен для других богов содержатся и в папирусе № 31168, наряду с упоминаниями различных божеств (главным образом, второстепенных), царя и жреческих должностей. Характерной особенностью обеих книг является выписывание имени бога над списком его имен в виде заголовка данного раздела (основное имя входит в состав этих «имен»). Фрагментарный характер папирусов не позволяет определить точнее их функции.

От римской эпохи (I—II вв.) мне известны два памятника энциклопедического характера с установкой на «теоретические» интересы, из которых только один будет предметом рассмотрения в настоящей работе. Другой — чрезвычайно фрагментированные таблицы с содержанием преимущественно религиозного характера²³ — не подлежит нашему изучению, поскольку отнесение его к энциклопедиям проблематично, и он существенно отличается от той группы книг, внутри которой возникла энциклопедия в нашем смысле слова.

Эта последняя представлена иератическим папирусом римского времени, хранящимся в Берлинском музее за № 7809 и 7810. От всей книги уцелело только три фрагмента, да и те, насколько мне известно, не были полностью опубликованы, так что нам поневоле придется быть краткими при обсуждении этого интересного в книговедческом отношении памятника. Четвертый и пятый столбцы № 7809 воспроизведены G. Möller'ом в качестве образца иератики римского периода в III части «Paläographie»; несколько замечаний по поводу № 7809 и 7810 содержатся там же в тексте.²⁴ Краткая характеристика

²⁰ W. Spiegelberg. Die demotischen Papyrus. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire, XXXIX. S. 266–280, 315; XL, Taf. CVI–CXI CXXXV.

²¹ Ibid., XXXIX. S. 278.

²² Ibid.

²³ W. M. Fl. Petrie. The Geographical Papyrus (an Almanack). Two Hieroglyphic Papyri from Tanis, II.

²⁴ G. Möller. Hieratische Paläographie. III. 1912. Taf. VIII, S. 12.

памятника была дана Б. А. Тураевым в его заметке: «Страница из истории древне-египетской литературы» (1896).²⁵

С точки зрения внешнего оформления берлинская книга напоминала «энциклопедии» Среднего царства и птолемеевской эпохи, но только до известного предела.²⁶ Папирус был разграфлен на довольно широкие столбцы, пересеченные горизонтальными линиями; между столбцами были оставлены промежутки («поля»). Термины с длинными пояснениями занимали каждую отдельную строку, остальные ютились по несколько в одной строке. Обратного, т. е. переноса пояснения в следующую строку, избегали: не уместившееся слово выписывалось над концом строки, а позади ее и перед перенесенным словом ставился знак переноса — косой крестик. В отличие от «энциклопедии» Амен-ем-опе берлинский папирус, как правило, четко разграничивал термины в одной строке, а нередко также термин и пояснение или части пояснения, оставляя между ними известные промежутки. Все отмеченные черты внешнего оформления книги объясняются стремлением к четкости, необходимой для справочника, в связи со стремлением к экономии дорогого папируса.

Отличительное свойство берлинского памятника, позволяющее причислить его к несомненным энциклопедиям, состоит в комментариях и пояснительных эпитетах, сопровождающих термины. Но прежде чем остановиться на этой особенности, нам придется вкратце коснуться его содержания.

Уцелевшие фрагменты представляют две части энциклопедии: «астрономическую» и мифологическую. «Астрономическая» часть (№ 7810), поскольку она до нас дошла, содержит «перечень различных слов для понятий, имеющих отношение к небу» и «к звездам и созвездиям» (Б. А. Тураев). То, что дошло от мифологической части (№ 7809), воспроизводит объяснения имен различных богинь («образец позднейших попыток систематизации и сопоставлений различных божеств»), имена, повидимому, злых духов, пояснения к терминам для покойников и различных божественных существ и их ассоциаций, сопоставления вечерней и утренней барок солнца с Исидой и Нефтидой, наименования божеств, слова для образов и изображений и др. Фрагментарность текста и отсутствие полной публикации лишают возможности составить себе отчетливое представление о системе распределения материала в книге; все, что можно сказать, это то, что в ряде случаев термины сгруппированы по содержанию и по форме. Так в начале 4-го столбца перечисляются различные существа, имеющие то или иное отношение к солнечной барке, причем имена первых пяти видов оканчиваются на *tjw*, а имена следующих трех начинаются с *b3.w* «души», что дает повод перейти к четырем другим видам «душ», из которых первые два имеют отношение к закату и восходу солнца, а другие два только локальные ассоциации божеств. Но последний момент дает, повидимому, возможность перейти к термину «великая совокупность девяти (богов)», в известной мере тоже локальному — гелиопольскому. С другой стороны, «души» появляются снова через известный промежуток в 5-ом столбце. Повторяю, скудость материала не позволяет сделать определенных выводов о его организации.

Приведу теперь несколько образцов из 4-го и 5-го столбцов № 7808 для иллюстрации способов пояснения терминов. Пояснение в виде эпитета: «*ns.tjw*, которые приветствуют (?) в небесной барке». Пояснение в виде комментария: «Великая совокупность девяти: Атум, Шу, Тefнyт, Геб, Нyт, Осирис, Исида, Бе (Cет), Нефтида». Пояснение в виде приложения и комментария: «Души Пе, сокол, (птица) *drj.t*, коршун-Гор, Имсети, Хепи». Соединение трех родов пояснений: «Восточные души, павианы, которые в ликовании — Рэ-Гор-горизонтный, Гор-*hntj-n-ir.tj*, Утренняя звезда». Комментарий может вводиться с помощью местоимения *pw* («это»): «Души Нехена, ибис, Апис, Мневис, это — Гор, Дуамутеф, Кебехсенуф» или «Души Гермополя, это — тот, что с открытым лицом

²⁵ Б. А. Тураев. Страница из истории древне-египетской литературы. Отд. оттиск, с. 2–3.

²⁶ Следующее описание внешнего оформления берлинской энциклопедии основано исключительно на репродукции столбцов 4 и 5 в «Hieratische Paläographie» G. Möller'a.

в месячный праздник». Иногда автор не довольствуется одним толкованием и сообщает вариант: «*gšp.tjw*, которые тащат (?) небесную барку. Иное чтение: *hpr(w)jw*». По своей форме комментарии берлинской энциклопедии совпадают с традиционными пояснительными замечаниями египетских религиозных текстов, и в этом нет ничего неожиданного, поскольку она была составлена на материале этих последних в целях их понимания.²⁷

В римскую эпоху хранителем культуры старого господствующего класса, раздавленного греко-римскими господами, было жречество. Цепляясь за религиозную идеологию своего класса, потерявшую почву в действительности и становившуюся мертвой реликвией, оно нуждалось для ее понимания в обстоятельных пособиях.²⁸ Одной из таких книг и была берлинская энциклопедия: она принадлежит греко-римскому времени не только графически, но и лексически. С каким вниманием относились к подобным справочникам, показывают иератические и демотические заметки между ее строк, написанные другим пером, чем основной текст, и содержащие пояснения и дополнения к последнему.

На связь берлинской энциклопедии с предыдущими в отношении внешнего оформления было уже указано. Не менее тесно связаны они и по своему подходу к материалу. Наряду с поясняемыми терминами берлинский папирус приводит и отдельные слова, без пояснений, совершенно в стиле других книг. Из голых терминов состоит, например, конец 5-го столбца № 7809. Выражаясь образно, подлинная энциклопедия вылупилась из яйца, но еще не сбросила остатков скорлупы. Характерно также присутствие среди непоясняемых слов нарицательных выражений, как «нападающая душа», употребительного в применении к воинственным богам, или «сильный бог» (*ntr nꜥš*), эпитета для льва и богов. Подход к материалу терминологический, как это имеет место, например, в произведении Амен-ем-опе. Таким образом, берлинская энциклопедия, с одной стороны, является энциклопедией в современном смысле слова, с другой стороны, не может быть отделена от той группы египетских книг, которую мы можем обозначить энциклопедиями только условно. Правда, такой памятник, как книга Амен-ем-опе, дает нам богатый материал для постановки вопроса о возникновении систематической и универсальной энциклопедии, но назвать подобные ему египетские книги энциклопедиями можно пока что только ввиду их теснейшей связи с несомненной энциклопедией. Является ли эта последняя хронологическим завершением их ряда, как это можно было бы заключить из наличных данных, или существовала и в более ранние периоды — для ответа на этот вопрос наш материал еще слишком скуден.

Ноябрь 1931 г.

²⁷ Ср. Б. А. Тураев. Страница из истории древне-египетской литературы. Отд. оттиск, с. 2–3.

²⁸ Там же. С. 1–2; Б. А. Тураев. Египетская литература. С. 261.

О «КОСМОПОЛИТИЗМЕ» В ЕГИПЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЭЛЬ-АМАРНСКОГО ПЕРИОДА

В специальной и популярной литературе получила широкое распространение теория об эль-амарнском космополитизме. Если действительно в XIV в. до н. э. в Эль-Амарне, резиденции еретика-солнцеклонника Эхнатона, литература правящих кругов военной империи была проникнута космополитическими настроениями, то это должно представлять значительный интерес для истории литературного космополитизма вообще.

Теория базируется на описании универсального промысла Солнца в большом солярном гимне, сохраненном нам «кавалерийским генералом» и собственником Эхнатона Ии.¹

«Страны Сирия и Нубия и страна Египет — ты ставишь каждого на его место и заботишься о его довольствии. Каждый снабжен своей пищей, и время его жизни исчислено. Языки разделены речью; их (людей) облик и цвет их кожи сделаны различными. Ты различил чужеземные народы. Ты создал Нил в преисподней и доставляешь его, сколько хочешь, чтобы сохранять народ живым, как ты его создал. Ты владыка их всех, потрудившийся над ними, владыка всех стран, светящий им, солнце дня, преисполненное величия.

Все далекие чужие страны — ты заботишься о их пропитании. Ты поместил Нил на небе, чтобы он ниспадал к ним и волновался по горам, как море, чтобы орошать их поля в их местностях. Как дивно они выполнены, твои замыслы, вечный! Нил на небе — ты предоставил его (?) иноземцам и всем диким животным пустыни, ходящим на ногах, а (собственно) Нил — он течет из преисподней в Египет».

В порядке перечисления стран в начале отрывка усматривали нарочитое принижение Египта, но в настоящее время проф. В. В. Струве и М. Э. Матье показали, что в египетском при перечислении более значительное слово могло стоять как на первом, так и на последнем месте.²

Менее конкретными описаниями универсального благодетельного значения Солнца — для всех людей, всех стран, всей вселенной — изобилуют и остальные эль-амарнские тексты.

В праве ли мы считать на основании подобных высказываний, что официальная литература того времени проповедывала равенство покоренных народов с египтянами?

Ответ на это дают тексты с тех же стэл и гробниц, что и «космополитические», но дополняющие существенно наши сведения, почерпнутые из этих последних, об отношении эль-амарнской письменности к иноземцам.

Как и в другие периоды Нового царства, авторы надписей любят вереницами чужеземцев, которые идут в Египет, навьюченные данью, просить пощады у грозного повелителя.

В ответной речи царю при основании Эль-Амарны двор говорит: «...все низменные и горные страны и эгейские народы со своими податями и своею данью на своих спинах для заботящегося о их пропитании (т. е. для эль-амарнского Солнца)».³

В пояснение к картине приемки дани написано, что Фараон и его жена «явились на великих носилках из золота, чтобы принять дань Сирии и Нубии, запада и востока; все страны, соединенные зараз, и острова, лежащие среди моря, приносят дань царю на великом троне Эль-Амарны для приемки податей всех стран... им пощада („дыхание жизни”)».⁴

Около другой аналогичной картины стоит: «князья всех стран приносят [дань]... прося у него мира... пощада („дыхание жизни”)».⁵

Фараон выставляется грозой и поработителем иноземцев и одновременно благодетелем и защитником Египта.

¹ N. de G. Davies. The Rock Tombs of El Amarna. Pt. VI. Pl. XXVII; новый перевод: A. Erman. Die Literatur der Aegypter. Leipzig, 1923. S. 358 ff.

² М. Э. Матье // Сборник Египтологического кружка при Ленинградском Государственном университете, вып. 2, 1929. С. 32–33.

³ N. de G. Davies. The Rock Tombs of El Amarna. Pt. V. Pl. XXIX, XXXI.

⁴ Ibid. Pt. III. Pl. XIII.

⁵ Ibid. Pt. II. Pl. XXIX, XXXVIII.

Придворный сановник Яхмес и вслед за ним управляющий царицы-матери Хи говорят о фараоне в утреннем гимне Солнцу: «...юг, как и север, запад и восток и острова, лежащие среди моря, приветствуют его. Его южная граница докуда (дует) ветер, северная — докуда светит солнце. Все их князья в., ослабев перед его могуществом, дивной пищи, приводящей обе (египетских) страны в праздничное настроение, заботящейся о довольствии всей страны».⁶

По поводу последней фразы А. Эрман основательно замечает, что фараон изображен здесь игом для иноземцев и благословением для Египта.⁷

В вечернем гимне Солнцу начальника царского женского дома Мерира читаем: «Оно (Солнце) дало ему (фараону) покорить все страны, на которые оно светит, оно отдало ему в наследие всю вселенную, чтобы порадовать его ими... Они (будут) под ногами Уа-ен-ра (Эхнатона), любимого как Солнце, пока море не... на ногах, пока горы не поднимутся, чтобы уйти, пока вода не потечет вверх по течению. Добрый государь Солнца!.. Оно установило твою южную границу... [докуда] (дует) ветер, твою северную — докуда светит солнце. Это твоя сила защищает обе (египетских) страны, это твоя мощь сохраняет народ живым. Уа-ен-ра, любимый как Солнце...».⁸

Чужеземных князей фараон попирает ногами.

Верховный жрец Мерира обращается к Солнцу в утреннем гимне со следующими словами: «...ты отдал их в наследие своему любимому сыну, ты передал ему страны, чтобы порадовать его, чтобы делать угодное тебе. Он управляет ими в твою пользу... земля подчинена ему, как она была подчинена тебе. (Все) девять народов... его веллпчеств(а,-ом); их князья соединены под его подошвами».⁹

Но особенной свирепостью к покоренным народам дышит панегирик Туту, не уступающий в этом отношении триумфальным надписям наиболее воинственных фараонов (к сожалению, текст дошел со значительными повреждениями).

Туту, крупнейший сановник эль-амарнской империи и руководитель ее иноземной политики,¹⁰ говорит Эхнатону: «(Радуюсь?) тебе, дрожит вся страна, Сирия, Нубия, все страны. Их руки (протянуты) к тебе, восхваляя тебя. Они молят о жизни... они говорят: „пощади нас („дай нам дыханье“)!“ Страх перед тобой замкнул носы... Смотри, твое могущество (отзывается?) в них очочением (?). Твой боевой крик уничтожил (??) их тело, как огонь, пожирающий дерево».¹¹

Ту же картину, что в литературе, мы наблюдаем в изобразительном искусстве.

Указывали, что иноземцы изображены в гробнице царевен¹² присутствующими при царском богослужении Солнцу наряду с египтянами, но на больших рельефах Хи¹³ и Мерира II¹⁴ те же иноземцы толпами приводятся на привязи к Эхнатону. Фигурами связанных чужеземцев были украшены царские носилки¹⁵, парадное окно¹⁶ и дворцовый пол¹⁷.

Приведенные цитаты из эль-амарнской литературы не позволяют говорить о ее космополитизме. Теория о нем создалась в результате переоценки и идеализации простого описания универсального промысла Солнца, без учета националистических высказываний. Надо признать, что Эль-Амарна не является первой главой в истории литературного космополитизма.

Ленинград. 16 III 1933.

⁶ Ibid. Pt. III. Pl. XXIX, III; новый перевод: A. Erman. Die Literatur der Aegypter. Leipzig 1923. S. 362, 363.

⁷ A. Erman. Die Literatur der Aegypter. Leipzig 1923. S. 362, Anm. 3.

⁸ N. de G. Davies. The Rock Tombs of El Amarna. Pt. II. Pl. XXX.

⁹ Ibid. Pt. III. Pl. XLI.

¹⁰ H. Ranke // ZÄS, LVI, 1920. S. 69–71.

¹¹ N. de G. Davies. The Rock Tombs of El Amarna. Pt. VI. Pl. XIX.

¹² U. Bouriant, G. Legrain, G. Jéquier. Monuments pour servir à l'étude du culte d'Atonou en Egypte. T. I. Pl. I ss.

¹³ N. de G. Davies. The Rock Tombs of El Amarna. Pt. III. Pl. XIV, XV.

¹⁴ Ibid. Pt. II. Pl. XXXVII ff.

¹⁵ Ibid. Pl. XL.

¹⁶ Ibid. Pl. XXXIV; Pt. VI, pl. IV = Pt. V, frontispiece; Pt. VI, pl. XIX.

¹⁷ W. M. Fl. Petrie. Tell el Amarna.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПРЕНИЯХ ПО ДОКЛАДУ В. В. СТРУВЕ «ПРОБЛЕМА ЗАРОЖДЕНИЯ, РАЗВИТИЯ И РАЗЛОЖЕНИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА»

Я не собираюсь говорить о докладе в целом, а только по тем пунктам, с которыми в процессе работы над египетской эпиграфикой мне приходилось сталкиваться. Я остановлюсь именно на вопросе, имеем ли мы возможность говорить о крепостных в период Древнего царства на основании тех памятников, которые до нас дошли. Кроме того, я коснусь того же вопроса — о наличии крепостных — и для периода Нового царства. Я начну с Древнего царства. Гробничные изображения, дошедшие до нас от Древнего царства, являются в конце концов тем основным материалом, который обычно, надо признаться, и оформляет наши конкретные представления о древнеегипетском крепостничестве. Эти картины трактуются как изображения работ крепостных в поместьях их феодальных господ. Подобной точки зрения держался и я, когда подходил к материалу с «высоты», не входя в детальное его рассмотрение. Столкнувшись же с этими памятниками в процессе кропотливой эпиграфической работы, я должен был пережить ряд разочарований в прежней оценке этих исторических данных. Как известно товарищам египтологам, термин хам-ку, т. е. слугитель души, обозначал жреца, исполнявшего служение за упокой вельможи. Присматриваясь детальнее к надписям, сопровождающим изображения в гробницах Древнего царства, мы видим, что титул хам-ку прилагается не только к тем лицам, которые исполняют непосредственные жреческие обязанности, но и к любым из изображенных персонажей. Оказывается, эти самые хам-ку бывали чем угодно, не только жрецами. Мы их находим и на земледельческой работе, и в качестве мясников, и на гончарном производстве, и в садоводстве, и среди ловчих, и рыбаков, охотников на птиц и т. д. Иногда встречается даже, что изображены хам-ку, и надпись поясняет, что доставка скота производится хам-ку, и тут же оказывается, что над ними надзирает заведующий пастухами. При желании можно подобрать картотеку, из которой явствовало бы, как широко были представлены среди хам-ку различные профессии египетского населения, так что может создаться впечатление, что чуть ли не все лица в гробнице являются хам-ку, исполняющими служение за упокой вельможи. Теперь, кто такие эти хам-ку, каково их экономическое и социальное положение? Если, с одной стороны, на изображениях можно найти лиц, носивших одно звание хам-ку, то существовали лица, носившие, кроме него, и другие звания, вплоть до солидных титулов фараоновской иерархии. Лица очень «важные» и «почтенные», оказывается, занимаются доставкой различных продуктов и животных, как это делают известные символические крестьянки деревень.

Из текстов, повествующих об установлении наделов для хамку, за которые они должны были обслуживать заупокойный культ вельмож, мы узнаем, что хам-ку получали не только пашни, но и людей, а также всевозможный инвентарь. Оказывается, тех людей, которые были подведомственны хам-ку, эти последние не могли продать, поскольку им запрещается заниматься продажей подвластных им людей, а также передавать их в наследство другим лицам, помимо своих непосредственных наследников.

Хам-ку вступают в договорные отношения с учредителями культа, вельможами, для них составляются известные обязательства. Хам-ку могут выступать в роли жалобщиков перед судом и т. д. Таким образом, они являются также лицами вполне «юридическими».

Изображения, которыми пользуются для построения конкретной наглядной картины египетского крепостничества времени Древнего царства, не показывают нам крепостных, потому что лица, изображенные за различными работами, являются довольно подозрительными крепостными ввиду их смешанного состава, их близости к вельможным слоям и возможности отождествить их с хам-ку, если любая из изображенных «профессий» может исполняться последними.

Может быть, мы имеем какие-нибудь указания в текстах, помимо посвященных изображениям гробниц? Указания, которые бы говорили о крепостных, мне не известны. В частности тот текст, который И. М. Лурье приводил из гробницы Метена и который он

понимает в том смысле, что «он принес» 200 арур пашни «с царскими людьми», которые, как он предполагает, являются крепостными, на самом деле переводится иначе: «Он купил 200 арур пашни у многих сутиу». Я говорю «сутьу», потому что сейчас этот термин читается так, а не «несутьу». Этот текст говорит о купле земель у многих сутиу, а не о том, что земля была куплена с крепостными. Параллельные тексты Древнего царства показывают, что мы должны переводить таким образом.

Теперь я коснусь вопроса о крепостных в период Нового царства. На чем основаны наши наиболее конкретные представления о «крепостных» Нового царства? На поучениях школьного характера. Но кто такие те лица, которые упоминаются в этих поучениях? Поучения были составлены для школьников с той целью, чтобы ученик не променял профессии писца на другую невыгодную. В частности, ему не рекомендуется отворачиваться от писцовых занятий в пользу занятий земледелием. Конечно, его не уговаривают не делаться крепостным или рабом. Здесь идет речь просто о том, чтобы он не сделался земледельцем, так как это невыгодно.

Существовал социальный термин немху. Кто такие немху? Одно из значений этого слова — «сирота». Отсюда, мне кажется, произведены такие его значения, как бедняк, простолудин и т. д. Мы имеем богатый материал о немху, но я коснусь его лишь постольку, поскольку немху нас интересуют сейчас. Если мы обратимся к ширококвещательному декрету царя Харемхеба, то из первой части, которая посвящена защите этих немху, мы увидим, что они занимались земледелием, что они должны были доставлять подати, но при этом, оказывается, чиновникам запрещается брать у них рабов.

Возьмем далее источник о немху конца Нового царства, отмеченный как таковой в свое время В. В. Струве. Это тот памятник, который упоминался И М Лурье и касается скупки земли, скота и рабов, производившейся властными лицами египетского общества у немху в этот период.

Скупаются такое-то количество пашни, колодцы, древесные насаждения, скот мелкий и крупный, а также рабы и притом за серебро. Эта покупка у немху показывает опять, что немху имели рабов.

Присматриваясь к тем памятникам, которые сообщают нам о занятиях лиц, фигурирующих под названием немху, мы находим чрезвычайное разнообразие профессий и социального положения. С одной стороны, немху являются земледельцами, а, с другой стороны, в тексте конца Нового царствования немху являются жрец-веб, гребец заведующего быками Амона, «горожанка» и др. В известной речи Рамсеса II в кадешской битве, когда он укоряет своих воинов в отсутствии мужества, он говорит им, что, став повелителем в то время, как они были немху, он сделал их князьями, дал им сидеть в их селениях, указал путь к многочисленным городам и т. д. Это говорится о пеших и колесничных воинах. Таким образом, профессии, которыми занимались немху, весьма разнообразны. Что мы знаем о лицах «среднего класса» в Египте Нового царства из других памятников? Здесь обнаруживается, что пастух, солдатский сын, жрец-веб, «горожанка» — вся эта «меньшая братия» египетского общества зачастую являются рабовладельцами.

Начну с памятников достаточно хорошо известных и здесь упоминавшихся — с тех папирусов, которые дошли до нас от времени Аменофисов III и IV. Эти документы повествуют о том, как один пастух нанимает рабынь у разных лиц, причем оказывается, что одно из последних, тоже пастух, имело по меньшей мере двух рабов и двух рабынь. Наем производится «регулярно», и не один человек вступает в эти отношения с одним и тем же пастухом, а целый ряд лиц (пастух, солдатский сын, горожанка с жрецом-вебом).

Эти папирусы не одиноки. Во времена Аменофиса II мелкий жрец-веб занимается тем же. В декрете Сети I в Наури у мелких служащих храма запрещается брать их рабов. Нельзя уводить не только их самих и их жен, но и их рабов. В последнем случае употреблены термины: «хам» (раб), «бак» (слуга). Между прочим о наличии «бак» (слуги) у немху упоминается в папирусе Варзи. Я хочу обратить внимание на то, что тот круг профессий, о которых я говорил и носители которых фигурируют в числе мелких рабовладельцев, оказывается примерно тем же, от избрания которого предупреждают школьные поучения. Вот те два пункта, на которых я хотел сегодня остановиться.

О СЕТИ-МЕНЕПТАХЕ, СЫНЕ МЕНЕПТАХА

Царевич Сети-Менептах, сын фараона Менептах, — личность, давно известная в науке. Многими учеными он основательно отождествлялся с позднейшим царем Сети-Менептахом (Сети II). Задача настоящей заметки состоит лишь в том, чтобы напомнить о значении царевича в государственных делах при жизни отца, поскольку положение будущего Сети II при Менептахе нередко упускалось из виду при установлении порядка следования царей конца XIX династии.

Мне известны следующие упоминания царевича Сети-Менептаха на современных памятниках.¹

1. На сидении изваяния с именами царя Менептаха из Бубастиса, ныне в Каирском музее.

E. Naville. Bubastis // VIII memoir of the Egyptian Exploration Fund. London, 1891. Pl. XXXVIII, D. P. 45 = H. Gauthier. Le livre des rois d'Égypte. T. III // MIFAO, XIX, 1914. (В дальнейшем: H. Gauthier, III). P. 128. № LV, C.

r-p^c.t) sš n-šw.t štj mr-n-ptḥ «Князь, писец царя, Сети-Менептах».

2. На последней «странице» и не полностью на обороте предпоследней «страницы» так называемого папируса D'Orbiney, папируса 10183 Британского музея.

Select papyri in the hieratic character from the collections of the British Museum. Part II. London, 1860. Pl. XVIII, XIX;

F. L. Griffith. Notes on the text of the D'Orbiney papyrus // PSBA, XI, 1889. P. 171;

A. H. Gardiner. Late-Egyptian stories. Bibliotheca Aegyptiaca I. Bruxelles, 1932. P. 29–29a, 30–30a = H. Gauthier, III. P. 128. № LV, D.

t3j ḥwj ḥr wnmj [n] n-šw.t [r-]p^c.t) sš n-šw.t (i)m(j)-r3 mš^c wr s3 n-šw.t (štj mr-(n)-ptḥ «Носитель веера по правую сторону цар[я], [к]нязь, писец царя, военачальник великий, сын царя (Сети-Ме(не)птах».

t3j ḥwj ḥr wnmj n n-šw.t sš n-šw.t (i)m(j)-r3 mš^c wr s3 n-šw.t «Носитель веера по правую сторону царя, писец царя, военачальник великий, сын царя».

3. При изображении царевича сбоку на изваянии Рамессе II, присвоенном Менептахом, из Ермополя, ныне в Каирском музее.

Mohammed Chabân. Fouilles à Achmouneîn // ASAE, VIII, 1907. P. 211–212;

G. Maspero. Le Musée Égyptien. T. II. Le Caire, 1907. P. 37–40. Pl. XIII, B = H. Gauthier, III. P. 126. № LV, B.

r-p^c.t) ḥr(j)-tp t3.wj sš n-šw.t imj-r3 mš^c wr s3 n-šw.t smš šthj mr-n-ptḥ «Князь, глава обеих земель, писец царя, военачальник великий, сын царя старший Сети-Менептах».

ПРИМЕЧАНИЕ. В ASAE начало надписи читается *r-p^c.t ḥ3.t(j)-^c ḥr(j)-tp t3.wj* «Князь, местный князь, глава обеих земель»; в «Musée»: *r-p^c.t ḥr(j) nš.t t3.wj* «Князь, престолонаследник обеих земель». В ASAE *ḥ3.t(j)-^c*, наверно, излишне, но зато чтение *ḥr(j)-tp* — вместо *ḥr(j) nš.t* «Musée» — несомненно, правильно: «глава обеих земель» хорошо засвидетельствовано для конца XIX династии в титулах главенствующих лиц государства.

4. При изображении царевича, стоящего между царем Менептахом с царицей Эсенофре и «везирем» перед Амон-Ре и Птахом, в пещерном храме Гебель Сильсиле.

Champollion le Jeune. Monuments de l'Égypte et de la Nubie. Planches. T. II. Paris, 1845. Pl. CXXI;

R. Lepsius-E. Naville-K. Sethe. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Text. Bd. IV. Leipzig, 1901. S. 85 = H. Gauthier, III. P. 126. № LV, A.

¹ Приведенные ниже ссылки на книги не являются исчерпывающими: перечислены лишь издания, использованные при написании этой заметки.

r-p^c(.t) hr(j)-tp t3.wj sš n-šw.t imj-r3 mš^c wr s3 n-šw.t šmš n h.t.f mr.f stj mr-n-ptḥ m3^c-(hrw)
«Князь, глава обеих земель, писец царя, военачальник великий, сын царя старший от чрева его, возлюбленный им, Сети-Менептах оправ(данный)».

ПРИМЕЧАНИЕ. *hr(j)-tp t3.wj* передано в «Monuments» ошибочно, как кружок и передняя часть льва (*h3.t*) над землею (*t3*), правильно в «Denkmäler», как два округлых полуразрушенных (зачерченных) знака над двумя знаками земли. «Глава обеих земель» хорошо засвидетельствовано для конца XIX династии в титулах главенствующих лиц государства. От знака *sth* в имени Сети видна лишь задняя нога.

5. При изображении царевича в ногах изваяния Менептаха в Танисе.

E. de Rougé, J. de Rougé. Inscriptions hiéroglyphiques copiées en Égypte. I. Études égyptologiques. IX livraison. Paris, 1877. Pl. LXXIV.

r-p^c(.t) m š.t gbb hrp t3.wj n (i)t.f s3 n-šw.t šmš [sth]j mr-n-ptḥ «Князь на престоле Кеба, управляющий обеими землями для отца своего, сын царя старший, [Сет]и-Менептах».

На основании выражений танисской надписи: «князь на престоле Кеба» и «управляющий обеими землями для отца своего» можно заключить, что царевич на деле был соправителем Менептаха, если только не действительным правителем государства за преклонным возрастом фараона. Звание «главы обеих земель» в титулах 3 (Ермополь) и 4 (Гебель-Сильсиле) приобретает в этой связи особое значение. Заслуживает внимания и царское кольцо (картуш) при имени царевича в папирусе D'Orbiney, хотя упомянутые выше воспроизведения (Champollion) и описания (Mohammed Chabân, G. Maspero) изображений Сети-Менептаха не дают оснований считать, что ему был присвоен урей.

*Сокращения, отсутствующие в оригинале,
но использованные при компьютерном наборе статьи:*

ASAE	Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. Le Caire.
MIFAO	Mémoires publiés par les membres de l'Institut française d'archéologie orientale. Le Caire.
PSBA	Proceedings of the Society of Biblical Archaeology. London.

АБИДОССКИЙ ОБЛОМОК ПЛИТЫ С «УКАЗОМ» ХАРЕМХАБА

Насколько мне известно, в печати не было отмечено, что надпись № 34162 Каирского музея¹ представляет собою обломок плиты с известным «указом» Харемхаба.

Судя по изданию, № 34162 является осколком известняковой плиты с правого ее края, имеет в вышину 19 см и в ширину 26 см и был найден в Абидосе в залежах мусора. Абидосское происхождение обломка не вызывает сомнения: на самом камне чернилами написано: «Sebakh Abydos». На обломке уцелели остатки и следы восьми строк врезанной иероглифической надписи с направлением справа налево. Остатки строк 4, 5 и 6 начинаются непосредственно у древнего края плиты, но затем вскоре обрываются, как и поврежденные в начале строки 2, 3 и 7. Строки 1 и 8, хотя и указаны в издании, однако настолько разрушены, что в них издателем не отмечено ни одного иероглифа. К сожалению, надпись была воспроизведена только печатными иероглифами без приложения снимка.

Сличение абидосского обломка с «указом» Харемхаба на карнакской плите² показывает, что строки 2–6 осколка приходятся соответственно на строки 16–20 фиванской надписи. При этом оказывается, что эти строки на обоих памятниках не только одинаково направлены справа налево, но и содержали некогда приблизительно равное количество знаков: обрывки строк на абидосском осколке стоят один над другим, и в таком же положении относительно друг друга находятся соответствующие слова на карнакской плите, с тою разницею, что на первом это — начальные части строк, а на второй — концы. Однако абидосская плита и в целом виде была намного меньше громадной плиты в главном государственном храме (вышина последней около 5 м, ширина — 3 м).

Абидосский обломок приходится почти исключительно на сохранившиеся в Карнаке места «указа». Единственное надежное дополнение содержит конец строки 5 осколка, где уцелело *n3j.f* «его», тогда как карнакская надпись в этом месте отбита на *n3- -*. Сомнительное *p3 (+?)f* — все, что по изданию уцелело от строки 7 обломка, — вряд ли точно передает подлинник: змея *f* стоит у самого края разрушенной поверхности, и, до проверки на месте, позволительно спросить, не поврежден ли знак, и не были ли рожки уха *idn* (см. конец карнакской строки 21) приняты за рога змеи?

Из числа расхождений между обоими памятниками в правописании стоит отметить отсутствие в строке 4 абидосского обломка у слова *hn* «итти» определителя идущих ног, который налицо в карнакском списке (строка 18).

Несмотря на ничтожные размеры, абидосский осколок дает не менее двух существенных различий к карнакской надписи. В строке 18 последняя употребляет вспомогательный глагол *wn* с двойным *n* (*hr wnn.f hr* + infinitivus), тогда как абидосский обломок опускает здесь (строка 4) второе *n* (*hr wn.f- -*). В строке 20 фиванской надписи стоит *hm.j* «мое величество», абидосский же камень вместо этого в строке 6 пишет *hm.f* «его величество». Возможно, что в строке 3 абидосского осколка содержалось еще одно различие: *hp.w* «законы» вместо *hp* «закон» карнакской плиты (строка 17). В абидосской надписи уцелели определители отвлеченности и множественности, и, судя по положению относительно первого из них сомнительного (с вопросительным знаком) иероглифа *p* — единственного оставшегося от слова звукового знака, — можно думать, что за ним каким-то образом следовало *w*. При этом, как впрочем и при иных предположениях, надо будет,

¹ P. Lacau. Stèles du Nouvel empire. T. I. 1er fascicule (= Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Vol. LXXXI. Le Caire, 1926. P. 203–204.

² W. Max Müller. Egyptological researches. Results of journey in 1904. Washington, 1906. P. 56–59. Pl. XC–CIV. Перевод с учетом добытых позже чтений некоторых мест надписи: J. H. Breasted. Ancient records of Egypt. V. III. Chicago, 1906. P. 22–33 (3rd Ed. Chicago, 1927. Те же стр.) Частичное воспроизведение иероглифического текста с восстановлением иероглифами же ряда разрушенных мест: G. Maspero в Th. M. Davis- G. Maspero-G. Daressy-L. Crane. The tombs of Harmhabi and Toutânkhamanou. London, 1912 (Th. M. Davis' excavations: Bibân el Molûk). P. 46–52. Первое (устаревшее) издание надписи: U. Bouriant. À Thèbes. // Recueil de travaux. VI année. Paris, 1885. P. 41–48.

повидимому, допустить некоторую неточность в передаче изданием расположения полуразрушенного слова в строке.

Далее, с помощью карнакской плиты из издания абидосского обломка могут быть, наверно, удалены почти все вопросительные знаки у иероглифов, стоящих у края разрушенной поверхности и, очевидно, не вполне четких в подлиннике.

Более значительным следствием тождества по содержанию № 34162 Каирского музея с концами строк 16–20 «указа» Харемхаба будет заключение, что «указ» был начертан на больших плитах и выставлен не только в Фивах, но и в Абидосе и, надо думать, в других крупных городах Египта, и что фараон тем самым придавал своим мероприятиям исключительное значение. С этим придется считаться при оценке исторической значимости и действенности постановлений Харемхаба в пользу «простолюдинов» и фараоновой казны.

МЕНОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СТАРОЕГИПЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В научной печати не раз говорилось, как малоденежно было хозяйство Египта в пору Древнего царства. Пожалование или предоставление на договорных началах земли и людей, выдача содержания продовольствием, умощением и тканью, объединение в крупных владениях сельскохозяйственного и ремесленного производств — все это, конечно, были обстоятельства, не способствовавшие обмену. Но если они его не развивали, следует ли отсюда, что они его исключали? Не могла ли сложная общественно-хозяйственная обстановка Древнего царства порождать запросы, которые проще всего удовлетворялись обменом, а большая правовая и управленческая сноровка подсказывать удобные способы такого их удовлетворения?

Данные, сопоставленные в настоящей статье, не новость для науки, однако, хорошо известные в отдельности, они не были, кажется, оценены в своей совокупности.

Сведения о тогдашнем обмене немногочисленны, что, при общем обилии источников, могло бы показаться признаком его неразвитости, но такое заключение было бы неосторожным. Мало ли, например, в гробницах Древнего царства земледельческих изображений, но среди них, как будто бы, нет ни единого, где были бы представлены осушка или орошение пахотной почвы. Следует ли отсюда, что Древнее царство чуждалось осушительно-оросительных мероприятий? И не надо ли скорее удивляться богатству свидетельств о меновых отношениях: ведь подавляющее большинство дошедших памятников заупокойного назначения.

А. КУПЛЯ — ПРОДАЖА НЕДВИЖИМОСТИ

1. *Земля.* Отчуждение земли за плату, притом путем скупки одним лицом у многих и в большом количестве, засвидетельствовано уже для начинающейся IV династии. В гробничном жизнеописании сановника *Mtn* из Саккара дважды сказано: «Достал он за вознаграждение [разночтение: „(за) вознаграждение” — с пропуском „за”] пашни 200 сот (сот, греч. *ἄρουρα*, = 2735 кв. м) у *šw.tj.w* многих».¹ «Достать за вознаграждение» (*inj r iśw*) — обычное выражение для «купить» уже в Древнем царстве (ср. последующие примеры). Общественное положение *šw.tj.w*, несколько раз упоминаемых в староегипетских надписях, к сожалению, неясно.

Несколько моложе «завещание» некоего вельможи из гробницы в Гизе, запрещающее, в частности, заупокойным жрецам («рабам двойника») отчуждать землю, предоставленную им для несения с нее заупокойной службы: «Не даю (я) возмочь рабу двойника какому-либо (заупокойного) владения (моего) отдать пашню, люд, [вещь какие-либо, сотворенные (мною) им, чтобы возглашать по (мне)] с них, за вознаграждение людям каким-либо».² «Отдать за вознаграждение» (*rdj r iśw*) — устойчивое выражение для «продать». Запрет продавать отведенную землю предполагает возможность такой продажи.

Сходный запрет от второй половины Древнего царства из гробницы судьи и жреца *Šn.nw(.j?)*-*ḥnh* не перечисляет состава выделенного имущества: «Не даю (я) возмочь и[м (т. е. заупокойным жрецам) отда]ть за вознаграждение (или) по завещанию людям каким-либо» и т. д.,³ однако, надо думать, что и здесь в первую очередь имелась в виду земля.

2. *Строения.* Второй половине Древнего царства, как правильно определено К. Зете

¹ R. Lepsius. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Abt. 2: Denkmäler des Alten Reiches. Taf. 3, 64; H. Schäfer. Aegyptische Inschriften aus den k. Museen zu Berlin. H. 2, Leipzig, 1903. S. 74, 79; K. Sethe. Urkunden des aegyptischen Altertums. Abt. 1: Urkunden des Alten Reichs. Leipzig, 1903. S. 2, 4; переиздано и продолжено в 1932 г. (Возможностью использовать для этой статьи продолженное издание я обязан любезности акад. В. В. Струве); A. Moret. Donations et fondations en droit égyptien // RT, 29, 1907. P. 65, 71.

² E. de Rougé. Inscriptions hiéroglyphiques copiées en Égypte // Études égyptologiques, 9, 1877. Pl. 1; H. Brugsch. Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum. 5. Abt., Leipzig, 1891. S. 1210; K. Sethe. Urkunden des Alten Reichs. S. 12; A. Moret. Donations et fondations... P. 92.

³ A. Mariette. Les mastabas de l'Ancien empire. Paris 1889. P. 318; K. Sethe. Urkunden des Alten Reichs. S. 36; A. Moret. Donations et fondations... P. 92.

по облику писмен, принадлежит каменный список купчей на дом с царского кладбища в Гизе.⁴ Верх плиты поврежден, и звание покупателя не установлено; только он, наверно, был рядовым представителем кладбищенской среды, судя по убожеству (дешевизне) дома, скромному общественному положению свидетелей, из которых многие, если не все, были связаны с кладбищем, и заключению сделки в кладбищенском управлении. Продавец дома назван писцом. Купчая составлена явно по установленным правилам, с соблюдением установленного правового обряда, что, конечно, свидетельствует о частоте и давности подобных сделок. Сперва изложен предмет сделки с поименованием сторон, затем заявление продавца о своем удовлетворении ценой (?), отказе от всяких прав на дом в дальнейшем (?) и получении платы, наконец, удостоверение со стороны присутствия и свидетелей. Способ расплаты тот же, что был распространен в последующие времена.⁵ Дом оценен в «деньгах» — в 10 *š.t(j?)*, но оплачивается не ими, а тремя предметами обихода, цены которых, указанные для каждого в отдельности в тех же *š.t(j?)*, вместе составляют цену дома (3+4+3 = 10).

«[Такой-то] сказывает: Достал (я) дом этот за вознаграждение у писца *Tntj*. Дал (я) 10 *š.t(j?)* за него:

«четверное» полотно (?) 1 — *š.t(j?)* 3

кровать 1 ” 4

«двойное» полотно (?) 1 ” 3

Писец *Tntj* сказ[ал]: (Как) жив царь, дано (что) правильно, удовлетворен я (?) им, так что (?) (может?) явиться завещание любое дома этого (и?) передача (?); выполнил ты возмещения эти передачею (?)

Запечатлено в сделке (относящейся к) *ht*, перед присутс[тви]ем (пирамиды) „Небосклон(ный житель — ?) Шуфе (Хеопс)”, перед свидетелями многими: резником *Tntj*, строителями (т. е. каменщиками) *Inj* (и) *R^c-hr-tp*, надзирателями (жреческой) череды *Nh.wt(j?)* (и) *K(3)-m-ipw*, кладбищенским (каменосечцем) *Mh^c*, рабом двойника (т. е. заупокойным жрецом) *Tj-n.j*, рабом двойника *Š3b...*, рабом двойника *N(j)-nh-hr...*».

Было бы очень любопытно знать, что крылось за староегипетским *š.t(j?)*? Определитель, «изображающий» слово, написанное одновременно звуковыми знаками, имеет вид яйца широким концом вниз, с заостренным выступом посреди него, и похож как на знак хлеба, так и на знак руды. *š.t* созвучно и *š.w.t* «жирный медовый полбяной пирожок» и *š.tj*, слову конца Среднего и времени Нового царства для золотой или серебряной «денежки» весом примерно в 7½ г. Ввиду второго совпадения, толкование староегипетского *š.t(j?)* как металлического мерила ценности представляется правдоподобным.⁶

Из «Палермского камня» известно, что в конце II династии каждые два года в стране производился — в податных целях — переучет не только полей, но и золота, причем золото названо первым: «раз 7 счета золота (и) поле(й)» и через год: «раз 8 счета золота (и) поле(й)». ⁷ Очевидно, если правильно принятое толкование этого места (а другого толкования, как будто бы, не придумать), золото уже тогда приобрело особое хозяйственное значение, а наличие его — определенную ценность.

⁴ K. Sethe. Ägyptische Inschrift auf den Kauf eines Hauses aus dem Alten Reich // Berichte u. d. Verhandlungen d. k. Sächsischen Ges. d. Wiss. zu Leipzig, Philol.-Histor. Klasse, 63, Heft 6, 1911. S. 135–150, Taf. 5; U. Hölscher. Das Grabdenkmal des Königs Chephren // Veröff. d. Sieglin Exped. in Ägypten. Bd. 1. Leipzig, 1912. S. 111–112; H. Sottas. Étude critique sur un acte de vente immobilière du temps des pyramides. Paris, 1913; E. Revillout. Un contrat d'aliénation d'une maison par voie d'échange sous l'Ancien empire égyptien // RdE, 14, 1914. P. 87–92; Fr. W. v. Bissing. Ein Hauskauf im IV. Jahrtausend vor Chr. // Sitzungsberichte d. Bayerischen Akad. d. Wiss., Philos.-philol. und hist. Klasse, 1920. 14. Abh. München, 1921; E. Chassinat. Un type d'étalon monétaire sous l'Ancien empire // RT, 39, 1921. P. 79–88; J. Capart. Memphis à l'ombre des pyramides. Bruxelles, 1930. P. 191–193; K. Sethe. Urkunden des Alten Reichs. S. 157–158.

⁵ E. Chassinat. Un type d'étalon... P. 82–84.

⁶ E. Chassinat. Un type d'étalon...; T. E. Peet. The unit of value *š.tj* in Papyrus Boulaq 11 // Mélanges Maspero, I, 1 fasc. (MMFAO, 66). Le Caire, 1934. P. 186; cp. A. Erman, H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd. IV. Leipzig, 1930. S. 418.

⁷ H. Schäfer. Ein Bruchstück altägyptischer Annalen // Anhang zu den Abhandlungen der k. Preussischen Akad. d. Wiss. zu Berlin 1902. Berlin, 1902. S. 26–27, Taf. 1; и многократно в других местах.

Другой случай покупки постройки, на этот раз усыпальницы, засвидетельствован, по-видимому, «ложной дверью» сановника *Rdj-n(.j?)-pth* в Гизе. Можно, правда, при желании, истолковать «покупку» («достать за вознаграждение», *inj r iśw*) как оплату изготовителей, но для этого нет достаточных оснований. Нет их и для сведения покупки к приобретению одной «ложной двери». «Достал (я) это на кладбище за вознаграждение. Никогда не сотворил (я) кривды (?) там».⁸

Б. РАБСКИЙ РЫНОК

Запрет вышеупомянутого «завещания» из Гизе касается продажи не только пашен, но и людей и вещей, предоставленных в условное владение заупокойному жречеству. При этом показателен самый способ выражения: люди упомянуты на равных основаниях с неодушевленными предметами, между недвижимостью и движимостью, и могут быть проданы, как вещь: «Не даю (я) возмочь рабу двойника (т. е. заупокойному жрецу) какому-либо (заупокойного) владения (моего) отдать пашню, люд [вещь какие-либо, сотворенные (мною) им, чтобы возглашать по (мне)] с них, за вознаграждение людям каким-либо». Восстановление К. Зете — в прямоугольных скобках — вполне надежно, так как в других местах надписи читается: «пашня, люди, вещь какие-либо, сотворенные (мною) им, чтобы возглашать по (мне) с них», «[пашня], люди, вещь какие-либо, сотворенные мною им, чтобы возглашать по (мне) с них», «пашня, люди, вещь какие-либо, данные (мною) ему, чтобы возглашать по (мне) с [них]».⁹ Конечно, запрещение продавать людей предполагает возможность торговли людьми.

Прямое свидетельство о покупке людей содержит надпись Каирского музея: «*iśw* (заупокойного) владения (моего) — достал (я) их за вознаграждение, (причем) запечатлены были они в сделке, относящейся к *ht*, затем чтоб возглашали они по (мне) на кладбище».¹⁰ Слово *iśw*, «определенное» знаками мужчины и женщины, возможно, одного корня с *iśw* «вознаграждение» («вознагражденские» — приобретенные за вознаграждение?).¹¹ В этой надписи невольники *iśw* предназначаются для заупокойной службы по хозяину; на гробничных изображениях в Гизе можно видеть двух карликов, названных каждый *iśw* с последующим египетским именем и бывших, по-видимому, домашними слугами: в руках у одного переносное ложе и изголовье, у другого — трость и обувь, очевидно, господские.¹²

В. ПРОДОВОЛЬСТВИЕ И ПРЕДМЕТЫ ОБИХОДА

Данных о торговле съестными припасами и предметами обихода относительно много, но только, насколько знаю, все они — гробничные изображения, хотя и снабженные обычно короткими приписками, почти всегда разговорами действующих лиц, изредка пояснениями. В этих приписках многое неясно и многое повреждено, но все же, в сочетании с изображениями, они позволяют довольно отчетливо представить себе повседневный обмен того времени.

Мне известны следующие изданные изображения:¹³

⁸ W. M. Fl. Petrie. Gizeh and Rifeh. British School of Archaeology in Egypt and Egyptological Research Account, 13 year, 1907. London, 1907. Pl. 7; B. Grdseloff. Deux inscriptions juridiques de l'Ancien empire // ASAE, 42, 1943. P. 38 (возможностью использовать эту статью я обязан любезности проф. И. М. Лурье); H. Junker. Giza VI // Akad. d. Wiss. in Wien, Philos.-histor. Klasse. Denkschrift. Bd. 72, Abh. 1. Wien, 1943. S. 5, Anm. 1.

⁹ E. de Rougé. Inscriptions hiéroglyphiques... Pl. 1; H. Brugsch. Thesaurus inscriptionum... S. 1211, 1210, 1211; K. Sethe. Urkunden des Alten Reichs. S. 14, 12, 13; A. Moret. Donations et fondations... P. 84, 77, 81.

¹⁰ J. J. Clère. Le fonctionnement grammatical de l'expression *pri hrw* en ancien égyptien // Mélanges Maspero, I, 2 fasc. (MMFAO, 66). Le Caire, 1935–1938. P. 785.

¹¹ Ibid. Rem. 1; H. Junker. Giza V // Akad. d. Wiss. in Wien, Philos.-hist. Klasse. Denkschrift. Bd. 71. Abh. 2. Wien, 1941. S. 10.

¹² H. Junker. Giza V. S. 9.

¹³ (1) S. b. Hassan. Excavations at Saqqara 1937–1938 // ASAE, 38, 1938. Pl. 96.

(2) R. Lepsius. Denkmäler des Alten Reiches. Taf. 96; G. Maspero. Sur une représentation de bazar égyptien remontant à l'Ancien empire. Études de mythol. et d'archéol. égypt. // Bibliothèque égyptologique, 8, 1900. P. 253–257; и многократно в других местах.

- (1) в крытом ходе к пирамидному храму последнего царя V династии Унноса,
- (2) в гробнице некоего сановника в Саккара (самое подробное, но поврежденное и ныне погибшее, так что приходится довольствоваться воспроизведением столетней давности),
- (3) в гробнице *Tj-mrj* в Гизе второй половины Древнего царства,
- (4) в гробнице *Tj* в Саккара V династии,
- (5) в гробнице *ḥn-m-ḥr* там же, VI династии,
- (6) в гробнице *K3(.j)-gm(.w).n(.j)* в Саккара того же времени,
- (7) в гробнице *Pth-špšš* в Абусире (мне известны лишь описание и надпись),
- (8) на обломке гробницы *Tp-m-ḥn* из Саккара(?).

На первый взгляд кажется, что мена на гробничных стенах изображена самая что ни на есть простая. Правда, на продажу выносятся разнообразные предметы: рыба (1, 2, 5), зерно (см. ниже), хлеб (6; вероятно, 1 и 5), пирожки (2), овощи (1, 2, 5, 7), плоды (5), масло (3, 4, 6, 8; возможно 2), мазь (? 2), обувь (2, 4, 8), бусы (2, 6), зеркало (6), палки (4, 6), веера (2, 6), изголовье (5), ларцы (1, 5), но денег не видно, и в ряде случаев вещь определенно меняется на вещь: хлеб на лук (7), хлеб (?) на рыбу (1), мазь (?) на масло (? 2, ср. 6), обувь на пирожки (2) и зерно (8), бусы на пирожки, овощи или зерно (?) (2), палки на зерно (4), веера на овощи или зерно (?) (2), ларец на рыбу (1). Часто и не скажешь с достоверностью, предлагается ли предмет, взят ли для осмотра, или уже приобретен, и кто продавец, а кто покупатель. Тем не менее, пристальный взгляд улавливает черты и иного порядка.

Среди изображенных лиц немало таких, у которых вид заправских торговцев. Они сидят, порой на земле (2), порой на особой подстилке со спинкой или даже седалище (1), и покупатели к ним подходят. У большинства столько добра, что его выставляют в больших корзинах на низкой «ножке» (известных и вне торгового обихода) (1, 2, 5), реже в глубоких корзинах без таковой (5). В корзинах бывает по несколько видов предметов (но все же одного рода — еда): рыба — овощи — плоды (1), рыба — хлеб (?) — овощи (1, 5), овощи — плоды (5), овощи — зерно (? 2), но также и один вид предметов: только рыба (1), только сладкие пирожки (2), только украшения (? 2), и притом в значительном количестве. Присевших на землю продавцов с кошельками, набитыми рыбою, к «заправским» торговцам осторожней, быть может, не относить, так как точь-в-точь в таких же сумках носили рыбу заправские рыбаки. Сидения и единообразные корзины — «лотки» свидетельствуют о сложившемся рыночном быте. О том же говорят, возможно, и мерки — «стаканы» у продавцов масла,¹⁴ несущих его в мехах (3, 4, 6), и одинаковые холщевые (потому что белые — 2) сумы-мешки, надетые через плечо у многих как продавцов так и покупателей (1, 2, 3, 4, 6, 8).¹⁵

Также и рыночная речь выработала уже свои устойчивые обороты. Предложение охотно вводится обращением к покупателю, с тем, чтобы перейти тотчас же в восхваление предлагаемого добра: «Смотри, хлеб добрый» (6), «Смотри, пирожки сладкие» (2), «Смотри, умщение сладостное весьма» (6), «Смотри, обувь прочная» (2), «Смотри, бусы

(3) R. Lepsius. Denkmäler des Alten Reiches. Taf. 49b.

(4) G. Steindorff. Das Grab des Ti // Veröff. d. Sieglin Exped. in Agypten. Bd. 2. Leipzig, 1913. Taf. 133; H. Schäfer, W. Andrae. Die Kunst des Alten Orients // Propyläen-Kunstgeschichte, II. Berlin, 1925. S. 248; H. Schäfer. Gräber des Alten Reiches (= W. Wreszinski. Atlas zur altägyptischen Kulturgeschichte. Bd. 3). Leipzig, 1930-е годы. Taf. 35.

(5) J. Capart. Une rue de tombeaux à Saqqarah. Bruxelles, 1907. Pl. 31–32.

(6) F. W. v. Bissing. Die Mastaba des Gem-ni-kai. Bd. I. Berlin, 1905; H. Schäfer. Gräber des Alten Reiches. Taf. 9.

(7) P. Montet. Les scènes de la vie privée dans les tombeaux égyptiens de l'Ancien empire // Publ. de la Fac. d. lettres de l'Univers. de Strasbourg. Fasc. 24. Strasbourg, 1925. P. 325.

(8) J. Capart. Recueil de monuments égyptiens. Bruxelles, 1902. Pl. 13.

Сводные обзоры: L. Klebs. Die Reliefs des Alten Reiches (2980–2475 v. Chr.) // Abhandl. Heidelberger Akad. d. Wiss. Stiftung H. Lanz. Philos.-hist. Klasse. Abh. 3. Heidelberg, 1915. S. 116 («Tauschhandel»); P. Montet. Les scènes de la vie privée... P. 319–325 («Scènes de marché»); A. Erman. Reden, Rufe und Lieder auf Graberbildern des Alten Reiches // Abh. d. Preussischen Akad. d. Wiss., 1918. Phil.-hist. Klasse. Nr. 15. Berlin, 1919. S. 47–51.

¹⁴ L. Klebs. Die Reliefs... S. 116.

¹⁵ Ibid.

добрые...» (2), «Смотри, ... доброе для...» (о зеркале или украшении?) (6), «Смотри, палка добрая весьма плясовая сухая (т. е. сухого дерева?)» (4). «Смотри» (*m.k*) может отсутствовать, но похвала предлагаемому от этого не убывает: «(Рыба) *bg.t* добрая весьма, мастер (или: „мастера?“)» (1), „[Лю]безный, эти — здоровенные (т. е. прочные, о сандалиях)» (8), «Палка это добрая озерная» (6). Покупающий требует «посмотреть» предлагаемое (2, 5) и готов «дать вознаграждение» (1, 2). Любопытны обращение к покупателю «любезный» (4, 8) и относительная частота рыночных обращений к «мастерам» (*hm(ww)* 5, 8, может быть, 6; *hm(w).t(j)* — или *hm(w).t?* — 1). «Мастеру» считается, по-видимому, не лишним и польстить. Мальчик, сопровождающий взрослого продавца с ларцем и изголовьем, говорит, очевидно, покупателю последнего: «Мастер этот! Ты, что муж изрядный» (5).

Относительная частота обращения «мастер» может указывать на то, что ремесленники были обычными посетителями рынка. Иногда покупателем выступает, как будто бы, само вельможное хозяйство, хотя это и кажется неожиданным, ввиду соединения в нем богатых сельскохозяйственного и ремесленного производств. Тем не менее, трудно понять иначе появление двух продавцов в сапожном и (?) масляном (елейном) производствах, работающих на сановника (3). Один из пришельцев предлагает сандалии (?)¹⁶, другой — (растительное) масло. У первого через плечо обычная рыночная сума, у второго на плечах не только мех с маслом, но и мерка — «стакан», как то принято было в рыночном обиходе (см. выше). Словно для того, чтоб не оставалось никакого сомнения в торговых намерениях пришельцев, к изображению первого приписано: «продажа» (*š[w]n.t*), к изображению второго: «продажа (*šwn.t*) умощения». С последним изображением и припиской уместно, быть может, сопоставить слова мужчины, шествующего в обществе явных продавцов, с запечатанным «стаканом» в руке: «...[приш]ло умощение для *Tr-m-ḥ*» — очевидно, для собственника гробницы (8).

Примечательно видное место, принадлежащее зерну в повседневном обмене. Когда речь заходит о цене, она выражается в четвериках (*ḥk3.t* = 4,785 литра): «...четверик за эти тебе» — говорится при покупке сандалий (8), «Пшеницы четверик за них» — требует продавец плясовых палок (4).¹⁷ Любопытно, что в обоих случаях покупатели сами не продавцы, не держат ничего из своего добра, дают и узнают, так сказать, отвлеченную цену. Однако на втором изображении (4) за продавцом палок другой мужчина левой рукою прижимает к груди сито для просева зерна(?),¹⁸ а правой придерживает на плече предмет, который может быть только четвериком,¹⁹ притом, ввиду его положения, надо думать, полным. Этот предмет выглядит сбоку, как прямоугольник, длиннее в высоту, чем поперек, имеет по верхнему и нижнему краю по ободку и поперечную же полоску посередине. Точно такой же «прямоугольник» с поперечными полосами придерживает правой рукой на плече и мужчина на другом рыночном изображении (8). В речи продавца палок, следовательно, по соседству с мужчиной с ситом (?) и «прямоугольником», слово «четверик» написано прямоугольной меркой точь-в-точь с такими же тремя обручами, как на «прямоугольнике» у мужчины. С тремя обручами этот знак написан и в ряде других староегипетских надписей²⁰ (в иных случаях налицо только средний обруч, а иногда не видать и его). Если поискать уже не знаков, а полноценных изображений четвериков в гробницах Древнего царства, то там найдется немало изображений несомненных мерок (так как ими отмеривается зерно или мелкие плоды), ничем не отличающихся от рыночных «прямоугольников»: те же очертания,

¹⁶ Cp. N. de G. Davies. The rock tombs of Deir el Gebrâwi. Pt. 1 // Archaeological survey of Egypt, 11 mem. London, 1902. Pl. 25.

¹⁷ О последнем изображении см.: H. Junker. Zu einigen Reden und Rufen auf Grabbildern des Alten Reiches // Sitzungsberichte d. Akad. d. Wiss. in Wien, Philos.-hist. Klasse. Bd. 221. Abh. 5. Wien, 1943. S. 52–55.

¹⁸ H. Schäfer. Gräber des Alten Reiches. S. 62.

¹⁹ Там же, высказано предположительно: «Kornmass (?)».

²⁰ Напр.: H. Schäfer. Gräber des Alten Reiches. Taf. 64 (= F. W. v. Bissing. Die Mastaba des Gem-ni-kai. Bd. 2. Berlin, 1911. Taf. 9) несколько раз, Taf. 80.

те же размеры, те же три обруча на концах и посередине²¹ (в иных случаях, как и у знаков, наличествует только средний обруч, а иногда нет и его).

О подробном рыночном изображении в Саккара (2) Г. Масперо писал, что оно в трех случаях из десяти ничего не влагает в руки покупателям, кроме «ларчиков», тождественных по виду и размерам, и что в этих «ларчиках» должен был быть металл.²² Что в «ларчиках» таилось некое единообразное покупное средство, отличное от пестрого скопления вещей, несомых на обмен другими покупателями, — вывод вполне правдоподобный, но только «ларчики» настолько похожи на несомненные четверики других рыночных изображений (4, 8, см. выше), что, возможно, тоже будут мерками с зерном. Как и те, они «прямоугольны», длиннее в высоту, чем поперек, оперты — в двух случаях из трех — о плечи покупательниц, придерживаются рукой, и имеют три обруча, по верхнему и нижнему краю и по середине. Размеры тоже одинаковые. Единственное, что существенно отличает «ларчики» от упомянутых четвериков, это «решетчатые» стенки. Они как бы состоят из отвесных дощечек, разделенных просветами и скрепленных сверху, по середине и внизу поперечными перекладинами. Это делает «ларчики» похожими на клетки. Для суждения о природе «решеток» имеющееся воспроизведение — столетней давности! — плохое основание, но, даже по нему судя, «ларчики» вряд ли были действительно решетчатыми. Во-первых, на одном из них две нижних, а на другом все три поперечины показаны черными в отличие от коричневых «прутьев». Это могло бы указывать на различие в веществе: черная медь и коричневое дерево. Клетки же с медными поперечинами при деревянных прутьях малоправдоподобны. Во-вторых, хотя просветы между «прутьями» в двух «ларчиках» показаны такими же серыми, как окружающее поле, в третьем они имеют отличный от него желтоватый оттенок и потому не выглядят как пустоты. Станным образом, на воспроизведении «прутья» и «перекладины» там, где последние не зачернены, перекрываясь, остаются одинаково видными, как если бы были прозрачными. Это может быть только ошибкой художника, притом, наверно, европейского: в решетчатых ларчиках такое явление было бы столь же непонятным, как и в нерешетчатых. Если само воспроизведение заставляет заподозрить решетчатое строение «ларчиков», то не меньшее право дают на то общие соображения. Если в «ларчиках» хранились мелкие ценности, с которыми покупатели отправлялись на рынок, с какой стати стенки делались не сплошными, а решетчатыми, с крупными проемами, и как могло случиться, что такое странное устройство было возведено в образец, и все покупательские «ларчики» устроены единообразно, именно таким способом? Разгадку «решетчатости» саккарских «ларчиков» дает, как будто бы, одно из изображений отмеривания зерна там же в Саккара, в гробнице верховного сановника Птах-хотпа.²³ Здесь несомненный четверик не только «прямоуголен» и перехвачен сверху, внизу и посередине положенными тремя обручами, но являет и загадочные «прутья»: промежутки между поперечинами прорезаны отвесными чертами. Очевидно, четверик был устроен наподобие наших кадушек: вокруг круглого дна расставлены отвесно узкие дощечки, прижаты к нему обручем и обручем же скреплены посередине и по открытому верху. Круглая в поперечном сечении (сверху и снизу), такая мерка была прямоугольной в сечении продольном (сбоку). На соседнем изображении отмеривания зернистого плода *w/h* мерка также являет в промежутках между обручами отвесные черточки (швы между дощечками), только стенки ее поднимаются ото дна не совсем отвесно, а немного воронкообразно, расступаясь кверху, и обручей у нее четверо. Единственно, что остается не объясненным в «решетчатых ларцах», это — чередование коричневых полос («прутьев») с серыми («пустотами»). Цвета четверика на изображении

²¹ Напр., R. Lepsius. Denkmäler des Alten Reiches. Taf. 51; H. Schäfer. Gräber des Alten Reiches. Taf. 51, 64/65 (= F. W. v. Bissing. Die Mastaba des Gem-ni-kai. Taf. 8, 9, 12) несколько раз, Taf. 71.

²² G. Maspero. Sur une représentation de bazar... P. 257.

²³ R. Lepsius. Denkmäler des Alten Reiches. Taf. 103a.

отмеривания зерна, к сожалению, неизвестны.²⁴ Потому можно только предположить, что «решетчатые ларчики» собраны из темных и светлых дощечек. Допустить это будет, пожалуй, проще, чем не допустить тождественности полосатых «ларчиков» с четвериками.

Толкуя об особом месте зерна в староегипетском обмене как единообразного оценочного и покупного средства, будет уместным напомнить о существовании тогда и зерновых ссуд. Современник VI династии князь II верхнеегипетской области (нома) Ми-ранофр, по прозванию *K3r*, бывший одновременно заведующим верхнеегипетским ячменем, в своей гробнице близ Эдфу повествует о себе так: «Давал (я) хлеб голодному, одежду нагому, коих находил (я) в области этой. (Раз)давал (я) крынки молока. Отмеривал (я) ячмень верхнеегипетский из дома владения этого голодному, коего находил (я) в области этой. (Что) до мужа какого-либо, коего находил (я) в области этой (с) зерновой ссудой от другого за ним, это я возмещал ее владыке (т. е. хозяину) ее из дома владения этого. Это я погребал мужа всякого области этой, у которого не было сына, из достояния владения этого».²⁵ Тем самым, для конца Древнего царства засвидетельствованы сразу и ссуды зерном, и особое для них слово (*t3b.t*), и неоплатно задолжавшие зерно должники, которых выручать из рук заимодавцев приходилось, согласно надписи, местному князю. Зерновые долги стали уже настолько часты, что превратились в обычное общественное бедствие.

Г. ОПЛАТА ЕДИНОВРЕМЕННЫХ УСЛУГ

В гробницах Древнего царства мертвец нередко заверяет посетителей, что за сооружение гробницы мастерам было сполна заплачено,²⁶ предупреждая тем самым всякое посягательство на его «праведное» достояние. Обилие подобных заявлений косвенно свидетельствует о привычке к меновым делам, и, хотя деньги, как водится, нигде не упоминаются, и есть только упоминания об оплате вещами, хозяева гробниц изъясняются порою, как заправские покупатели: «сотворить за вознаграждение (*irj m i3w*)», «сотворить за (*irj hr*) что-нибудь», «дать вознаграждение (*rdj i3w*)», «дать возмещение (*rdj db3.w*)», «быть довольным вознаграждением (*h3p hr i3w*)», «быть довольным сделкой (*h3p hr htm.t*)».

1. Плата за сооружение гробницы.

(1) Гробница судьи и жреца *H3p-hr-h3.t(j)*, вторая половина Древнего царства: «Сотворил (я) гробницу эту из достояния (моего) праведного: никогда не брал я вещи человека какого-либо. Что до людей каких-либо, которые сотворили (мн)е вещь (т. е. что-либо) в (ней), сотворили они, славя ради (меня) бога за то очень весьма: сотворили они это (т. е. гробницу) за хлеб, за пиво, за одежду, за умащение, за ячмень (и) полбу большие (т. е. обильные) весьма. Никогда не сотворил я вещи какой-либо в качестве могущего (против?) человека какого-либо. Любит бог вещь праведную. Я — чтимый у царя».

(2) Гробница *N(j)-w(j)-k3-r* в Гизе, конец Древнего царства: «Сотворил (я) гробницу эту за хлеб (и) пиво, данные (мною) мастерам всем, сотворившим гробницу эту, причем также дал (я) им возмещения в большом (количестве) весьма добром всяким, потребованным ими, (так что) славили они ради (меня) бога за то».

(3) Гробница На-ма-рэ в Гизе, конец Древнего царства. «(Что) до гробницы (моей) (заупокойного) владения (моего), сотворил (я) ее, благодаря [бытию (моему) в чести у царя?] — — — данные (мною) мастер[ам] — — — добром всяким — — —».

(4) Там же: «(Что) до гробницы этой, сотворил (я) ее, благодаря бытию (моему) в чести [у царя,], причем мастера — — — за (?) — — —».

(5) «Ложная дверь» неизвестного лица в Британском музее: «Сотворил (я) это (т. е. гробницу) за хлеб, за пиво».

²⁴ На цветном воспроизведении одной из беглых гробничных росписей конца Древнего царства четверик сплошь желтый с коричневатыми наружным очерком и средним перехватом. Н. Junker. *Giza IV // Akad. d. Wiss. in Wien, Philos.-hist. Klasse. Denkschrift. Bd. 71. Abh. 1. Wien, 1940. Taf. 12.*

²⁵ G. Daressy. *Inscriptions du mastaba de Pepi-nefer à Edfou // ASAE, 17, 1917. P. 136; K. Sethe. Urkunden des Alten Reichs. S. 254–255.*

²⁶ Общая работа по этому вопросу: A. Volten. *Bauherr und Arbeiter im Alten Reich // Acta orientalia, 9, pt. 4. Leiden, 1931. S. 370–373.*

(6) Гробница *Mr(j)-nh.f* в Гизе, вторая половина Древнего царства: «(Что) до мастеров каких-либо, сотворивших работу эту, дал (я) славить им ради (меня) бога — за вознаграждение, данное (мною) им».

(7) Гробница чиновника *Nfr-hr-n-ptḥ* в Гизе: «Кладбищенский (каменосечец) *Ppj* был удовлетворен сделкой (*htm.t*), сотворенной (мною) с ним».

(8) Часть ложной двери «старейшины дома» *Mnj* в Мюнхене, вероятно, IV династия: «(Что) до мужа какого-либо, сотворившего для (меня) это, никогда не серчал он на (меня), будь то мастер, будь то кладбищенский (каменосечец) — удовлетворял (я) его».

(9) Гробница местного князя *Intj* в Дэшашэ, вторая половина Древнего царства: «(Что) до мастеров каких-либо, [сотворивших для (меня) эт]о, сотворяли [о]ни для (меня) это, славя ради (меня) бога за то».

(10) Гробница местного князя *Idw* «II» в Дэндэра, конец Древнего царства: «[(Что) до гробницы этой, удовлетворил (я) мастеров всех, сотворивших (?)] для (?) (меня) работу в ней, так что славили они ради (меня) бога».

Несмотря на плохую сохранность, это и предыдущее сообщения ценны, так как свидетельствуют, что даже в таких глухих уголках, как тогдашняя Дэндэра или Дэшашэ, гробницы сооружались за плату, притом самими князьями.

(11) Сюда же, вероятно, надо отнести надпись из гробницы домоправителя Нуфэ в Гизе, конца Древнего царства: «Сотворил (я) это из подношения (?), сотворенного (мн)е владыкой (моим) соответственно бытию (моему) в чести у него. Никогда не... (неизвестный глагол *ind/nd*) мастер из-за этого».

2. Плата за изготовление гробничной двери.

(12) Гробница сановника *Tr.tj* в Саккара, притолока, VI династия. «Завещание» в пользу заупокойного жреца *Hnm.tj*, говорящего о хозяине: «Сотворил он дверь эту за вознаграждение, (одежду) *d(3)jw* малую (?)».

3. Плата за изготовление изваяний.

(13) Изваяние царского «чистителя» *Mmj* из его гробницы в Гизе: «Дал (я) сотворить изображения эти ваятелю, (причем) был удовлетворен он вознаграждением за то, тем, что сотворил (я) ему».²⁷

4. Изображение единовременной работы за плату можно найти в гробнице *Tjj* в Саккара, V династия. Здесь с краю рыночного изображения представлены двое мужчин

²⁷ (1) A. Mariette. Les mastabas de l'Ancien empire. P. 342; K. Sethe. Urkunden des Alten Reichs. S. 49–50; A. Volten. Bauherr und Arbeiter... S. 370.

(2) S. Hassan. Excavations at Giza 1930–1931. Cairo, 1936. P. 173, pl. 61(2).

(3) Ibid. Pl. at p. 220.

(4) Ibid. P. 213.

(5) P. P. Scott-Moncrieff. Hieroglyphic texts from Egyptian stelae, etc. in the British Museum. Pt. I. London, 1911. Pl. 44; K. Sethe. Urkunden des Alten Reichs. S. 226.

(6) S. Hassan. Excavations at Giza 1931–1932. Vol. III. Cairo 1941. P. 16, 18, pl. 6.

(7) W. M. Fl. Petrie. Gizeh a. Rifeh. Pl. 7; B. Grdseloff. Deux inscriptions juridiques... P. 33; H. Junker. Giza VI. S. 5, Anm. I.

(8) K. Sethe. Urkunden des Alten Reichs. S. 23; F. W. v. Bissing. Denkmäler ägyptischer Sculptur. Tafeln I. München, 1914. Taf. 15; H. Fechtmeier. Die Plastik der Ägypter. Berlin, 1914. Taf. 110; Berlin, 1920. Taf. 120; A. Volten. Bauherr und Arbeiter... S. 373.

(9) W. M. Fl. Petrie. Deshasheh 1897 // 15 memoir of the Egypt Exploration Fund. London, 1898. Pl. 7. K. Sethe. Urkunden des Alten Reichs. S. 70.

(10) W. M. Fl. Petrie. Denderah 1898 // 17 memoir of the Egypt Exploration Fund. London, 1900. Pl. 6; K. Sethe. Urkunden des Alten Reichs. S. 271.

(11) K. Sethe. Urkunden des Alten Reichs. S. 225–226; H. Junker. Giza VII // Akad. d. Wiss. in Wien, Philos.-hist. Klasse. Denkschrift. Bd. 72. Abh. 3. Wien, 1944. S. 147.

(12) B. Grdseloff. Deux inscriptions juridiques... P. 31–32. На эту надпись обратил мое внимание проф. И. М. Лурье, любезно предоставивший мне для ознакомления отпечаток статьи.

(13) G. Steindorff. Der Ka und die Grabstatuen // ZÄS, 43, 1910. S. 156; K. Sethe. Urkunden des Alten Reichs. S. 225.

вполне рыночного вида, с сумами через плечо. Стоящий, слегка нагнувшись, смотрит, как сидящий продырявливает печатку. Над мастером надпись: «(Про)резывание печатки печатником». Что этот «печатник» не случайный пришелец на рынке, а пришел сюда основательно поторговать своим ремеслом, доказывает плетенка, на которой он с удобством обосновался.²⁸

Ссуды. См. в конце раздела В.

«Деньги». О мерилах стоимости $\text{š}^c.t(j?)$ см. в подразделе А, 2, об особом оценочном и покупном значении зерна см. во второй половине раздела В.

Внешняя торговля. Сознательно опущена. Как ни обильны, подчас даже подробны, известия о «мирных» походах за границу, из них не удастся узнать, каким способом приобретались там искомые ценности — грабежом, вымогательством или обменом?

Подводя итог сказанному, придется признать, что как ни малоденежны были меновые отношения в староегипетском обществе, они были достаточно сложны и развиты и имели немалое общественное значение.

²⁸ G. Steindorff. Das Grab des Ti. Taf. 133; H. Schäfer, W. Andrae. Die Kunst des Alten Orients. S. 260; H. Schäfer. Gräber des Alten Reiches. Taf. 35.

О ДЕНЬГАХ В ДРЕВНЕЙШЕМ ЕГИПТЕ

На погребальных сооружениях Старого царства¹ иногда бывает изображен обмен: показано, как египтяне меняют друг у друга вещи на съестные припасы и одни съестные припасы на другие. Некоторые из этих изображений уже не раз воспроизводились и обсуждались в печати, и существует мнение, что на них показана самая простая меновая торговля — мена предмета на предмет. В свое время я пытался показать, что это не всегда так, что изображенные в гробницах продавцы и покупатели пользуются иногда для оценки и оплаты также общим мерилом стоимости — зерном, что «ларчики», с которыми бывают изображены покупатели, представляют собою мерки с зерном.²

Толкование «ларчиков» как мерок с зерном подтвердилось впоследствии. Гробница Тп-эм-онха около одной из пирамид V царского дома в Абусире сохранила часть раскрашенного изображения счета зерна. Здесь меркой для зерна служит полосатый «ларчик», как на подробном изображении рынка в Саккара³. В том виде, в каком показана мерка, т. е. сбоку, она выглядит прямоугольником, длиннее в высоту, чем поперек, покрыта перемежающимися белыми и темными продольными полосами и перехвачена по верхнему и нижнему краю и посередине узкими поперечинами, значительно более темными, чем темные продольные полосы. Приходится сожалеть, что изображение издано не в красках. Поясом ниже на той же стене показана приемка изделий пекарни-пивоварни. Здесь тоже имеется мерка, использовавшаяся, по-видимому, при проверке хлеба. Вторая мерка подобна первой, но только приземистее (в высоту такая же, как в ширину), да светлые полосы не совсем белые и средняя поперечина находится выше середины.⁴

Впрочем, четверики не всегда были полосатыми. На беглой стенописи в склепе Ким-онха времени VI царского дома наружный очерк и средний перехват были нанесены красной краской, но сам четверик окрашен целиком в желтый цвет⁵. Объемно староегипетский четверик воспроизведен на изваяниях мерщиков — каменном, времени V царского дома⁶, и деревянном, относящемся, вероятно, к концу Старого царства⁷. В первом случае ясно видны три темных обруча: по верхнему и нижнему краям и посередине, но незаметно никаких полос на стенках мерки: во втором случае те же три обруча — черные, а мерка целиком кирпичного цвета. Возможно, что на полосатых четвериках полосы наносились краской, так как белый цвет не мог быть природной окраской дерева.

Мне думается, можно считать доказанным, что в зерне Старое царство уже располагало единообразным и употребительным средством обращения. При отсутствии на рыночных изображениях денег это значит, что ни золотые, ни серебряные, ни медные деньги не сумели еще стать таким средством по преимуществу. Можно даже задать вопрос, существовали ли они вообще?

В 1949 г. мне были известны всего два и то лишь возможных намека на существование денег в древнейшем Египте: наименование отдельных лет по счету полей и золота и оценка дома и данных за него вещей в каких-то *šc.t(j?)*⁸.

В свое время А. Вольтен обратил внимание на некоторые надписи Старого царства, в которых хозяин гробницы или его близкие сообщают о должном вознаграждении мастеров, которые ее сооружали.⁹ Из тринадцати подобных надписей, переведенных в моей статье

¹ Автор пользуется термином «Старое царство», впервые им введенным в научный обиход, как синонимом термина «Древнее царство» (Ред.).

² Ю. Я. Перепелкин. Меновые отношения в староегипетском обществе // Советское востоковедение, т. VI. М.-Л., 1949. С. 307-309.

³ LD Abt. 2. Bl. 96; G. Maspero, Sur une représentation de bazar égyptien remontant à l'Ancien empire // Bibliothèque Égyptologique, 8. Paris, 1900. P. 253-257 ff.

⁴ L. Borchardt. Das Grabdenkmal des Königs Ne-user-re. Leipzig, 1907. S. 23.

⁵ H. Junker. Giza, IV. Taf. 12.

⁶ J. H. Breasted. Egyptian servant Statues. Washington, 1948. Pl. 9a. P. 10.

⁷ LD Text, 5, Bl. 46.

⁸ Ю. Я. Перепелкин. Меновые отношения... С. 304.

⁹ A. Volten. Bauherr und Arbeiter im Alien Reich // Acta Orientalia, vol. 9. Leiden, 1931. S. 370-373.

1949 г. и касающихся сооружения гробницы в целом и ее отдельных частей и изваяний, только четыре уточняют состав вознаграждения¹⁰. На притолке гробницы сановника *Br.tj* в Саккара времени VI царского дома заупокойный жрец *Hnm.tj* говорит о хозяине: «Сотворил он дверь эту за вознаграждение — (одежду) *d(3)jw* малую (?)»¹¹. На ложной двери неизвестного лица в Британском музее сказано: «Сотворил (я) это (т. е. гробницу или ложную дверь) за хлеб, за пиво»¹². В конце Старого царства *Rmn-w(j)-k3* пишет на своей гробнице в Гизе: «Сотворил (я) гробницу эту за хлеб (и) пиво, данные (мною) мастерам всем, сотворившим гробницу эту, причем дал (я) им возмещения в большом (количестве) весьма добром всяким, потребованным ими. Славили они бога за то»¹³ (о вознаграждении «добром всяким» шла речь и в поврежденной надписи на гробнице На-ма-рэ в Гизе¹⁴). Но всего обстоятельнее перечень вознаграждения в гробнице Хетп-х-ахта в Гизе середины или второй половины V царского дома: «Сотворил (я) гробницу эту из достояния (моего) праведного: ни разу не взял я вещи людей всяких (т. е. каких-либо). Что до людей всех, что сотворили (мн)е вещь (т. е. что-либо) там, сотворили они, славя ради (меня) бога за то очень весьма: сотворили они это (т. е. гробницу) за хлеб, за пиво, за одежду, за умощение, за ячмень (и) полбу большие (т. е. обильные) весьма. Ни разу не сотворил я вещи всякой (т. е. чего-либо) как сильный (против) людей всяких (т. е. каких-либо). Любит бог вещь праведн(ую). Я — (тот), кто в чести у царя»¹⁵. То, что ни в одной из этих надписей и особенно в последней с ее длинным перечнем ничего не сказано о деньгах, позволяет еще раз усумниться в их существовании в Старом царстве. И тем не менее именно среди такого рода надписей оказалась одна, удостоверяющая употребление меди как средства обращения еще в Старом царстве.

Эта надпись была издана. Э. Эделем в 1953 г. и происходит из гробницы *Mh-w(j)-3h.t(j)* в Гизе. «Судья, старейшина (судной) палаты *Mh-w(j)-3h.t(j)*, что в чести, рассказывает: (Что) до того, кто (?) (в ?) гробнице этой собственной, сотворил он (ее) за хлеб (и) пиво. А мастера все, сотворившие ее, славили ради (меня) богов всех. А дал (я) им одежду, умощение, медь, ячмень (в) большом (количестве) весьма, (так что) сказали они: „О боги, владыки кладбища! Мы сыты, сердце наше умиротворено хлебом (и) пивом, данными нам *Mh-w(j)-3h.t(j)*, тем, что в чести. Спустился (я) в гробницу эту, состарившись подле дет(ей) дет(ей моих), (и) сын (мой) старший на (должностном) седалище (моем). Творимое богом — это — тому, кто в чести (у) него: творил (я) правду, любимую богом”»¹⁶. Сходство между этой надписью и только что до нее переведенною из гробницы Хетп-х-ахта заметить нетрудно. Одна напоминает другую не только обстоятельностью заверений по поводу благоприобретенной гробницы, но и ссылками на честность покойного вообще и на божеское правдолюбие. В обоих случаях состав вознаграждения дан подробно, и разница лишь в отсутствии в одном случае меди, в другом — полбы. Обе надписи происходят из Гизе, хозяева той и другой гробницы носили имена, сложенные с «ахт» — «небосклонный», одним из обозначений солнца. Если верно известное толкование имени величайшей из гизеских пирамид как «Небосклон(ный — царь) Шуфи», «ахт» могло иметь косвенно отношение к тому же Гизе. Возможно, что обе надписи почти современны друг другу. Если бы это было так, мы имели б хороший пример платежей, производящихся в одно и то же время и в одном и том же месте то с помощью меди, то без нее. Впрочем, и там, где

¹⁰ Ю. Я. Перепелкин. Меновые отношения... С. 310–311.

¹¹ B. Grdseloff. Deux inscriptions juridiques de l'Ancien empire // ASAE, XLII, 1943. P. 31–32.

¹² P. P. Scott-Moncrieff. Hieroglyphic texts from Egyptian stelae... in the British Museum. Pt. I. London, 1911. Pl. 43; Urk, I, 226.

¹³ Selim Hassan. Excavations at Giza 1930–1931. Cairo, 1936. P. 173. Pl. 61(2). В упомянутой выше моей статье 1949 г. вместо *Rmn-w(j)-k3* по недосмотру — *N(j)-w(j)-k3-r*.

¹⁴ Ibid. P. 220. Pl. V.

¹⁵ A. Mariette. Les mastabas de l'Ancien empire. Paris. 1889. P. 342; Urk, I, 49–50; A. Volten. Bauherr und Arbeiter... S. 370.

¹⁶ E. Edel. Inschriften des Alten Reiches. III // Mitteilungen des Institute für Orientforschung. Bd I. Berlin, 1953. S. 328. О времени этой надписи см.: G. A. Reisner. A history of the Giza necropolis. Vol. I. Cambridge (Mass.)-London, 1942. P. 260–262, 285.

она налицо, у *Mh-w(j)-3h.t(j)*, она не более как одно из многих и равноправных средств оплаты. Мало того, до и после обстоятельного их перечня все они, в том числе и медь, обозначены вместе, как «хлеб (и) пиво»: «Сотворил он за хлеб (и) пиво», «мы сыты, сердце наше умиротворено хлебом (и) пивом, данными нам *Mh-w(j)-3h.t(j)*». Выражение «хлеб (и) пиво» было принятым обозначением вознаграждения. В переведенной выше надписи *Rmn-w(j)-k3* он тоже заверяет, что «сотворил гробницу эту за хлеб (и) пиво, данные (мною) мастерам всем, сотворившим гробницу эту», хотя вслед за тем поясняет, что «дал им возмещения в большом (количестве) весьма добром всяким, потребованным ими»; за «хлебом (и) пивом» кроются, значит, и тут «возмещения добром всяким». И на «ложной двери» неизвестного лица¹⁷ слова: «Сотворил (я) это за хлеб, за пиво», имеют, должно быть, в виду не просто хлеб да пиво, а вообще всякие вещественные блага, данные работникам. Тем не менее уже одно появление меди в числе платежных средств знаменательно.

Надпись *Mh-w(j)-3h.t(j)*, говорящая о платеже медью, стоит пока что особняком среди надписей собственно Старого царства. Но стоит лишь заглянуть за его границу, в смутную пору, непосредственно за ним следовавшую, как обнаруживается целая вереница надписей, составляющих прямое продолжение этой староегипетской.

Надписи, о которых сейчас пойдет речь, происходят все, кроме одной из Курне, из гробниц в Дендере, и большей частью содержат те же заверения о вознаграждении строителей, что и разбиравшиеся нами более древние надписи. Заклинатель и военачальник *Šn-štj (?)* пишет: «Далее умиротворил (я) мастеров всех, сотворивших (мн)е работу в гробнице этой, хлебом, пивом, ячменем, полбою, ячменем, полбою (дважды!?), медью, одеждой, умощением, медом, вещью всякой доброй из желания [чтобы что-то выпало на долю умершего]»¹⁸. Тот же сановник говорит в другом месте: «Умиротворил (я) их хлебом, пивом, ячменем нижеегипетским, полбою, медью, [одежд]ами...»¹⁹. Домоправитель *Šn-ndšwj* «сказывает: дал (я) именно сотворить мастерам [гробницу]... сотвори(вших?) (мн)е работ(у?)... Умиротворил (я) их хлебом, пивом, ячменем нижеегипетским, полбою, медью, одеждой, умощением, медом, да останется сотворенное (?) для (?) меня(?) на кладбище»²⁰. Сходным образом выражается *Htpj*: «[Умиротворил я их хлебом, пивом... ячменем, полбою, медью, одеждой, вещью всякою доброю, [да] останется...]»²¹.

Медь как вознаграждение упоминается и в надписи из гробницы начальника гребцов Сок-о в Курне, если несколько нескладный знак в конце перечня вознаграждений действительно значит «медь» (как известно, смутная пора знала и не такие еще начертания): «Не творил (я) вещи (т. е. поминальной службы?) для малого всякого (т. е. какого-либо) — творил (я) вещь для князя, распорядителя Верхнего Египта, в возмещение (за) сотворение (т. е. выделение) (мн)е пашни, чтоб жречествовать за нее, и дачу (мн)е лучшего полотна, умощения, меда, меди»²².

Но медь упоминается в Дендере не только как средство оплаты. По надписям того же времени (переход от Старого царства к Среднему) и с того же кладбища она вместе с другими ценностями составляет богатство человека. Некий сановник пишет: «[Сотворил (я) (т. е. приобрел) людей [столько-то?]. Сотворил (я) пашен 5000 (мер земли?). Сотвор(ил) (?) (я) ослов 20. [Сотворил (я)] коз 200. Сотвор(ил я) медь х+13 (? — вещей или весовых единиц?). Сотвор[ил я] одежды. Сотвор(ил) (?) (я) (что-то) для (?) города (моего?). Сотвор(ил я) мышц(ею моею) собственн[ой]»²³. Другой сановник — «друг единственный (царев), распорядитель рог(атого и) копыт(ного скота)» — «сказывает: сотворил (я) людей, быков, коз, ослов, ячмень, полбу, медь, одежды... суд(а?) на воде, смоковницы... на поле...

¹⁷ См. прим. 12.

¹⁸ W. M. Flinders Petrie. Denderah 1898. London, 1900. Pl. 11 B.

¹⁹ Ibid. Pl. 11A.

²⁰ Ibid. Pl. 9+10.

²¹ Ibid. Pl. 11 B.

²² P. P. Scott-Moncrieff. Hieroglyphic texts... Pl. 54; E. A. W. Budge. A guide to the Egyptian collections in the British Museum. London, 1909. Pl. 23.

²³ W. M. Flinders Petrie. Denderah 1898. Pl. 13.

сотворенное (мною) мышцею (моею) собственной»²⁴. Уже известный, нам домоправитель *Šn-ndšwj* говорит после заупокойного заклинания: «...который объявится в нем, в (?) людях, ячмене нижеегипетском, полбе, золоте, меди, одеждах, умщении... сад (?), столько-то локтей в длину [его], 8[8], локтей (с) половиной в ширину его, смоковниц 300 в нем...»²⁵.

В последней надписи вместе с медью упоминается золото. К нему нам еще придется вернуться, но сейчас его появление рядом с медью в перечне имущества заставляет задать вопрос: чем собственно являлись «золото» и «медь»? Были ли то слитки, куски, определенные весовые единицы, украшения или утварь?

Естественно предположить, что «золото» в составе имущества какого-либо лица включало не только слитки золота, но также (если только не преимущественно) золотые вещи. Золотые украшения и золотая посуда были хорошо знакомы уже в пору Старого царства. Поэтому и «медь», которою владело то или иное лицо, не обязательно была просто медью; «медью» могли быть и медные предметы обихода, особенно медная посуда, которая была достаточно распространена в староегипетскую пору.

В надписях, перечисляющих состав имущества, ничего не сказано об употребительности меди как меры стоимости и средства обращения. Однако стоит сопоставить эти надписи с теми, что говорят о платежах медью, чтобы стало вероятным, что и медь имущественных перечней могла находить такое употребление. Действительно, и в тех и в других надписях медь появляется в окружении одних и тех же вещественных ценностей, обыкновенно в ближайшей связи с зерном и одеждами. Налицо один более или менее устойчивый список ценностей, и поэтому приписать меди в одном случае значение средства обращения, а в другом — лишь средства потребления трудно.

Если мы вправе допустить, что под «медью», которая входила в состав имущества, разумелись также медные предметы обихода, то можно предположить, что и той медью, которою платили, бывали по меньшей мере иногда эти же предметы, так как ничто не мешало заплатить мастеру медным горшком, тазом, ножом или резцом. Но важно, что и тогда этими вещами платили бы не просто как предметами обихода, а как медью. Ведь не платили же посудой вообще, ни обыкновенною глиняною, ни поливною, ни даже каменной, хотя каменные сосуды пользовались большой любовью в Старом царстве. Не платили и орудиями вообще, например кремневыми, которые, нередко отличной работы, находили еще широкое применение в ту пору. Иными словами, в «меди» ценилось ее вещество. Затем, если бы и платили медными вещами, то наряду с ними могли употреблять и медь в слитках, кусках, в виде весовых единиц.

Точнее узнать, что понимали древние жители Дендере под «медью», помогают некоторые находки, сделанные на том же кладбище в Дендере, откуда происходят надписи, упоминающие медь. Там была откопана гробница одного из князей области, Мэне, жившего в конце VI царского дома. На стенах подземного склепа были изображены и перечислены ценности, которыми желали владеть умершему на том свете, притом в возможно большем количестве²⁶.

Не все росписи уцелели, но и сохранившихся достаточно, чтобы заметить, что, помимо хлеба, пива и прочих яств и напитков, изображены и названы примерно те самые ценности, которыми платили или которыми владели составители уже известных нам надписей. Правда, житниц с зерном на сохранившейся стенописи не видно, но они, возможно, некогда имелись, так как встречаются на росписях в других склепах того же времени. Разные виды полотен заключены в ларцы или завязаны в узлы. Сосуды с умщением размещены в поставцах или стоят запечатанные вне их. Золото вместе с самоцветами представлено в различных уборах. Некоторые предметы, нужные для заупокойной службы, как фимиам, или такие предметы, как ложа, изголовья, зеркало, письменный прибор, естественно, не находят себе соответствия в перечнях ценностей, общеупотребительных как плата или составляющих богатство человека. Но вот под одним

²⁴ Ibid. Pl. 11.

²⁵ Ibid. Pl. 10.

²⁶ Ibid. Pl. 3.

из лож изображен ящик с несколько выступающей по краям крышкой, перевязанный и запечатанный посередине и по концам. Рядом с ним помещена надпись, находящая себе прямое соответствие в составе изучаемых нами перечней. Она гласит: «Медь, 100 000» (знак меди, знак камня или кирпича, верх знака головастика для 100 000, — брюшко, лапки и хвост головастика погибли). Как и другие подобные им памятники, росписи Мэне не скупы на числа, но все-таки сотнями тысяч они не бросаются. Сотни тысяч мы находим тут почти только для одних полотен. В двух случаях это «200 000», в одном даже — ««210 000», в четырех случаях — «100 000», один раз — «100 100», в четырех случаях — «110 000», в двух — «120 000». Помимо полотен, лишь один раз для золота указано «110 000». В остальных уцелевших приписках числа куда скромнее. Так, «благовония праздничного» всего лишь «сосудов 21 000», а другого масла — «10 110», «зеленого камня верхнеегипетского» то «21 000» (или: «21 100»?), то «12 000», «лазури» — «10 000», «сердолика» — «11 000», «фимиама» — раз «шарик(ов) 21 000», другой раз — «11 000», алавастровых изголовий — «2000», зеркал — «1000». Как ни велики числа, между ними есть все-таки определенное соотношение. Если сосудов с умщением, шариков фимиама, самоцветов — один-два десятка тысяч, то сотня тысяч меди в опечатанном ящике, если это число предметов, а не их вес, навряд ли состояла бы из одних крупных вещей, скажем медной посуды. Скорее всего то были бы мелкие вещи, которых, конечно, могло быть чрезвычайно много. К счастью, сама гробница подсказывает нам, что это была за «медь».

В подземелье, где на стене изображен ящик с медью, были обнаружены возле гроба умершего остатки его медного потустороннего снаряжения. Они лежали на песке под опрокинутой чашей и состояли из большого лезвия, крошечного топорика, крошечного тесла и длинной проволоки²⁷. В сходной соседней гробнице *Mrw* в подземном склепе вокруг трупа были найдены, кроме глиняных горшков и поливных бус, большое медное лезвие и маленькие из меди же топорик, тесло, жертвенник и четыре чашечки — все, что осталось после грабителей²⁸. Уменьшенные подобию орудий труда и посуды — частые находки в погребениях времени Старого царства. По тогдашним воззрениям, подобные подражания заменяли мертвецу подлинники. Иногда попадаются и настоящие большие орудия и сосуды из меди.

Но есть еще один способ догадаться о содержании загадочного ящика. На стенах гробницы Хеси-рэ начала Старого царства тоже были изображены продолговатые ящики и — что важно — без крышек и сверху, так что можно увидеть то, что в ящиках находится. В одном из них можно распознать пилу, топор, резцы, две темные пластины, в другом — широкие ножи, щипцы, шилья²⁹. По своему обличью перечисленные орудия явно медные, с деревянной рукояткой или без нее. Медные, вероятно, и обе пластины, хотя они и сине-черные в отличие от более светлых медных частей других орудий: ведь и лезвие пилы, несомненно медное, тоже окрашено в сине-черный цвет³⁰. Что медные пластины клались в могилу умершему, очевидно, про запас, в придачу к орудиям³¹, удостоверяет находка, сделанная в одной из гробниц Раннего царства (времени I царского дома). Среди множества разных медных орудий и посуды, сложенных туда в плетеных продолговатых коробах, оказалось 75 прямоугольных пластин меди³². Надпись на гробе царевича Шеф-мина первой половины Старого царства желает умершему «тысячу (плотнических) тесел, тысячу (столярных) тесел, тысячу топоров, тысячу пил, тысячу резцов», но умалчивает о запасных пластинах³³. Зато сходный перечень в гробнице Ки-м-онха конца Старого царства сулит хозяину гробницы тысячу тесел, тысячу топоров, по тысяче резцов четырех родов, тысячу

²⁷ Ibid. P. 6–7, 25.

²⁸ Ibid. P. 7, 25. Pl. 22.

²⁹ J. E. Quibell. The tomb of Hesy. Le Caire, 1913. P. 21, 34. Привожу по статье: W. B. Emery. A preliminary report on the First dynasty copper treasure from North Saqqara // ASAE, XXXIX, 1939. P. 429.

³⁰ W. B. Emery. A preliminary report... P. 434.

³¹ Ibid. P. 435.

³² Ibid. P. 427–437, pl. 62–65; P. 433–434, pl. 65.

³³ W. S. Smith. The coffin of prince Min-khaf // JEA, 19, 1933. Pl. 24.

пил и под конец — «кирпич(ей) меди тысячу (и) (вещества) *tr* тысячу»³⁴. Этот список относится приблизительно к тому же времени, что и изображение ящика с сотнею тысяч меди, поскольку оба они — времени VI царского дома; они оба помещены в подземных склепах. Получается, что в загадочном ящике могли быть не только медные вещи, но и просто медь — в пластинах или брусках («кирпичах») или еще в каком-нибудь виде. Вспомним, что в склепе, где изображен ящик, вместе с орудиями была найдена длинная медная проволока.

Возвращаясь к нашему вопросу о том, что подразумевали под «медью» в древней Дендере, мы уже не без основания можем предположить, что под «медью» там понимали всякую медь, в любом ее виде, будь то просто медь или медные вещи. Зерно было тоже прежде всего потребительской ценностью, но зерно же служило Старому царству мерилем стоимости и средством обращения. При любом потребительском значении предметов из меди, они были прежде всего медью, ценным веществом, и в меди, как и в зерне, можно было оценивать, и медью, как и зерном, можно было оплачивать разные вещи. Зерно мерили четвериками (*hk3.t*). Медь, разумеется, взвешивали. Как ее взвешивали, когда отпускали кузнецам в мастерских, изображено на стенах вельможеских гробниц³⁵, но не показано, каким образом ее взвешивали при обмене.

От второй половины Старого царства до нас дошла купчая на дом. В ней дом оценен в 10 *šꜥ.t(j?)*, но оплачивается не этими единицами, а тремя предметами обихода, цены которых, указанные для каждого в отдельности в тех же *šꜥ.t(j?)*, вместе составляют цену дома (3+4+3=10): «Достал (я, т. е. приобрел) дом этот за вознаграждение у писца *Tntj*. Дал (я) 10 *šꜥ.t(j?)* за него.

„четверное” полотно	1	3
кровать	1 — <i>šꜥ.t(j?)</i>	4
„двойное” полотно	1	3» ³⁶

Что такое эти *šꜥ.t(j?)*, в которых предварительно оценивают вещи, но которые сами так и не появляются при обмене? Много позже, при XVIII царском доме, слово *šꜥ.tj* обозначало золотую или серебряную деньгу весом примерно в 7 ½ г. Хочется думать, что староегипетское слово тождественно с этим позднейшим *šꜥ.tj* и тоже обозначало какую-то деньгу³⁷.

Слово в купчей написано тремя буквенными знаками: *š+ꜥ+t*, за которыми следует знак, намекающий на смысл слова изобразительным образом. Что же изображает этот знак? По виду он напоминает яйцо острым концом вверх, со скошенным по бокам тупым концом, переходящим книзу в острый кончик. Этот знак напоминал ученым то знак для хлеба, то знак для руды. Но, хотя существует древнее слово *šꜥ.w.t* «жирный медовый полбяной пирожок», знак в купчей лишь несколько напоминает знак для хлеба. Зато знак для руды в Старом царстве иногда написан почти совсем так, как наш знак: неправильных очертаний яйцо с острым кончиком снизу³⁸. Поэтому, думается, знак в купчей есть знак руды.

Но слиток какой руды изображал знак? Знаком для руды в Старом царстве писалось

³⁴ H. Junker. Gîza IV. Taf. 9.

³⁵ LD, Abt. 2, Bl. 49 b (надпись: «взвешивание меди»); P. Duell, R. T. Cowern, H. M. Lack, D. Nash, S. R. Shepherd, C. R. Shuford, V. Strekalovsky, E. A. Warren, C. F. Nims, K. C. Seele, L. F. Thompson, M. Kossoff. The mastaba of Mereruka. Pt. 1. Chicago, 1938. Pl. 30 (надпись: «запись взвешивания меди»).

³⁶ K. Sethe. Ägyptische Inschrift auf den Kauf eines Hauses aus dem Alten Reich // Berichte über die Verhandlungen der königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Kl. Bd 63, Heft 6, 1911. S. 135–150, Taf. 5; U. Holscher. Das Grabdenkmal des Königs Chephren. Leipzig, 1912. S. 111–112; H. Sottas. Étude critique sur un acte de vente immobilière du temps des pyramides. Paris, 1913; E. Revillout. Un contrat d'aliénation d'une maison par voie d'échange sous l'Ancien empire égyptien // RdE, 14, 1914. P. 87–92; F. W. Bissing. Ein Hauskauf im IV. Jahrtausend vor Chr. // München SB. Phil.-hist. Kl. Abh. XIV, 1920; E. Chassinat. Un type d'étalon monétaire sous l'Ancien empire // RT, 39, 1921. P. 79–88; J. Capart. Memphis à l'ombre des pyramides. Bruxelles, 1930. P. 191–193; Urk. I, 157–158.

³⁷ E. Chassiant. Un type d'étalon...; T. E. Peet. The unit of value *šꜥ.tj* in Papyrus Bulaq 11 // Melanges Maspero, I, fasc. 1. Le Caire, 1934. P. 186; cp. Wb. IV, 418.

³⁸ Selim Hassan. Excavations at Giza 1930–1931. P. 190, pl.; H. Junker. Gîza, IV. Taf. 9.

одно слово — «медь»³⁹; в словах «золото», «серебро» этот знак не встречается. Не значит ли это, что *š^c.t(j?)* купчей были медными? Но тогда, если только принять позднейший вес *š^c.tj* 7 ½ г, покупная способность меди в Старом царстве должна была быть невероятно высокой: за 30 г меди можно было бы купить кровать, за 75 г меди — целый дом, хотя бы этот дом, стоивший всего в 2 ½ раза дороже кровати, и был очень убогим! Но если б эти *š^c.t(j?)* и не были медными, то все же следует отметить, что купчая найдена и была заключена в том самом Гизе, на том самом столичном кладбище у великих пирамид, откуда происходит древнейшая пока известная надпись об оплате работников медью. В единицах *š^c.t(j?)*, которые, по-видимому, были деньгами, оценивали продаваемое на том самом месте, где мастерам, соорудившим гробницу, однажды заплатили медью (см. выше надпись *Mḥ-w(j)-3ḥ.t(j)*).

Возможно, что наряду с медью средством обращения служило и золото. Если не считаться со случайностью и скудостью имеющихся данных, можно даже предположить, что оно предшествовало меди в таком употреблении. Из «Палермского камня» известно, что в конце II царского дома каждые два года производился переучет не только полей, но и золота, причем золото названо первым: «раз 7 счета золота (и) поле(й)» и через год «раз 8 счета золота (и) поле(й)»⁴⁰. Очевидно, если принятое толкование данного места правильно (а другое толкование как будто предложить трудно), золото уже тогда имело какое-то особое хозяйственное значение, и количество золота или распределение его в стране быстро менялось.

Возможно также, что медь издавна служила средством обращения наряду с золотом. Однако древнейшая известная надпись об удовлетворении заказчиком мастеров, которая называет медь в составе платы, — надпись *Mḥ-w(j)-3ḥ.t(j)*, — принадлежит второй половине Старого царства. Такого рода надписей сохранилось не так уж мало, но они обычно не называют меди в составе вознаграждения. Зато с концом Старого царства, в смутную пору медь начинает часто упоминаться в составе как платы, так и имущества. Концу VI царского дома принадлежит любопытное изображение запечатанного ящика со «100 000 меди» среди вещей, нужных умершему.

Зерно остается одним из средств оплаты в смутную пору после Старого царства, но те рыночные изображения, на которых люди ходят по рынку с четвериком на плече или в руках, относятся, возможно, все ко времени V царского дома, т. е. еще к концу Старого царства. Изображения в гробнице *Tjj*⁴¹ и в безымянной⁴² бесспорно относятся ко времени V царского дома, и, может быть, к тому же времени относится и изображение на куске гробницы одного из Тп-эм-онхов⁴³. На рыночных изображениях времени VI царского дома четвериков с зерном, которое служило бы средством обращения, не видно (ср. изображения в гробницах *K3(j)-gm(.w).n(j)*⁴⁴ и Анх-ма-хо-ра⁴⁵). Нет таких четвериков и на изображениях купли-продажи из крытого хода к поминальному храму последнего царя V дома Уннос⁴⁶.

Конечно, нельзя утверждать, что преобладание зерна как меры стоимости и средства обращения сменилось на исходе Старого царства таким же преобладанием меди. В надписях смутной поры, касающихся оплаты работников, медь неизменно стоит после зерна, так что, видимо, за ним сохранялось преобладание. Однако распространение к тому времени меди как средства обращения наряду с зерном и за счет его, распространение, чреватое последствиями для дальнейшего развития обмена, представляется вполне возможным.

Осень 1956 г.

³⁹ Ср. А. Н. Gardiner. *Egyptian Grammar. Sign-list*, N 34.

⁴⁰ H. Schäfer. *Ein Bruchstück altägyptischer Annalen*. Berlin, 1902. S. 26–27, Taf. 1 u.a.

⁴¹ G. Steindorff. *Das Grab des Ti*. Leipzig, 1913. Taf. 133; H. Schäfer, W. Andrae. *Die Kunst des Alten Orients*. Berlin, 1925. S. 248; H. Schäfer. *Gräber des Alten Reiches*. Leipzig, 1930–е годы. Taf. 35.

⁴² См. прим. 3.

⁴³ J. Capart. *Recueil de monuments égyptiens*. Bruxelles, 1902. Pl. 13.

⁴⁴ F. W. Bissing. *Die Mastaba des Gem-ni-kai*. Bd I. Berlin, 1905. Taf. 22–23; H. Schäfer. *Gräber...* Taf. 9.

⁴⁵ J. Capart. *Une rue de tombeau à Saqqarah*. Bruxelles, 1907. Pl. 31–32.

⁴⁶ Selim Hassan. *Excavations at Saqqara 1937–1938* // ASAE, XXXVIII, 1938. Pl. 96.

«ДОМ *ШНАУ*» В СТАРОМ ЦАРСТВЕ

Памятники Старого царства не раз упоминают хозяйственное учреждение «дом *шнау*», или просто *шнау*.

Распространено мнение, что так назывались не только складочные помещения, но и нечто вроде римского *ergastulum*, т. е. место, где содержались и трудились рабы, особенно занятые в земледелии. Если это мнение правильно, то изучать «дом *шнау*» — первоочередная задача всякого, кто хочет понять староегипетское производство. Только действительно ли «дом *шнау*» можно приравнять к *ergastulum*?

Не менее четырех раз в гробницах сановников V и VI царских домов изображено хозяйственное заведение, являющееся, бесспорно, «домом *шнау*», так как словами «*шнау*» или «дом *шнау*» оно обозначено в самих приписках к этим изображениям.

Подробнее всего оно показано в гробнице Ти́и в Саккара. Изображение занимает целиком узкую стену и ограничено поверху и по бокам общим узорным ободком. Внизу изображена приемка изделий (хлеба) хозяйственной «управой» вельможи, выше — приготовление хлеба, далее — производство пива, затем — промазка сосудов глиной и розлив по ним пива и, наконец, в самом верху — гончарное производство. В Старом царстве пиво варилось из печеных ячменных хлебцев. Отсюда неразрывная связь пивоварения с хлебопечением. Изделия гончаров на изображении представляют собой почти сплошь пивные сосуды, очевидно предназначенные для пива, которое варят рядом. Следовательно, изображено одно производственное целое — хлебно-пивное производство с привходящим гончарным. Название этого производственного целого указано приписками: отчитывается перед «управой» «распорядитель *шнау*», посредине изображения за работами наблюдает «распорядитель дома *шнау*», а вверху среди пивоваров стоит «писец дома *шнау*»; кроме того, посредине изображена «житница, которая в доме *шнау*».

Второе по степени обстоятельности достоверное изображение *шнау* находится в гробнице Ии-н-нефрет (ныне в Карлсруэ). Большинство изображенных работ находит прямое соответствие у Ти́и. Нет гончаров, зато показаны очистка фиников и, видимо, изготовление из них напитка, а также приготовление птицы. Хотя в полуразрушенной приписке рядом с «домом *шнау*» упомянут еще какой-то «дом», должностное лицо, представленное с краю всего изображения надзирающим за работою, не кто иной, как «[распо]рядитель *шнау*».

Опущенная у Ии-н-нефрет приемка изделий подробно показана на третьем изображении, находящемся в гробнице Анх-ма-хер(у) в Саккара. Уцелела лишь часть изображения, посвященная приемке хлеба и некоей жидкости, очевидно пива, тем не менее у края изображения как будто надежно читается звание одного из отчитывающихся лиц: «[распоряди]тель *шнау* дома джет», т. е. заведующий *шнау* хозяйства владельца гробницы.

Надписи на четвертом изображении изданы, но само оно известно мне только по краткому его описанию в путеводителе по берлинскому собранию египетских древностей. На обломке уцелело опять-таки изображение приемки изделий. Приписки к изображениям подотчетных лиц содержат каждая звание «распорядитель *шнау*» и название изделия: «(островерхий) хлеб», «пиво», «(округленный) хлеб».

Кроме перечисленных четырех изображений, на которых воспроизведенное заведение самими надписями на них определено как *шнау*, или «дом *шнау*», есть еще ряд гробничных изображений времени Старого царства, не надписанных подобным образом, однако настолько схожих с отмеченными четырьмя, что изображенные производства в одних случаях несомненно, в других вероятно должны быть тем же «домом *шнау*». Это очевидно особенно в тех случаях, где, как в гробницах Хент(и)-ка Ихехи в Саккара и Теп-эм-анх в Абусире, показаны не только производство хлеба и пива, но и приемка того и другого. Особо заслуживают быть отмеченными изображения в гробницах Ка-эм-анх в Гизе (раскопки Х. Юнкера), Пепи и Мениу в Меире, показывающие одновременно работы, связанные с приготовлением хлеба, пива и птицы, как мы то наблюдали на изображении *шнау* в гробнице Ии-н-нефрет.

Таким образом, в составе вельможеского хозяйства имелось особое заведение, соединявшее в себе пекарню и пивоварню, а также включавшее в себя (по меньшей мере иногда) подсобное гончарное производство и поварню, где жарилась и варилась птица, а, может быть, также и мясо. Эта своеобразная пищевая, преимущественно хлебно-пивная, мастерская и была *инау*. Такакие и иные ремесленные мастерские в составе вельможеского хозяйства имели свои обозначения и ни разу не названы «домом *инау*». Также неизвестно мне ни одно сельскохозяйственное изображение в вельможеских гробницах, на котором надписи хотя бы отдаленно намекали на принадлежность земледельцев «дому *инау*». Но если этим «домом» было заведение, по преимуществу пекшее хлеб и варившее пиво, можно ли было ожидать чего-нибудь другого?

Спрашивается теперь, не такова ли и природа храмовых «домов *инау*», о которых говорят царские указы второй половины Старого царства? Одна из обельных грамот фараона Фиопса II обеляет от государственных повинностей «двор» (*хут*), принадлежащий храму Мина в Коптосе. Этот «двор» и его «челядь» (*мерет*) не просто храмовые владения и люди, но «двор (по имени) Укрепляет-Мин-Нефр-ка-ра (т. е. Фиопса II), что от *инау*» и «челядь дома *инау* этого». Фараон указывает, зачем он запрещает отвлекать людей «двора» от исполнения их прямых обязанностей: «Не дало величество (мое) творить им работы эти сверх того, что достигает (т. е. “касается”?)... жертвы дома *инау* [из желания, (чтобы)] жречествовали, выбирали (?) месяц (т. е. приносили месячные жертвы), сторожили [каз]ну (?) божью во дворе Мин[а] в Коптосе в долготу вечности». Сопоставим также сочетание «жертвы дома *инау*» с повторным запрещением в указе брать людей данного заведения для обслуживания «другой жертвы божьей». Следовательно, данный «двор», принадлежавший *инау*, служил прежде всего для обеспечения храма жертвами.

Тому же «двору» или в большей мере «двору *инау*», чем самому *инау*, посвящен другой указ, изданный одним из преемников Фиопса II. Жертвуемая Мину «пашня» становится не просто храмовой землею, но «пашнею дома *инау* этого». Назначение дара указано самою надписью: «...пашня эта, чтобы сотворить жертву божью там Мину в Коптосе как постоянную жертву [всякого дня] (?), внеочередную жертву праздников... там». Таким образом, и тут «дом *инау*» ставится в связь с жертвами, т. е. с теми же пищевыми изделиями.

Третий царский указ, посвященный «дому *инау*», принадлежит тоже исходу Старого царства. От этого указа мало что осталось, однако и в нем «дом *инау*» оказывается в окружении жертвоприношений, притом самых съедобных, от которых должны «насыщаться» идола.

Итак, все три царских указа, посвященных «дому *инау*», ставят его в связь с приготовлением жертв, т. е. яств и напитков. В царских указах времени Старого царства «дом *инау*» поэтому вполне последовательно противопоставляется земледельческой деятельности. В уже упоминавшейся грамоте Фиопса II касательно коптосского «двора Укрепляет-Мин-Нефр-ка-ра, что от *инау*» в качестве лиц, ответственных за соблюдение ее в дальнейшем (?), называется «(тот), кто будет приставником *ихтет* (т. е. чего-то, относящегося к пашням *ихет*) (и) распорядителем дома *инау* — деревни (*нут*) этой (и) дома *инау* этого». «Деревня эта», конечно, тот «двор», которому дана грамота, «дом *инау* этот» — тот *инау*, к которому данный «двор» относится.

Из упоминавшегося уже указа преемника Фиопса II, посвященного тому же коптосскому «двору», земледельческое назначение этого «двора» вытекает достаточно ясно, и пашня, передаче которой храмовому *инау* посвящен указ, чуть ли не сама даже объявляется тем «двором». Замечу, что с пашнями как будто связывает некий «двор дома *инау*» и областной князь Иби в своей гробнице в Дэр эль-Гебрави. Поскольку и «челядь» коптосского «двора», и пашня должны были, согласно царским указам, обеспечивать храмовые жертвоприношения, «двор», очевидно, снабжал «дом *инау*», к которому был приписан. В таком случае продовольственное сырье, поступавшее из сельскохозяйственного владения — «двора» — в продовольственную мастерскую — «дом *инау*», перерабатывалось в ней в пищевые изделия, еду и напитки. Менее резко «дом *инау*» и земледельческое хозяйство противопоставлены в другом указе одной из обельных грамот VI царского дома,

в которой обеляемые люди и предметы, выделенные для поминальной службы по царской родне, перечислены в таком порядке: «слуга божий (т. е. жрец) (или) слуга двойника (т. е. заупокойный жрец), дома, пашня, дома *инау*, деревни, челядь». Однако и тут «дома *инау*» обеляются как особые хозяйственные заведения, а не как часть земледельческого хозяйства. В самом деле обелять одну постройку или ночлег для работников, занятых на пашне, упомянутой до «домов *инау*», никто не стал бы, следовательно, «дома *инау*» здесь не такие сооружения, а то, что под этими «домами *инау*» подразумевалась не совокупность сельскохозяйственных работников, доказывает упоминание «челяди» (*мерет*) в конце перечня.

Наконец, «дом *инау*» упоминается дважды в обельной грамоте Фиопса II, данной храму Мина в Коптосе на совокупность храмовых служащих и работников (в другой сходной грамоте «дом *инау*» упоминался один раз — в месте, соответствующем первому случаю в лучше сохранившейся надписи). В перечне обеляемых лиц «дом *инау*» [или лучше «(люди) дома *инау*», так как обозначение «дом *инау*» снабжено определителем мужчины и женщины] и «образователи» (т. е. строители или гончары) названы оба раза отдельно от «челяди» (*мерет*), как обозначалась в первую очередь земледельческая рабочая сила.

Довольно недвусмысленно как мастерская жертв упоминается «дом *инау*» в староегипетской «летописи» на Палермском камне. Под одним из годов правления фараона V царского дома Нефр-ир-ка-ра мы читаем: «Царь Верхнего и Нижнего Египта Нефр-ир-ка-ра сотворил как памятник [свой] солнц[у] жертвенник 1 на стене Властелина, постоянную жертву [дня] всякого, жертв божьих 210. Царь Верхнего и Нижнего Египта Нефр-ир-ка-ра сотворил как памятник [свой] Хатхор жертвенник 1 на стене Властелина, постоянную жертву [дня] всякого, жертв божьих 203. Сотворены были два дома *инау* для того, набрана была челядь (*мерет*) для того». Непосредственная связь «дома *инау*» с жертвоприношениями здесь тем заметнее, что для каждого из обоих жертвенников учреждается по своему особому «дому *инау*». Заметим также, что говорится лишь о жертвенниках, их «домах *инау*» и о набранных людях и ни словом не намекается на посвящение земельных владений на содержание жертвенников, несмотря на то что вообще летопись для правлений V царского дома с величайшей тщательностью отмечает количество пожертвованной храмам пахотной земли.

В связи с едою назван «дом *инау*» и в жизнеописании элевантинского князя Хуф-хер(у). По особому царскому распоряжению спешащий в столицу путешественник имеет возможность получать довольствие «во дворе всяком дома *инау*, во дворе божьем (т. е. храме) всяком», даже невзирая на обеление их от поставок вообще.

Менее определенны условные изображения «домов *инау*», или просто *инау*, в одном из поминальных царских храмов. В царском заупокойном хозяйстве имелось, видимо, большое количество «домов *инау*», расположенных в разных селениях или составлявших вместе с жилищами их людей самостоятельные поселки. В поминальном храме Фиопса II одно из поселений, представленное в виде женщины с дарами, обозначено как «*инау* [Ф]и[оп]са, которое в Ра-кмау (следует определитель селения)». Другие женщины, несущие мертвому царю всевозможные припасы, представляют «дворы» Нефр-ка-ра или Фиопса «*инау* Птаха» (с определителем селения). Наконец, целое шествие таких представительниц селений, несущих для поминальной службы умершего царя хлеб, напитки, овощи, плоды, птицу, цветы и т. д., состоит сплошь из «домов *инау* двойника царя Нефр-ка-ра» и «домов *инау* двойника царя Фиопса» (после каждого обозначения определитель селения).

Часто чрезвычайно поучительны звания должностных лиц, ведавших «домами *инау*». Еще в начале IV царского дома Пех-р-нефр величал себя, между прочим, «распорядителем дома *инау* Внутренней земли (т. е. Верхнего Египта) пивоваров, распорядителем дома *инау* Нижнего Египта пивоваров». Здесь причастность заведения к пивоварению бесспорна. В своей гробнице в Гизе (раскопки Селима Хассана 1931–1932 гг.) Иру называл себя «распорядителем дома *инау* завтрака царева», а Хекну на жертвеннике Берлинского музея № 14402 величается «наставницей дома *инау* завтрака царева». Прямое указание на связь «дома *инау*» с едою, на этот раз не царскою, а жертвенною, содержит,

быть может, и звание Нефр-хетпу — «распорядитель дома *инау* жертвы божьей» — на обломке его гробничной двери в Берлинском музее (№ 11666). У других лиц заведование «домом *инау*» упоминается рядом с должностями, явно связанными с приготовлением пищи. На обломке гробницы в Гизе умерший именуется: «(тот), кто при вещи царицы (?), наставник пекарей завтрака царицы, распорядитель дома *инау* Ах-иб» (раскопки Петри в Гизе и Рифе). Владелец жертвенника № 1349 Каирского музея величает себя «прохлаждающим (т. е. радующим) дом большой (т. е. дворец), распорядителем печения (или: варки — *фесет*)» и одновременно «любимым владыкою своим, тем, кто в чести у бога большого, распорядителем дома *инау* (солнечного храма) Место-сердца-солнца». Хозяин же ларца Брюссельского музея № E.2674 оказывается «руководителем шатра (т. е. столовой), распорядителем *инау*».

Возможно, некоторые звания имели в виду «дом *инау*» не столько как место, где приготавливались еда и питье, сколько как место, где они хранились по приготовлении. Предположить двойное назначение «домов *инау*» как мест производства и хранения еды и питья вполне естественно. Как известно, имеются прямые указания на «дома *инау*» в Старом царстве как на складочные помещения для жертв. В гробнице Мреру-ка в Саккара имеется пять камер по числу черед заупокойных жрецов с надписями над входом в каждую из камер, сообщающими, которым из черед данные камеры служили как *инау*. В гробнице Ахт(и)-хетп Хеми в Саккара было обнаружено пять кладовых, из которых некоторые были в два яруса. Около одной из них была найдена надпись, помещавшаяся некогда над входом и объявлявшая данную кладовую *инау* одной из черед заупокойных жрецов. Сходная надпись имела, по мнению Л. Борхардта, и на двери в одном из складочных помещений поминального храма фараона Н(и)-усер-ра. По обрывкам учетной ведомости V царского дома в Каирском музее, описанным Л. Борхардтом, в один и тот же день было «доставлено из Места-сердца-солнца», т. е. из царского солнечного храма, столько-то и того-то, а «взято из дома *инау*» столько-то того-то и того-то, притом, видимо, далеко не одних съестных припасов.

Что словами «дом *инау*», или *инау*, обозначали склады — общеизвестно, так же как общеизвестно и то, что в местах, так обозначенных, могли, согласно гробничным изображениям, приготавливаться еда и питье, преимущественно хлеб и пиво, а также изготавливаться нужная для пива посуда. Задача моего доклада состоит в том, чтобы напомнить и отчетливее очертить эти назначения «дома *инау*» и показать, что других назначений он, видимо, не имел и что считать его *ergastulum* для рабов вообще, в особенности же для занятых в земледелии, нет оснований.

По докладу выступил Ж. Позенер.

ЖРЕЦ ЦАРЯ ВО ГЛАВЕ ГОСУДАРСТВА

Многотомный труд Ю. Я. Перепелкина, посвященный преобразованиям Амен-хотпа IV, остался незавершенным. Предлагаемая вниманию читателей часть должна была начинать книгу пятую второго тома. По причине установленного в конце 70-х годов ограничения объема книг Ю. Я. Перепелкин убрал этот раздел из второго тома и, судя по ссылкам на публикации источников, не работал над ним. Само же написание раздела можно датировать 1966 годом.

За прошедшие почти четверть века появилось много публикаций новых источников и новых исследований, но труд Ю. Я. Перепелкина не устарел ни в одной своей части. Более того. Он настолько оригинален по методике, по глубине мышления и проникновения в материал, что в сущности лишь сейчас по-настоящему начинает осваиваться мировой египтологией. В свое время перевод его «Тайны золотого гроба» (Persepelkin G. The secret of the gold coffin. M., 1978) вызвал сначала, мягко говоря, сдержанный прием (см. рецензии: van de Walle B. // CdE, 1, 1980. N 109–110. P. 136–140; Reeves C. N. // BiOr, V, 1981. XXXVIII. № 3/4. P. 293–297), однако по мере освоения результатов его исследования этот прием сменился полным признанием приоритета Ю. Я. Перепелкина (Helck W. // OLZ, 78, 1983. Jg. № 6. S. 544 ff.; idem. Kijê // MDAIAK, 1984. Bd 40. S. 159–167). Э. Хорнунг (Hornung E. Tal der Könige: Die Ruhestätte der Pharaonen. 3. erweiterte Auflage. Zurich, München 1985. S. 217) вообще перечёркивает другие исследования, оставляя только публикацию источников и исследование Ю. Я. Перепелкина. См. также: Munro I. Zusammenstellung von Datierungskriterien für Inschriften der Amarna-Zeit nach J. J. Persepelkin «Die Revolution Amenophis IV». Teil I (russ.). 1967 // Göttinger Miszellen. 1986. Ht 94. S. 81–91; BiOr, 1987. V. XLIV. № 1–2. P. 137–143. Несмотря на явное усиление интереса к личности исследователя и предметам его изысканий, несмотря на все увеличивающийся поток литературы, ныне в известной степени повторяется история с Кэйе и «Тайной золотого гроба»: то, что удалось установить Ю. Я. Перепелкину в предлагаемой статье, является абсолютно новым и неожиданным. Ю. Я. Перепелкин имел обыкновение писать очерками, постепенно рассматривая крупную проблему то с одной, то с другой стороны (в данном случае том должен был освещать все окружение фараона-реформатора), а затем соединять очерки в книгу. Это позволяет каждый отдельный очерк воспринимать как самостоятельную, внутренне законченную работу, хотя сам автор много времени тратил на переработку будущих глав в цельную монографию и вообще для себя не признавал статью как форму исследования.

Ссылки в тексте на параграфы без указания книги подразумевает монографию Ю. Я. Перепелкина «Переворот Амен-хотпа IV» (Ч. I–II. М., 1967–1984). Поскольку в книге Ю. Я. Перепелкина «Кэйе и Семнех-керэ. К исходу солнцопоклоннического переворота в древнем Египте» (М., 1979), являющейся третьим томом той же монографии, нумерация параграфов издательским редактором устранена, ссылки на нее даны в подстрочных примечаниях, как и на прочие исследования.

Оригинал хранится в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР, фонд № 148, опись № 1, ед. хр. № 33.

Материал подготовил к печати Е. С. Богословский.

Евг. Богословский.

По принятому обычаю у Амен-хотпа IV было два «правителя», т. е. верховных сановника фараоновского государства, на средневековый лад — два «везира». Оба они вместе изображены в Ах-йот в гробнице П-рен-нуфе при VI солнечном титуле (см. § 39; EA VI:IX = X) и в гробнице домоправителя Ми-рэ при поздних солнечных кольцах (EA II:XXXIII = XXXV). Имеется и косвенное указание на двойственное число правителей. Вместе с Бенре-мут, сестрою царицы Нефр-эт, в составе царского сопровождения не раз изображены два шутовских правителя, два колченогих карлика, одетых в служебный наряд правителя, названных каждый «правителем» (EA II:V два раза, VII, VIII; EA VI:XVII, XXVI, XXVIII).

В течение первых пяти лет царствования Амен-хотпа IV «правителем» в столице, Нэ, был Ра-мосе, унаследованный молодым царем от своего отца. Как известно, Ра-мосе занимал должность правителя в 30 году Амен-хотпа III (JNES X:48 VIII 92; DAeAe III:LXXXIIIb), так что ко времени воцарения Амен-хотпа IV «правительствовал» уже не менее восьми лет. Великолепная гробница Ра-мосе в Нэ была высечена и в значительной мере отделана при Амен-хотпе III (TVR:XIII = U18D:1778). Бесспорно времени того же фараона две надписи Ра-мосе на скалах в области первых порогов (MDREN:LXX 21 = CMIEA:90 97, 103 51 = U18D:1791).

Возможно, самых первых лет Амен-хотпа IV изображения и надписи Ра-мосе над внутренней дверью его гробницы (TVR:XXVIII + 36(1), см. § 67). В ней же при строчном имени, когда слово «ликующий» в нем писали буквами и знаком свитка, следовательно,

в 4-ом году царствования Амен-хотпа IV (см. § 10), Ра-мосе приветствует царя, будучи по-прежнему «распорядителем (стольного) города (и) правителем» (FTEQ:XVI + XXVII = EW:XVI + XXVII = TVR:XXIX – XXXI = L–LI, отчасти ZAeSA XXI:129 = TTA:138 CXXVI, U18D:1780). В той же должности он появляется в своей гробнице и на изображении награждения его царем при I солнечном титуле (см. § 34; TVR:XXXII–XXXVIII), притом по провозглашении царя «живущим правдою» (TVR:XXXVI), значит примерно в 5-ом году царствования (см. § 64). Никакого умаления Ра-мосе при новом фараоне не заметно, напротив, его положение по-видимому, сильно возросло. Прежде Ра-мосе величался, как многие другие вельможи, «повелителем-князем» (обычно переводится «наследственный князь»; в гробнице — TVR:XVIII = U18D:1779, TVR:XIX = U18D:1790, TVR:XXVIII = U18D:1789, TVR:XXXIX = U18D:1789, TVR:XL = U18D:1777, строки 1 и 9; на изваянии — RTRPhAEA XXIX:142 = U18D:1790, в наскальной надписи — MDREN:LXX 21 = CMIEA:90 97, 103 51 = U18D:1792); так величался он, возможно, и в начале царствования Амен-хотпа IV (TVR:XXVIII, см. § 67). Но при I солнечном титуле (см. § 34) Ра-мосе в той же своей гробнице не менее двух раз назван просто «повелителем», как величались престолонаследники или вельможи, приравненные или почти приравненные к ним по положению (TVR:XXXIV = U18D:1781–1782 два раза, наверное, еще третий раз TVR:XXXVI согласно вполне основательному восстановлению В. Хелка U18D:1782). Последнее обстоятельство позволяет, быть может, отнести ко времени Амен-хотпа IV и так называемые «гробничные конусы» Ра-мосе (CIEFC I:№ 132 = CIEFG I:№ 133 = U18D:1791); надпись ни в чем не противоречит такому приурочению: «Славишь ты Рэ по утрам — повелитель, друг (царев) единственный, предводитель, предстоящий великим, распорядитель (стольного) города, правитель Ра-мосе, правый голосом (т. е. покойный)». В надписях в гробнице, величающих Ра-мосе просто «повелителем», за этим саном неизменно следовало тоже «друг единственный».

После переименования царя из «Амен-хотпа Нуте-хок-висе» в «Эх-не-йота» уже больше ничего не слышно о Ра-мосе. Отсюда однако не следует, что он пал жертвою царской немилости. Его гробница подверглась впоследствии придирчивому просмотру с целью истребления имени Амуна и даже слова «боги», но ни изображений, ни титула самого Ра-мосе не тронули. Это тем показательнее, что в соседних гробницах Саха и П-рен-нуфе, впавших под конец в немилость у царя, имена владельцев безжалостно уничтожались (Сах — ASAE XLII:460–461 семь раз, 462, 464–466, П-рен-нуфе — JEA IX:137–38 многократно, XXIII два раза, XXV два раза; см. также 136; ср. XXIV 2 + 140 и XXVII v; у Саха истреблялось даже его изображение — JEA IX:135). Заметим также, что племянник Ра-мосе Апи, сын его брата великого домоправителя царя в Мэнфе Амен-хотпа (TVR:IX, XI–XII, XIX = U18D:1785–1786, TVR:IX = U18D:1786; TVR:IX = U18D:1784; U18D:1812; Aegy XIV:34 = 35 + 36 = U18D:1807–1808, КИДВ:№ 3 = ИНЦ:XXXV = ВДИ, 1974. № 2: 97–106 = U18D:1812), унаследовавший отцовскую должность, процветал при Амен-хотпе IV не только до его переименования в «Эх-не-йота» (HPKG:XXXVIII), но и после того. У Апи в новой столице был дом, отделявшийся при IV–VI солнечном титуле (KEA II:XIII = AeISMB II:399 = RKA:LV = TTA:158 CLXXI = MDIAeAK IX:XXa = SchNSch: против 17 = RSch:против 17), а также гробница, высеченная в скалах за городом, которую отделявали еще при V (см. § 38) солнечном титуле (MSECAE I 87–92, XXXVIII–XL, EA IV: 19–20, XXX–XXXIII, XLIII–XLIV). Таким образом, нет никаких оснований предполагать, что Ра-мосе мог плохо кончить. Тем не менее, в новой столице мы застаем уже иных лиц в должности правителей.

От одного из них мы имеем незаконченную гробницу с чернильными набросками надписей на косяках двери (RTRPhAEA XV:38 = MSECAE I: 81 = EA V:12–13, XIV). Кроме двери и входа ничего в сущности не было высечено, так как работа над внутренним помещением, скромным по сравнению с большими вельможескими гробницами, была только начата. Н. де Г. Дэвис допускает, что непритязательные размеры гробницы могли быть вынужденными ввиду «плачевного качества скалы в этой точке»¹. Но как бы то ни было, ни

¹ de-Garis Davies N. The rock tombs of El Amarna. Pt. 5. London, 1908. P. 13.

они, ни приостановка работы в самом начале не свидетельствуют о влиятельности хозяина, хотя был он «повелителем, начальником, казнохранителем...», «правителем». Звали его — (Не)шт-п-йотом. Точных указаний на время гробницы остатки надписей не сохранили, однако в ее принадлежности поре ранних солнечных колец вряд ли приходится сомневаться. Первая из трех стоячих строк по каждую сторону двери кончалась словом «вековечность», перед которым слева читалось еще слово «вечность». Так как сочетание «вечность вековечность» — в противоположность сочетанию «вековечность вечность» — свойственно титулам солнца, царя и царицы (см. § 55), первая строка должна была и по другую сторону двери заключать эти титулы²; остальные строки содержали молитвы и титулы вельможи. Но так устроены надписи на косяках: бывают только при ранних солнечных кольцах (см. третью часть настоящего исследования). Исключение — гробница Маху (EA IV:XXVII, XXVIII), но Маху подражает в соответствующих надписях соседним, более ранним гробницам (см. § 40, 108, 109, 114).

К той же поре ранних солнечных колец надо отнести и другого известного нам по имени правителя. Его звали Нашт, но дошла от него до нас не гробница, а развалины городского дома с обломками надписей, некогда его украшавших (CA 1:5–9, 143–146, III–V, VII 4, 6, VIII 1, XXXV 10). К сожалению, остатки солнечных колец, о существовании которых можно заключить из описания, не были изданы. Однако употребление слова «бог» применительно к фараону («бог, творящий людей», CA I:VII 6 = TTA:174 CСIII) не позволяет приурочить отделку дома ко времени более позднему, чем самое начало поры поздних солнечных колец (см. § 114). Если бы слово «шов» на одном из обломков было из солнечного имени, принадлежность дома поре ранних солнечных колец была бы сама собой очевидной, но только вряд ли это «шов» из солнечного кольца (CA III:XXXV 10). С другой стороны, дом отделявали и не раньше как при III солнечном титуле, поскольку царица уже «[Нефр]-нефре-[йот] Нефр-э[т]» (CA III:XXXV 10).

Дом Нашта выделяется своей величиной и великолепием, и кажется странным, что такому богатому городскому жилищу не соответствует столь же роскошное вечное место обитания на кладбище: гробницы на имя Нашта там не обнаружили. Однако вполне возможно, что Нашту принадлежала какая-нибудь из незаконченных безымянных гробниц. На южном кладбище, где большинство гробниц отделано при ранних солнечных кольцах, имеется одна, почти готовая, но лишенная каких-либо изображений и надписей. По своему утонченному великолепию она превосходит все прочие гробницы на южном кладбище, а по величине приближается к гробнице Туту, уступая одной лишь гробнице Аяа. Такая усыпальница была бы достойна верховного сановника.

Но что, если Нешт-п-йот и Нашт одно и то же лицо? Оба правители, слово «нешт/нашт» имеется в имени каждого. Тогда скромная гробница на имя Нешт-п-йот была бы местом вечного упокоения Нашта, обладателя роскошного дома в городе живых. Несоответствие между тем и другим сооружением, конечно, разительно, да и имена у правителей все-таки разные. Мысль о возможном тождестве обоих приходила на ум уже первоиздателям жилища Нашта, но была тогда безоговорочно отклонена. Все же есть обстоятельства, заставляющие отнести к такой возможности более внимательно. Дело в том, что оба правителя, в сущности, одновременны. Оба, как мы видели, приходятся на последние годы ранних солнечных колец. Надписи на косяках гробничной двери были не совсем обычны, судя по тому, что уцелело на левом из них. Вместо того, чтобы каждой стоячей строке составлять самостоятельную надпись, третья строка представляла прямое продолжение второй, причем в этой последней заключены были как молитвы, так и начало вельможеского титула, продолжавшегося и завершавшегося в третьей строке справа — «(1) — — — ежедневно пока не достигнет (3) — — — (Не)шт-п-йот», слева — «(2) — — — он (или: его) повседневно повелителем, начальником, казнохранителем (3) — — — правителем (Не)шт-п-йотом». И вот сходное необычное строение оказывается и у трехстрочной надписи на косяке городского дома: «(1) — — — в пожалованиях, владыка обеих земель, зиждущий лица все

² Ibid. P. 12.

(т. е. всех людей). (Да) даст он (2) — — — жалуем[ому] владыкой своим, творящ[ему] сказанное, обученн[ому] владыкою обеих земель касательно (?) (3) — — — письмо на камне, распорядител[ю] (стольного) города Нашт[у], прав[ому] голосом» (СА I:VII 4 + 145 = ТТА:173 ССИ). Но могут ли эти обстоятельства перевесить несоответствие между скромной гробницей и притязательным жилищем и особенно различие имен? Первое, быть может, не является решающим, но различие имен составляет такое препятствие, какое преодолеть трудно. Добро бы краткое «Нашт» стояло в чернильных набросках будущих надписей, но оно и притом оно одно стоит в завершенных надписях на дверях и стенах дома. По имеющемуся описанию дома царь был изображен там почитающим солнечные кольца (СА 1:7), а вот в имени хозяина наименование солнца зачем-то повсеместно вдруг было бы выкинуто! Подобное сокращение представляется невероятным. Оно тем более невероятно, что имя «Нешт-п-йот» в полном, несокращенном виде употребительно в ту пору: помимо хозяина гробницы его носит владелец «ответчика» (АеР:210 9) и некое должностное лицо в производственной скорописной пометке (СА III:LXXXVIII 84). Родственное имя «П-йот-нашт» («Йот крепок») выписано тоже полностью в скорописном счете на черепке (СА III:LXXXIV 5; ср. также «[П(?)]-йот-нашт» в скорописной пометке СА I:LXIV 40).

Одновременное или почти одновременное появление в Ах-йот двух правителей Нашта и Нешт-п-йота объясняется, возможно, очень просто. Не приходится сомневаться в том, что великолепный «распорядитель города (и) правитель Нашт» был главным или верховым правителем. Необыкновенный дом в подведомственной столице и звание «распорядитель работ в [Ах]-йот» (СА 1:145, восстановление Б. Ганна — на стр. 146) подходят к тому как нельзя лучше. Скромный Нешт-п-йот мог бы быть низовым правителем. На изображении в гробнице П-рен-нуфе в Ах-йот времени VI солнечного титла представлены два правителя, но в то время, как один из них стоит впереди всей толпы сановников и обращается с речью к фараону, другой совсем теряется в ней, занимает в ней предпоследнее место, будучи отделен от первого тремя вельможами. Можно полагать, что второй, скромный, правитель — верховный сановник Низовья. Другой раз, в гробнице домоправителя Ми-рэ в Ах-йот, оба правителя изображены рядом (ЕА II:XXXIII = XXXV, пора поздних солнечных колец). Что низовые сановники обзаводились жилищами и местами погребения в Ах-йот, тому доказательство дом (АеISMB II:399 = KEA II:XII = ARK:LV = ТТА:158 CLXXI = MDIAeAK IX:XXa = SchNSch: против 17 = RSch:против 17) и гробница (MSECAE I:87–92, XXXVIII–XL = ЕА IV:19–20 + XXX–XXXIII + XXXIX + XLIII–XLIV) «распорядителя дома (т. е. царского хозяйства) Мэнфе» Апи и дом «великого (среди) видящих Йота в доме Рэ (очевидно, в Оне)» П-воха (MDOGB XLVI:18 = АеISMB II:126 = ТТА:172 CXCVIII = MDIAeAK IX:XXI).

Второй правитель появляется только у П-рен-нуфе и Ми-рэ домоправителя, в других гробницах мы находим всегда одного правителя, легко узнаваемого по своему своеобразному наряду. Несомненно, это столичный правитель. В гробнице Маху это следует из самого содержания изображений и надписей. На правителе как градоначальнике столицы лежит верховный надзор за ее безопасностью, и вот он стоит во главе «сановников больших фараона — жив, цел, здоров! — (и) предводителей войска, которые стоят пред величеством его», а «начальник мэджа (т. е. стражи) Ах-йот Маху» представляет трех окованных мужчин для допроса (ЕА IV:XXVI–отчасти XLI). В другой раз «правитель (и) распорядитель города [Ах-йот (имя-рек)]» прибыл в само расположение стражи на подступах к Ах-йот и, стоя у костра, принимает доклад ее начальника (ЕА IV:XXIV). Царская чета прямо из храма едет осмотреть столичные заставы, и верховный сановник устремляется туда же бегом впереди царской колесницы (ЕА IV:XX). А когда царь с царящей и дочерью отбывают прочь, правитель почтительно провожает их вместе с Маху и его подчиненными (ЕА IV:XXI–XXII = отчасти XII).

Чаще всего мы застаем правителя, а то и двух правителей, в толпе вельмож, присутствующих при награждении царем их собрата. И такие изображения имеются одинаково как в более ранних, так и в более поздних гробницах Ах-йот: при VI солнечном титле (см. § 39) у П-рен-нуфе (ЕА VI:IV = X, два правителя), у Туту (ЕА VI:XVIII, XX),

у Ая (EA VI:XXIX = XLIII); при VII солнечном титуле (см. § 40) у Ми-рэ жреца (EA I:VI = VIII, XXV = XXX), у Ми-рэ домоправителя (EA II:XXXIII = XXXV, два правителя). Когда царскую семью постигает большое горе — кончается вторая царица, правитель уж тут как тут и принимает живейшее участие в оплакивании почившей (MSECAE I:VII = IX; вероятно, также MSECAE I:VI = ИДЕ:141 = ИДЕг:367). И это изображено внутри самой царской гробницы.

Глядя на все эти изображения, видя, как часто на них появляется правитель — на заставах столицы и в ее правительственной средоточии, на царских выходах и в личных покоях царской семьи, было бы естественно заключить, что правитель и в Ах-йот оставался самым влиятельным сановником фараона. Однако такое заключение было бы ошибочным.

ЗАГАДОЧНЫЙ САНОВНИК

Да, высшие сановники страны, верховный и низовой правители, особенно первый из них, изображаются на стенах гробниц в Ах-йот. Совершенно верно. Но только всегда ли при этом оказывалось должное внимание к высокому сану правителя?

Настораживает уже появление в царском сопровождении двух шутовских правителей. На царских выходах сестру царицы Нефр-эт, юную Бенре-мут, обыкновенно сопровождают два колченогих карлика, наряженных в облачение, присвоенное одним правителям: рубашку на лямках, спускающуюся от середины груди до середины голени (EA II:V два раза, VIII, ср. VII, EA V:III, EA VI:XVII (?), XXVI, XXVIII). Карлики именуются: «Правитель жены царицы Энх („Вековечность”)» и «Правитель матери его (т. е. царя) Рэ („Солнце”)» (EA II:V два раза, EA VI:XXVI, XXVIII).

Но и сами настоящие правители бывают показаны так, что трудно не подметить: главный сановник фараона не правитель, а какое-то другое лицо.

Когда царь награждает П-рен-нуфе, впереди присутствующих вельмож стоит один из правителей, и он же обращается с речью к фараону (другой правитель затерян в сановной толпе, EA VI:IV = X). Равным образом, оба раза, когда царь осыпает своими милостями Туту, правитель опять-таки оказывается впереди вельмож (EA VI:XVIII, XX). Но этим не исчерпывается число изображений, на которых правитель предстает перед царем впереди остальных сановников.

Когда фараон награждает Ая, правитель возглавляет их толпу, но впереди него самого стоит еще какой-то сановник (EA VI:XXIX = XLIII). Когда награды получает домоправитель Ми-рэ, во главе придворных чинов стоят оба правителя, но впереди них стоит то же загадочное лицо (EA II:XXXIII = XXXV). При возведении царем другого Ми-рэ в сан верховного жреца солнца, за ним, коленопреклоненным, толпятся придворные во главе с правителем, но впереди правителя все тот же неведомый вельможа, и именно он обращается с приветствием к фараону (EA I:VI = VIII). Когда же царь одаривает Ми-рэ золотом, внизу изображен правитель небольшого размера впереди писцов, ведущих запись, в самом верхе представлены придворные чины и воины-опахалоносцы, а посередине показан крупно другой правитель, но впереди него стоит еще один вельможа (EA I:XXV = XXX). На первый взгляд может показаться, что у начальника стражи Маху загадочный сановник, наконец, уступает первенство правителю. Царь с женою и дочкою едет на столичную заставу, а перед его колесницею бежит правитель, и на этот раз за ним, а не впереди поспешает некий вельможа (EA IV:XX). Однако первенство правителя здесь только кажущееся: тот вельможа бежит непосредственно перед царской колесницей, а правитель — на большем от нее расстоянии за меньшим, чем он, лицом — начальником стражи Маху. Что незнакомец важнее, подтверждает со всей желательной наглядностью другое изображение у Маху: с отбывающим царем говорит тот сановник, а правитель — куда меньшего размера — стоит позади; за правителем стоит тот же Маху (EA IV:XXI + XXII). И все это в гробнице начальника столичной стражи — лица, подчиненного по службе правителю!

Таинственный сановник во всех случаях с бритой головой, в длинной складчатой одежде с рукавами, перехваченной посередине пышным передником (EA I:XXV = XXX уцелели только голова и плечи). У Ая (EA VI:XXIX = XLIII) и жреца Ми-рэ (EA I:XXV =

= XXX) голову этой особы обвивает еще повязка.

Возможно, что великий сановник был изображен в самой царской гробнице. В числе оплакивающих во дворце только что почившую вторую дочь фараона стоит очень скромно, совсем в стороне правитель, а впереди него — трое мужчин с бритыми головами и в длинных одеждах с рукавами, перехваченных передниками. У первого мужа на голове повязка. По воспроизведению от руки она имеется и у третьего мужчины (MSECAE I:VII), однако на снимке (MSECAE I:IX) ее нельзя распознать. Естественно предположить, что первый муж, стоящий к тому же несколько особо от двух других, все тот же великий безымянный сановник. Те двое могли бы быть верховными жрецами главного храма солнца: «великим (среди) видящих Йота в доме Йота в Ах-йот» и «рабом первым Йота в доме Йота в Ах-йот» (см. § 211). Но всего скорее они были вместе со своим старшим товарищем «теми, кто в хант», поскольку эти сановники тоже ходили с бритой головой и одежда на них бывала такая же и могло быть их несколько.

Кто же этот вельможа из вельмож, первенствующий сановник фараона, затмевающий самого правителя? Конечно, это не Айа, нареченный свойственник фараона. «Отец божий» нигде и никогда не появляется с непокрытой бритой головой, да и при награждении его царем толпу вельмож возглавляет не кто иной, как сам загадочный незнакомец (EA VI:XXIX = XLIII). С бритой головой ходят жрецы солнца; на одном изображении у его верховного жреца Ми-рэ даже повязка вокруг головы (EA I:XXV = XXX). Но великий сановник явно не верховный жрец Йота, потому что присутствует при возведении Ми-рэ в верховные жрецы (EA I:VI = VIII) и при награждении того за попечение о храме (EA I:XXV = XXX). Второстепенные жрецы солнца вроде Пи-нхаса (EA II) или Пенчев (EA IV) явно не стояли бы впереди всех сановников, в том числе правителей.

Но есть еще вельможи, не покрывавшие бритых голов накладными волосами. Таковы царский стольник П-рен-нуфе и «тот, кто в хант» Туту. Первый ходил с голой головой (EA VI:III = VIII, IV = X, ср. II, V, VI) в видах опрятности, так как прислуживал царю за едою (ср. EA VI:VI), второй был царским жрецом (см. § 213). Но у обоих, помимо бритых голов, есть еще одна общая черта. Только в их двух гробницах из числа всех тех, где во главе сановников стоит правитель, впереди него не видно никого еще более первенственного (EA VI:IV = X, XVIII, XX). Хотя голова у П-рен-нуфе в одном случае даже обвита повязкою (изображение, впрочем, повреждено, EA VI:V), тем первенственным сановником он быть не может: для этого размеры его гробницы слишком скромны (EA VI). Ну, а как Туту? Может быть, он тот сановник? Ведь у него не один раз, как у П-рен-нуфе, а целых два (EA VI:XVIII, XX) впереди правителя нет никого более важного? Не потому ли и нет никого, что тот великий сановник и есть сам Туту, при награждении которого присутствуют прочие вельможи во главе с правителем?

Туту по большей части в том самом наряде, который носит и великий сановник: в длинной складчатой одежде с широкими короткими рукавами, перехваченной посередине пышным передником (EA VI:XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX); в таком же переднике, но без рубашки, обнаженный по пояс (EA VI:XII два раза, XIV, MSECAE I:LVI, LIX), но все эти воспроизведения, особенно два последние, желательно было бы проверить; верхняя часть туловища обнажена, но передник как будто не был пышным (EA VI:XV); как и EA VI:XII, XIV, последнее изображение небольшого размера. Подобно таинственному вельможе Туту всегда с бритой головой (EA VI:XII два раза, XIV, XV два раза, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX). Единственные исключения, если положиться на издание, не всегда слишком точное (MSECAE I:LV и LIX), где в первом случае у Туту накладные волосы, а во втором голова не то коротко стрижена, не то обтянута плотно облегающим ее чепцом (в обоих случаях на темени укреплен так называемый жировой конус).

Стоит, быть может, упомянуть и то, что гробница Маху, где великий сановник особенно бурно развивает служебную прыть (EA IV:XX, XXI + XXII), соседит с гробницей Туту (EA IV:XIII).

Все, что можно возразить против тождества загадочного вельможи с Туту, сводится

к отсутствию на его изображениях головной повязки, которую мы трижды видим у того сановника: в гробнице Ая (EA VI:XXIX = XLIII), в гробнице жреца Ми-рэ (EA I:XXV = XXX) и в царской гробнице (MSECAE I:VII = IX). Но в остальных случаях — а их все-таки большинство — голову великого сановника никакая повязка не обвивает: в гробнице того же Ми-рэ жреца (EA I:VI = VIII), в гробнице домоправителя Ми-рэ (EA II:XXXIII = XXXV) и дважды в гробнице Маху (EA IV:XX, XXI + XXII). В этих случаях ничто не отличает великого вельможу от Туту.

Однако одних внешних признаков никоим образом не достаточно для отождествления загадочного сановника с Туту. У Туту, бесспорно, была большая богатая гробница, одна из самых видных на кладбище в Ах-йот, но было ли его положение в государстве настолько высоким, что он оказывался стоящим выше самого правителя? Кто был Туту?

ВРЕМЕНЩИК ТУТУ

Из клинописных писем, которыми обменивались египетский двор и подвластные ему царьки Сирии — Палестины, давно и хорошо известно имя некоего сановника, на клинописный лад «Дуду», оказывавшего заметное влияние на взаимоотношения Египта и его сиро-палестинских подданных. Обыкновенно это влияние расценивается как зловещее и роковое для египетского господства на севере, поскольку перед «Дуду» заискивали как раз те круги, чье двуличное поведение вело к отложению севера от Египта и переходу под власть Хатти.

Г. Штейндорфф³ в 1890 г., Н. де Гарис Дэвис в 1908 г.⁴ и затем в 1920 г. Х. Ранке⁵ показали тождество этого Дуду с известным вельможею Амен-хотпа IV Туту, которого богатая гробница еще в прошлом веке была обнаружена в скалах за солнцепоклоннической столицей. Основанием для отождествления послужила незаконченная надпись во внутреннем помещении гробницы (EA VI:XIX). В ней, действительно, ясно и определенно говорится о деятельности Туту по части иностранных дел, тогда как в гробницах других вельмож о подобной деятельности ничего не сказано. Вот эта надпись:

«Тот, кто в хант (об этом важнейшем звании Туту см. ниже — Ю. П.), Туту, рассказывает: „О, [руководители (?)] ока всякого (т. е. всех людей), писцы, [знающие] службу свою, (жрецы-)чистители большие дома Йота, (жрецы-)ра[б]ы Йота, сановники — — — царя (?), которых сердца искушены в жизни, хотящий всякий достичь старости, соединения (с) землею, погребения добрым (образом), (когда) бывают сыты жизнью! Послушайте себе (на пользу)! Войдите во двор мой (т. е. в мою гробницу), поглядите (на) большое, сотворенное мне! Я — раб Ва-н-рэ, властителя, живущего правдою. Сопровождал я его, когда утренивал он (т. е. поднимался рано), чтобы пожал[овать ме]ня, потому что творил я вышедшее из уст его. Не скрывал я (чего-либо) про случай неисправности в поручении всяком величеств[а] его. Был (я) устами верховными (т. е. верховным распорядителем) земли до края ее в войске, работах, ремеслах, оке всяком живом равно, как и мертвом (?), т. е. во всех решительно людях), — — — уполномоченные нагорий (т. е. чужеземных стран) всяких, я — докладывавший слова их во дворец, (когда) был я в — — — повседневно. [Вых]одил я к ним как уполномоченный царя с распоряжением всяким величества [его]. [Руководил я (?)] работами над [па]мятниками его, (когда) был я первым в должности того, кто в хант, будучи чист для Ва-н-рэ — — — “».

Заведывание сношениями с иноземцами отмечено в надписи настолько ясно, что сомневаться в тождестве Дуду и Туту, разумеется, не приходится. О тождестве свидетельствует и необыкновенно высокое положение того и другого. Ведь неспроста сирийский владетель уничижался перед египетским вельможею, величая его «отцом»: он уповал на него, на его всемогущее заступничество. И действительно, значение Туту согласно

³ Steindorff G. Die keilschriftliche Wiedergabe ägyptischer Eigennamen // Beiträge zur Assyriologie: Bd I. 1890. S. 331. Anm. *

⁴ de Garis Davies. Op. cit. Pt. 6. London, 1908. P. 14.

⁵ Ranke H. Keilschriftliches // ZAeSA. 1920. Bd 56. S. 69–71.

египетской надписи, далеко не сводилось к посредничеству в иностранных делах: он был «уста́ми верховными земли до края ее (т. е. всего Египта) в войске, работах, ремеслах, оке всяком живом, равно как и мертвом (т. е. решительно во всех людях)». Ничего подобного не сообщает о себе никто другой из сановников Амен-хотпа IV, никто из них не величает себя «уста́ми верховными» страны. Подобные «уста́» могли, конечно, ходатайствовать пред царем даже за владетеля, чья верность Египту вызывала сомнения.

Обозначение «уста́ верховные земли до края ее» не представляло обобщения отдельных званий Туту. Среди его должностей только три имеют отношение к управлению страной в целом: «распорядитель приказаний всех владыки обеих земель» (EA VI:XV), «распорядитель работ всех величества его» (EA VI:XV), «распорядитель серебра (и) золота владыки обеих земель» (EA VI:XV). Должность «распорядителя дома белого — — — солнца в доме солнца в [Ах-]йот» (EA VI:XII + 15) имела, очевидно, отношение лишь к хозяйству главного храма столицы — к его хранилищу всякого рода ценностей. Но и из трех общеегипетских должностей последняя вряд ли имела прямое касательство к обозначению Туту «уста́ми верховными земли до края ее», так как означала только заведование серебром и золотом. Такое касательство могли иметь две другие общеегипетские должности: «распорядитель приказаний всех владыки обеих земель» и «распорядитель работ всех величества его», но, видимо, Туту не придавал им большого значения, потому что каждая засвидетельствована в его гробнице всего лишь по разу, несмотря на то, что титулы его в ней представлены в изобилии. Да и сама должность распорядителя работ не превращала еще ее носителя в «уста́ верховные» всей страны, не исключая войска. Майа величался «распорядителем работ всех царя», может быть, даже «распорядителем [работ] в (?) земле до края ее» (EA V:II, ср. 5), однако его начальство над войском выражало другое его звание: «распорядитель войска владыки обеих земель» (EA V:II один или два раза, IV три раза). Равным образом в надписи подле Хине, повествующей о сооружении «солнечного столпа большого» новому богу, сказано о распоряжении «согнать работы все, начиная от Йэба (на крайнем юге страны) вплоть до Перамуна (на крайнем севере), (и) предводителей войска», т. е. отдельно рабочих и отдельно воинов (DAeAe III:CXi = ASAE III:263 = TTA:144 CXXXVII = U18D:1962). Вряд ли также должность распорядителя работ сообщала власть над ремеслами. Что ее обозначало другое полуразрушенное звание Туту, тоже невозможно утверждать, так как восстановить поврежденное слово, следующее за званием «распорядитель», в смысле «ремесла», «ремесленники» «распорядитель [ремесел]» или «распорядитель (ремесленников)», с уверенностью нельзя (EA VI:XII).

Нет, в звании «уста́ верховные земли до края ее» не были обобщены или подытожены отдельные должности Туту. Это звание выражало какое-то совсем особое его положение в государстве. Вот Майа был и «распорядителем работ всех царя» и «распорядителем войска владыки обеих земель», но стоит сравнить его жизнеописание с приведенным рассказом Туту о себе, чтобы почувствовать, как далеко было Майа до Туту: Майа — благоденствующий сановник, Туту — повелитель Египта (жизнеописание Майа переведено в другой работе; к сожалению, конец жизнеописания, замазанного после падения Майа, не был расчищен).

Понять, насколько исключительным было положение Туту в государстве, помогает речь царя, к несчастью сильно поврежденная, при награждении Туту доходами с различных чинов царства: с сановников, военачальников, жречества.

«Сказанное царем, живущим [пра]вдою, владыкою обеих земель [Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ санов]ник[ам] (и) предводителям войска, которые стоят пред фараоном — жив, цел, здоров! — : „Сердце мое (желает) сотворить случай выделяющийся пожалования... — — — людей. Не слышал он [по]жалования (?) его, сотворенного другому сановнику его. Сотвор[ено(?)] тому, кто в хант, Туту, из любви (к) нему фараона — жив, цел, здоров! —, его владыки. Вот я даю, (чтобы) — — — начальники луков (т. е. полков), распорядители коней, писцы царевы, распорядители войска, распорядители (воинских) частей всех нагорий (т. е. иноземных стран всех), [прово]жатые домов фараона — жив, цел, здоров! — , раб йотов всякий Йота (т. е. все жрецы Йота) в — — — всяк — — — Верховье (и) Низовье. Приказал

фар[аон] — жив, ц[ел], здоров! —, его владыка добрый, (чтобы) давали сановники все большие (?) земли до края [ее] даваемое ему: [се]ребро, золото, — — — одежды, сосуды из меди. Будут они на в[а]с, как определенное (?) — — — замысел, который [фара]он — жив, ц[ел], здо[ров]! — сотворил для раба большого фараонова — жив, цел, здоров! Не знал сановник сотворенн(ого?) им его товарищу. Нашли его супротив (?) его в — — — Услышат это (?), говоря (? — читай: на (говорении)?): ”Глядите, фараон — цел, жив, здоров! — его владыка [до]брый, дал (указание) своим сановникам большим, равно как и сановнику всякому, созданному фараоном — жив, цел, здоров! — в земле до края ее, давать ему (т. е. Туту) серебро, золото, одежды, сосуды из меди, скот (?) каждый год”²⁻⁷) (EA VI:XVII + 11 + MSECAE I:LX = отчасти 120).

Среди немлющих царской речи изображены правитель (верховный сановник), высокие придворные чины — носители веера, бритоголовые жрецы. Тут же на царский двор ведут быков, несут сосуды и другое добро. Затем, уже вне дворцового двора, Туту обращается с речью к толпе должностных лиц, в то время как к нему, теперь в направлении от дворца, ведут быков, несут сосуды, ларец и другие вещи. К сожалению, и эта речь тоже повреждена.

«Тот, кто в хант, Туту, сказывает он — — — всем, — — — дома всякого (?) — — — фараон[а] — жив, цел, здоров! —, начальникам луков (т. е. полков), распорядителям коней, распорядителям — — —, рабу всякому (в подлиннике ошибочно „твоему”) йотову Йота (т. е. всем жрецам Йота) — — — в земле до края ее — — — дома Йота, людям — — — фар[аон] — жив, цел, здоров! — мой [владыка] — — — большое, пожалование [Нефр-шепр]-рэ В[а-н-рэ] своему рабу большому (?) (в подлиннике „[е]го”), который слушал [е]го поучение доброе жизни. (Что) до вещей, данных им (?) [мне] (?) как подать на — — —, чтобы выделить меня пожалованиями супротив жалуемого его всякого» (EA VI:XVIII + MSECAE I:LXI).

Может быть, Амен-хотп IV передал Туту часть своих поступлений с гражданских, военных и храмовых должностных лиц. На это могло бы указывать трудно объяснимое иначе появление быков, утвари и т. п. на царском дворе, а также учет четырьмя писцами в присутствии царя, видимо, этих самых ценностей: такие писцы ведут как раз запись наградам, отпущенным вельможам царем из своего имущества (EA I:VI = VIII, XXV = XXX, EA II:XXXIII = XXXV, XXXVII = XXXVIII, EA III:XVI, EA IV:VI, VIII = IX, EA VI:IV = X, XVIII, XX, XXIX = = XCIII).

Положение Туту в государстве было необыкновенным. Наименование «уста верховные земли до края ее» выражало то вполне определенно, однако оно не было должностным званием. Туту обозначен так в ходе повествования о себе, наименование находится в составе не титула, а поветствовательного предложения, и употреблено не самостоятельно, а в связи с последующими словами: «Был (я) устами верховными земли до края ее в войске, работах, мастерах, оке всяком (т. е. всяком человеке), живом, равно как и [мер]твом». Титул в гробнице множество, но ни в одном из них Туту не назван «устами верховными земли до края ее». Да и употреблено это обозначение в его гробнице всего один раз.

Наименование «уста верховные земли до края ее» не было должностным званием Туту. Его же управленческие звания ни в коей мере не были такими всеобъемлющими и, видимо, не слишком ценились их носители. Ведь не более как по разу употреблены в гробнице эти звания: «распорядитель приказаний всяческих владыки обеих земель», «распорядитель работ всех величества его», «распорядитель серебра (и) золота владыки обеих земель», «распорядитель дома белого (т. е. казнохранилища) Йота в доме Йота в [Ах]-йот» (EA VI:XV, XII + 15). Но тогда какое же должностное звание отражало необыкновенное положение Туту, какая должность сообщала ему подобное положение? Очевидно, та самая, которую он особенно гордился, которую он неустанно называет в своей гробнице.

В четырех титулах и дважды вне титула Туту объявляется верховным жрецом царствующего фараона: «раб (бок) первый Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в [ла]д[ье] (?) в доме Йота в Ах-йот» (EA VI:XX), «раб [пе]рвый Нефр-шеп[р]-рэ [Ва-н-рэ] в ладье в доме Йота в Ах-йот» (EA VI:XX), «раб первый [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ] в ладье в до[м]е [Й]ота в Ах-йот» (EA VI:XIX), «ра[б] первый Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье» (EA VI:XIV), «раб первый Нефр-

шепр-рэ Ва-н-рэ в [ладье в (?)] дом[е] Йота в Ах-йот» (ЕА VI:XV), «раб первый [царя (и) государя, владыки обеих земель (?)] Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» (ЕА VI:XVII). Туту придавал большое значение этому своему сану. Получение его от фараона он изобразил в гробнице рядом с представлением ему царем доходов с государственных и храмовых чинов, притом не менее, если только не более обстоятельно (ЕА VI: XIX–XX). К Туту, которого увешивают наградными золотыми ожерельями, царь обращается из дворцового окна с установленной речью: «[Сказанное царем (и) государем], живущим правдою, владыкою обеих земель [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ] тому, кто в хант, Туту: „Вот, я даю тебя мне в раба первого [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ] [в ладье в до]м[е] Йота в Ах-йот. Твор(ю я) это те(б)е из любви (к) теб(е), сказывая: ”Ты — мой послушатель зова (т. е. слуга) большой, который слушает поучение, что (относится) к (этому). Поручение всякое, которое ты творишь, сердце мое удовлетворяется им”. Даю я те(б)е должность сказывая: „(Да) ешь ты пищу фараона — жив, цел, здоров! — твоего владыки, в доме Йота”» (ЕА VI:XIX). Обращение совершенно такого же рода⁶ вложено в уста царю на изображении назначения Ми-рэ верховным жрецом солнца (ЕА IV = VIII, 22(2)). При выходе из дворца Туту принимает приветствия подчиненных, к которым в свою очередь обращается с речью: «Прославление — — — царя (и) государя Нефр-шепр-рэ В[а-н]-рэ тем, кто в хант, Туту, назначенным рабом первым Нефр-шепр-рэ В[а]-н-рэ в [ла]д[ье] в доме Йота в Ах-йот. Сказано тем, кто в хант, Туту, своим твердым (людям, т. е. доверенным) большим: „Взгляните (на) добро, (на) то, что сотворил мне фараон — жив, цел, здоров! — мой владыка. — — — [я(?)] сказыва[л(?)] правду, не доставлялась (т. е. не доносилась?) урезка (т. е. неисправности?) в поручении всяком моего владыки касательно (?) того, с чем был послан я. (Я) творил согласно вышедшему из уст его”» (ЕА VI:XX).

Таким образом Туту подвизался на царской службе еще до назначения верховным жрецом царя. Это назначение было наградой за нее. Туту ценил свою верховножрецескую должность выше своих управленческих должностей. Если те упомянуты в его гробнице не более как по одному разу каждая, то «рабом первым» царя Туту назван четыре раза в составе титула и два раза вне его. Тем не менее не эта должность была главной у Туту. В гробнице насчитывается тридцать титулов Туту, и в двадцати семи из них Туту величался «тем, кто в хант» (ЕА VI:XII два раза и, несомненно, еще раз в разрушенном виде, XIII четыре раза, XIV четыре раза, XV пять раз, XVI один раз, XVII два раза, XVIII один раз, XIX три раза, XX три раза, XXI один раз). В девятнадцати случаях одно это звание только и предпослано имени (ЕА VI:XIII четыре раза, XIV два раза, XV четыре раза, XVI один раз, XVII один раз, XVIII один раз, XIX три раза, XX два раза, XXI один раз). В четырех случаях званию «(тот), кто в хант» и имени предшествует еще звание «раба первого» фараона (ЕА VI:XIV XVII, XX), в одном случае — почетное обозначение «жалуемый бога доброго» (ЕА VI:XIV); в двух случаях и, несомненно, еще в одном звании «(тот), кто в хант» само предшествует одному из управленческих званий (ЕА VI:XII). И только три титула обходятся одним управленческим званием и именем без упоминания должности «(того), кто в хант», однако и тут последующие три соседних титула содержат все перед именем одно только звание «(тот), кто в хант» (ЕА VI:XV).

Таким образом, звание «(тот), кто в хант» было главным должностным обозначением Туту. Но что означало это звание?

Оно засвидетельствовано начиная со времени Старого царства вплоть до поздних времен, но нельзя сказать, чтобы смысл его был ясен. Здесь не место исследовать судьбы этого звания на протяжении долгих веков до и после Амен-хотпа IV, но на употреблении его при царе-солнцепоклоннике необходимо остановиться.

Туту не был единственным носителем загадочного звания при солнцепоклонническом дворе. На обломке из солнечного храма в Нэ, найденном в Апе, уцелели четыре стоячие строки с титулами трех таких должностных лиц, составлявшие несомненно, приписки к их изображениям: «[Тот, кто] в хант, [Нефр]-шеп[р-энэх (?)]», «Тот, кто в хант, Амен— —», «Слуга божий первый (т. е. верховный жрец) [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-

⁶ de Garis Davies. Op. cit. Pt. 6. P. 12. № 3.

рэ] — — — (?), тот, кто в хант, Амен — — —» (ASAE XXXV:45). О двух последних сановниках в дальнейшем ничего более не слышно, но первый может быть тождественным с «тем, кто в хант, Нефр-шепр-энэх», упомянутым в качестве управляющего «[мясозаготовительным заведе]нием Йота» на сосуде с заготовками из Ах-йот (CA III:XC1 188).

Возможно, что второй или третий сановник — одно лицо с деятелем конца предшествующего царствования «(тем), кто в хант, Па-амуном», названным на сосуде с мясными заготовками от 37 года царствования Амен-хотпа III (JNES X:XII 164). «Тем, кто в хант» был также Пенчев, «писец царев, кто в головах (у) царя, раб (т. е. жрец) первый Йота во дворе Йота в Ах-Йот, великий (среди) врачей», чья скромная гробница дошла до нас в скалах позади солнцепоклоннической столицы (звание «тот, кто в хант» — EA XV:II два раза, IV). Но имя «Пенчев» не могло быть сокращением какого-либо имени в честь Амуна.

Трудно себе тоже представить, чтобы имя «Туту» могло быть сокращением имени, заключающего в себе слово «Амун». Вдобавок и некоторые скорописные написания имени «того, кто в хант, Туту» отнюдь не благоприятствуют признанию в этом имени сокращения. Правда, в одних случаях имя сановника передано в скорописи так же, как в надписях, одними буквами: *t-w-t-w* (CA II:LVI 51, CA III:XC1 189, ср. CA III:XCV 262, а также имя некоего [Т]уту, возможно, того же сановника, CA I:LXIV 39). Зато в других случаях за буквами следует определитель силы — мужчина с палкою, так что имя сановника, видимо, осмыслялось как производное от какого-то, ближе нам не известного глагола (CA III:XC1 185, 186 с пропавшей третьей и четвертой буквами, 187, где буквы разрушены, но от знака быющего мужчины остались следы). Таким образом, в Туту никак нельзя видеть одного из двух сановников с именами в честь Амуна, упомянутых на обломке из Апе. Впрочем, вторым из них Туту не мог быть и потому, что тот был не только «(тем,) кто в хант», но и верховным жрецом фараона, тогда как Туту получил подобную должность уже «в доме Йота в Ах-йот» (см. выше).

Но если должностных лиц со званием «(тот), кто в хант» и в начале царствования и позже могло быть несколько и некоторые из этих лиц явно не занимали такого положения, как Туту, не следует ли отсюда, что своим положением он был обязан не этому званию? Однако такой вывод не может быть правильным. Не только Туту пользуется этим званием как главным и часто единственным своим должностным обозначением, но и сам царь во вложенной ему в уста речи к сановникам величает обогащаемого за их счет Туту только «(тем,) кто в хант» (EA VI:XVII, см. выше). Видимо, именно это звание предоставляло возможность головокружительного возвышения. Спрашивается только, каким образом?

Судя по изданным по сию пору скорописным пометкам на посуде с заготовленным впрок мясом и жиром, заведениями ахе («небосклонами»), занимавшимися такими заготовками, ведали три или четыре вида сановников: «великий (среди) видящих Йота» (TEA:XXIII 47, CA III:XCII 210, XCIII 231, XCIV 249); разноименные «писцы царевы» — Ах-мосе (TEA:XXIII 44), Анийя (TEA:XXIII 56), Б (?) — — — (CA III:XCIV 251), — — — (CA III:XCIV 252); «отец бога», т. е. Айа, молочный «отец» фараона (в качестве мужа кормилицы царицы Нефр-эт; CA III: XCII 196, 197); «(те,) кто в хант», — Туту (TEA:XXIII 48, CA III:XC1 185, 186, 187, где от имени уцелел один знак быющего мужчины, да и то в более чем поврежденном виде; должно быть, также CA III:XCV 262 и — с пропавшим названием заведения — CA III:XC1 189), Нефр-шепр-энэх (если восстановить «[ах]е Йота» — от «ахе» уцелел знак дома, CA III:XC1 188). Возможно, что «отца бога» не следует выделять особо, а надобно причислить к «писцам царевым», так как Айа много охотнее, чем свои воинские звания, прилагал к себе обозначения «писец царев исправный, возлюбленный его» (EA VI:XXIV шесть раз, XXV пять раз, XXXI три раза, XXXII шесть раз, XXXIII два раза, DAeAe III:CVd = DAeAeT II:143, AeISMB II:268 = TTA:176 CCVI два раза, ср. JEA XVIII:52).

Что все это не случайность и управление мясозаготовительными заведениями действительно сосредоточивалось в руках вышеназванных сановников, подтверждают другие производственные пометки, не сохранившие названия заведения, но явно относящиеся к мясным заготовкам. Чаще всего тут бывает назван «великий (среди) видящих» или — полнее — «великий (среди) видящих Йота» (TEA:XXV 99, CA II:LVI 33,

СА III:XCII 193, 195, 209), но упоминаются также «писец царев П – – –» (СА III:XCIII 190a) и «отец бога» (СА III:XCIV 253).

При этом поручение управления «небосклонами» (ахе) царским писцам и «тем, кто в хант», было не нововведением солнцепоклоннического царствования, а наследием последних лет Амен-хотпа III. По скорописным пометкам на заготовках мяса и жира, найденным во дворце этого царя в Чэме «небосклонами» (ахе), заготавливавшими впрок жир и мясо, управляли «писцы царевы»: Майа (JNES X:X 130), Амен-мосе (JNES X:X 132), Хее (JNES X:XI–XII 140,160,161), Хайа, сын Хитайа (JNES X:XI 142), «(те,) кто в хант»: Тхут-мосе (JNES X:X 131, 158), Па-амун (JNES X:XII 164), Пай (JNES X:XII 163), – – – (JNES X:X 123), в одном случае, если верить передаче издания, некий «мастер» (читай: «стольник»?) П-нуфе (JNES X:XII 159). К «писцам царевым» надо отнести, вероятно, еще управляющего «небосклоном» Ах-мосе, чье звание разрушено (JNES X:XI 134), а также «писца царева Ах(?) -мосе» (JNES X:XI 143) и «писца царева Хайа, сына Майа» (JNES X:XI 143 A), чьим титулам предшествует странное написание, которое, надо полагать, читалось «небосклон» — «ахе». С «(тем,) кто в хант, Тхут-мосе» двух вышеназванных пометок несомненно тождествен управитель «небосклона» Тхут-мосе, поименованный без звания в другой пометке (ММА ЕЕ 1916–17:8) из того же дворца Амен-хотпа III, от того же 34 года его царствования, притом вместе с тем же резником Кайа, что и в одной из них (именно JNES X:XII 158). Впечатление от сравнения пометок обоих царствований еще усилится, если мы привлечем пометки из дворца Амен-хотпа III последних его лет, относящиеся к заготовкам жира, но не называющие заведения ахе. В трех случаях мы найдем на положении управителей этих заведений все тех же «писцов царевых» (Хревеф — JNES X:50 X 121, Райа — JNES X:XI 136, Ч – – – JNES X:XI 139) и один раз даже «великого (среди) [видящих]» (?) (JNES X:40 XI 124), однако последнее совпадение не более как случайность: верховный жрец солнца в столице Амен-хотпа III совсем не представлял той хозяйственно-управленческой величины, какою являлся в солнцепоклоннической столице верховный жрец Йота.

Что верховный жрец в Ах-йот — «великий (среди) видящих Йота» — заведовал заготовлением впрок мяса, было в порядке вещей, потому что хозяйство солнца было подведомственно его верховному служителю (ЕА I:XXV = XXIX–XXXII). «Писцов царевых» мы встречаем на положении управляющих и в другой отрасли хозяйства: в садоводстве — виноделии (Ах-мосе — СА III:LXXXIX 128, Хайа, сын (?) Хее (?) — СА III:LXXXVI 48, LXXXIX 123). При этом один из них — Ах-мосе, наверно, тождествен с одноименным «писцом царевым», ведавшим мясными заготовками (ТЕА:XXIII 44). Однако «(тех,) кто в хант» на положении хозяйственных руководителей из числа сотен и сотен изданных пометок называют лишь те, что относились к заготовкам мяса и жира. И это справедливо как для времени Амен-хотпа IV, так и для последнего десятилетия царствования его родителя. Вино, растительное масло, мед, ладан и ряд других припасов заготавливались при Амен-хотпе IV впрок вообще без указания в производственных пометках особого назначения. Напротив, в пометках на мясных и жировых заготовках всюду, где сохранность надписаний позволяет суждение, такое назначение бывает указано. И предназначаются эти мясо и жир чаще всего для «праздника Йота, именно рождения Йота», но также для «праздника вечности» (СА III:XCi 185, ср. XCII 193), «праздника вековечности» (СА III:XCII 196, ср. 198), «праздника длительности» (СА III:XCII 197) или просто для «службы постоянной (т. е. ежедневной)» (СА III:XCII 204, 206, ср. 205, ср. также ТЕА: XXIII 48).

Таким образом участие занимающих нас сановников — «тех, кто в хант» в хозяйственной жизни, в той мере, как она отражена в пометках, ограничивалось при Амен-хотпе IV надзором за заготовкою мяса и жира для храмовых праздничных и повседневных служб. В отличие от «писцов царевых» «те, что в хант» ни разу не названы в качестве лиц, ответственных за виноградарство/виноделие, произведения которого предназначались не только для храмовых служб. Мне, по крайней мере, неизвестно ни одной пометки, где вино было бы заранее предназначено для храмовых праздников или служб, и огромное количество винных пометок было обнаружено вне храмовых построек. Не означает ли все это, что

сановники Амен-хотпа IV в качестве «тех, кто в хант» действовали по храмовой части, были должностными лицами, в этом своем звании тесно связанными с храмами?

И действительно, стоит им появиться на изображениях в солнцепоклонническом храме Нэ, как они обязательно окажутся участниками не каких иных действий, как именно храмовых обрядовых шествий.

На камне JEA V:VIII = SPAW 1919:477 из солнечного храма в старой столице фараон слева приносит жертву многорукому лучистому солнцу, а справа шествует в его лучах. Солнце снабжено уже титулом II вида (см. § 35), но царя все еще называют «[Амен-хотп] Нуте-[ху]к-[висе]»⁷. Он оба раза в своеобразном облачении «празднества тридцатилетия». Справа царю предшествуют, глубоко склонившись, двое мужей, из которых первый — «[великий среди видящих Ра-Хар-Ахта, ликующего] в небосклоне [в имени своем как Шов, который (есть) Йот, в доме [Рэ]⁸ в Оне Верховья»⁹, а второй — «установщик („тот, кто со свитком“) главный (?) — — [владыки] обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ — — (?) [владыки] венцов [Амен-хотпа] Нуте-[ху]к-[висе]». За царем следует, тоже глубоко склонившись, «тот, кто в [хан]т, слуга божий (т. е. жрец) первый Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ». Как оба раза у царя вокруг его белого венца, так и у установщика и «того, кто в хант» вокруг голов повязка со свешивающимися сзади концами (голова верховного жреца солнца разрушена). Однако у установщика она повязана поверх (накладных) волос, тогда как «тот, кто в хант» с бритой головою. И одет он только в короткое опоясание с передником, в то время как на установщике еще рубашка с рукавами (верхняя часть туловища «великого (среди видящих) пропала). Тем самым «тот, кто в хант» имеет куда более жреческий вид, чем сам главный установщик. Однако то, что несет в руках «тот, кто в хант», придает ему с его бритой головой и обнаженной верхней частью туловища скорее вид слуги: в правой руке у него палка с надетою на нее обувью (надо полагать, царскими сандалиями), в левой — ларчик или скамеечка. Установщик держит только свиток. Заметим, что «(тот,) кто в хант» даже идет позади царя, как следовало слуге, несущему за хозяином его дорожные принадлежности.

Остатки сходных изображений сохранились на двух камнях из пригорода Нэ (RFM 1932:24, 26 = 62). На них за царем, шествующим в лучах многорукого солнца и облаченным в одежду «празднества тридцатилетия», следовал опять-таки «тот, кто в хант». На первом камне его изображение частично уцелело: он и здесь с бритой головою, без рубашки, со скамеечкой в руках и идет тоже глубоко нагнувшись. На другом камне уцелела разве лишь часть его бритого темени. Надпись над царским провожатым сохранилась на первом камне полнее: «Тот, кто в хант, слуга божий (т. е. жрец) первый Нефр-[шеп]р-[рэ] Ва-н-рэ»; на втором камне имя царя отбито. Следовательно, надпись над сановным провожатым была точь-в-точь та же, что и на камне JEA V:VIII. Совпадение изображений и надписей на нем и на камнях из пригорода позволяет с полной уверенностью отнести эти последние к тому же времени. «Исказительный» способ изображения царя (см. § 103), не доразвившийся еще, однако, до полного «обезображения» царского лица (RFM 1932:26), говорит о том же.

Можно думать, что к изображению царского «празднества тридцатилетия» относился и камень из Апе (ASAE XXXV 45). Уцелели остатки двух поясов изображений стоящих или шествующих сановников. В нижнем поясе сохранились верхи стоящих строк над полностью пропавшими изображениями трех сановников: «[Тот, кто в] хант, [Нефр]-шепр[-энех (? — см. выше)]», «Тот, кто в хант, Амен — — —», «Слуга божий первый [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ], тот, кто в хант, Амен — — —». В верхнем поясе видны лишь остатки трех ног и имя одного из их обладателей — «Ми-рэ».

Таким образом, не подлежит сомнению, что «те, кто в хант» в последнее время пребывания двора в старой столице имели прямое отношение к обрядам, связанным с особою фараона. Один из них, состоявший одновременно его верховным жрецом, принимал самое деятельное участие в фараоновском «празднестве тридцатилетия»,

⁷ Schäfer H. Die Anfänge der Reformation Amenophis' IV // SPAW. 1919. S. 477–484; ср. добавление F. Ll. Griffith к статье: Weigall A. The mummy of Akhenaten // JEA. 1922. V. 8. P. 199–200.

⁸ Schäfer H. Op. cit. S. 477.

⁹ Doresse M. Les temples atoniens de la région thébaine // Orientalia. 1955. V. 24 (n. s.) P. 123–126.

занимавшем такое видное место в тогдашних представлениях о солнце и его сыне¹⁰. Бритая голова этого сановника и скромный наряд соответствовали его жреческому званию, но могли бы быть поставлены в связь и со служительскими обязанностями этого лица при особе царя во время праздничного шествия (ношение скамеечки и обуви): слуги ведь тоже брили голову и довольствовались опоясанием без рубашки (главный уставщик на камне JEA V:VIII, хотя и жрец, но с длинными накладными волосами и в рубашке). Однако вряд ли следовало бы противопоставлять или разграничивать тут обрядово-служительское и жреческое: служительски простые наряды и по-служительски — опрятности ради — выбритые головы были свойственны жрецам как раз как слугам своего божества. Высокопоставленные жрецы солнца в новой столице ходили с бритой головой и во храме и вне его (единственное исключение — EA II:XXIII, где «раб первый солнца в доме Йота в Ах-йот Пи-нхас» представлен за трапезой в семейном кругу с накладными волосами на голове). Но если они не правили храмовую службу, они появлялись в рубашках с рукавами, как другие вельможи (Ми-рэ — EA I:VI = VIII, XXV = XXX, XXXIV, XXXV, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XLI; Пи-нхас — EA II:IV, V, VII, VIII, X, XI, XXI, XXII, XXIII; Пенчев — EA IV:II, III, IV, VII, VIII, IX). Готовясь же править службу солнцу, храмовые сановники облачались в складчатое опоясание, оставляя верхнюю часть туловища обнаженной (Ми-рэ — EA I:XXII, ср. XXV = XXVII, X A = XIV; Пинхас — EA II:XII, XX, ср. XVIII; сомнительное исключение — при встрече царя во храме — в гробнице Пенчев EA IV:VI). Ср. также жрецов, встречающих прибывающего в храм царя (EA III:VIII = X, XXX, MSEC AE I:I = ИДВ I:310 = ДМ I:5 = VMPh:104).

В новой столице «тот, кто в хант», Пенчев, состоял также «рабом первым Йота во дворе Йота в Ах-йот» (EA IV:II два раза, III, IV, VI, VIII) и «великим (среди) врачей» (EA IV:II три раза и один раз в поврежденном месте, III, IV, VIII в поврежденном виде). Таким образом, Пенчев был тоже жрецом — правда, главным жрецом солнца, а не царя, но зато в личном храме царской семьи¹¹, полном ее изваяний (CA III:185–187). Кроме того, Пенчев как «великий (среди) врачей» был еще получародеем и, надо полагать, при особе фараона — в качестве главного царского врачевателя.

Итак, «те, кто в хант» ведали заготовками мяса и жира для того или иного храмового праздника солнца, один из них был даже его главным жрецом; они самым деятельным образом участвовали в обрядах царского «празднества тридцатилетия», притом в жреческом наряде и с бритой головою, поставляли из своей среды верховных жрецов царской особы; иными словами, это были сановники, связанные с храмами и обрядовым служением фараону.

Но именно таким и предстает перед нами сам Туту. Большинство пометок на мясных и жировых заготовках для праздников и службы солнца связано с его именем. О его участии в «празднествах тридцатилетия» ничего, правда, неизвестно, но в жреческом обличье он постоянно появляется в своей гробнице. Он всегда или почти всегда с бритой головою (EA VI:XII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, MSEC AE I:LIX; единственные два исключения — MSEC AE I:LV, LIX, однако издание не всегда отличается точностью). За отправлением храмовой службы Туту в гробнице, естественно, не показан, потому что он был жрецом фараона, а не Йота, а в гробницах Ах-йот изображали лишь царское служение солнцу. При желании об облачении Туту во время служения его владыке можно умозаключить по изображениям в гробницах других высокопоставленных жрецов, — Ми-рэ и Пи-нхаса. Однако Туту сам позаботился представить себя в жреческом виде. В отличие от тех трех своих сановников сотоварищей Ми-рэ, Пи-нхаса и Пенчев он изобразил себя даже вне храмовой обстановки в одном опоясании без рубашки (EA VI:XII, XIV, XV), что, конечно, не мешало ему тут же по соседству изобразить себя в полном вельможеском наряде (EA VI:XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX; вероятно, также MSEC AE I:LVI, LIX). Наконец, сам Туту недвусмысленно говорит о своей службе «тем, кто в хант» как о священной деятельности: «Был я первым в должности (того), кто в хант, будучи чист для Ва-н-рэ»

¹⁰ См. Ю. Я. Перепелкин. Кэе и Семнех-ке-рэ. С. 258–271.

¹¹ Pendlebury J. D. S. The city of Akhenaten. Pt. 3. V. I: Text. London, 1951. P. 86.

(EA VI:XIX, стк. 10). Ср. слова собственного славословия царя его солнцу, имеющиеся в списке в гробнице Туту (EA VI:XVI, стк. 11–12): «Сын твой чист, творя жалуемое тобою (т. е. служение тебе), Йот, живой в явлениях своих!» (EA IV:XXXII).

Будучи «тем, кто в хант», Туту стал верховным жрецом особы фараона в главном солнечном храме. Но эта его жреческая должность нуждается в изучении не меньше, чем его более частое звание «тот кто в хант».

В самом деле, что значило звание Туту «раб (бок) первый Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье в доме Йота в Ах-йот», которое полностью восстанавливается из четырех надписей в гробнице (EA VI; XIV, XIX, XX два раза)? В какой такой ладье воздавал Туту поклонение своему повелителю в главном храме солнца в новой столице? На изображениях этого храма в гробнице самого Туту никакой ладьи не видно (EA VI:XX). Не видать ее и на изображениях главного храма в гробницах его верховного жреца Ми-рэ (EA I:X A = XI + XII, XXV = XXVI + XXVII + XXVIII + XXXIII) и его старшего жреца Пи-нхаса (EA II:XVIII, XIX). Не заметно ее также на изображениях того же храма в царской гробнице (MSECAE I:I = ИДВ I:310 = ДМ I:5 = VMPH:104) и в гробнице Ах-мосе (EA III:XXX). Да и раскопки громадного храма в самом сердце солнцепоклоннической столицы не обнаружили ничего похожего на ладью (CA III). Тем не менее местом жреческой службы Туту был именно большой храм солнца — «дом Йота в Ах-йот», как то со всюю определенностью следует из самого звания Туту и как то наглядно представлено в его гробнице: по назначении его царем своим первым жрецом, Туту отбывает из дворца на колеснице в главный храм солнца, где его ожидает торжественная встреча (EA VI:XIX–XX).

Итак, на изображениях главного храма солнца в Ах-йот нельзя обнаружить никакого подобия ладьи, ни в отдельности, ни в связи с царскими изваяниями. Ее нет даже на изображении храма в гробнице самого верховного жреца «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье» Туту, притом на изображении, где он как раз направляется в храм отправлять свою новую должность! Но в таком случае «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье», может быть, вовсе не предполагает ни подобия ладьи, ни изваяния в ладье, а является лишь образным обозначением фараона в каком-то его особом свойстве? Нет ли чего еще о фараоне в ладье в солнцепоклоннической письменности помимо верховножреческого звания Туту?

Памятники солнцепоклоннического времени не раз упоминают «дом Неб-ма-рэ», т. е. храм умершего царя Амен-хотпа III. Военачальник Ра-мосе величает себя в своей гробнице в Ах-йот «распорядителем д[о]мовым (т. е. домоправителем) [до]ма Неб-ма-рэ» (EA IV:XXXV). За этим званием следует имя Ра-мосе, так что никакого определения за «Неб-ма-рэ» не было. Этого нельзя утверждать о производственных пометках из Ах-йот, сделанных на сосудах с видом «Дома Неб-ма-рэ». Пометки почти все отбиты после «Неб-ма-рэ» — непосредственно за ним или за многолетием «жив, цел, здоров!» (TEA:XXII 4, 7; CA III:LXXXV 17). Однако пометка, возможно, другого храмового хозяйства, сохранила продолжение и читается так: «[Год царствования] 10. Вино дома Неб-ма-рэ в ладье-(wʿ) — — — [по]т[о]к[а] западн[ого] (т. е. западного рукава Нила). Начальник [сада (такой-то)]» (CA III:LXXXV 16). Таким образом, не только сам Амен-хотп IV, но и его отец Амен-хотп III получали храмовое почитание в качестве находящихся «в ладье». Уразуметь смысл последнего выражения помогают печати производств, оттиснутые на глиняных закупорках винных сосудов, найденных в том же Ах-йот.

На печати (TEA:XXI 22) надпись сохранилась полнее всего. Вверху сложный знак, изображающий сидящего с подобранными коленями, длинноволосого мужчину с пером правды в руке и солнечным кругом над головой, заходящий в пространство между носом и кормом плывущей по воде ладьи. Ниже слова: «вино д[ома]»; лежащая черта, уцелевшая под *n* (*j*), прилагательным принадлежности, несомненно верх знака «дома». Следовательно, речь шла о вине храма того египетского божества, которого обозначением служил сложный знак, вынесенный из почтения вперед, (наверх). Этот знак, составленный по способу так называемого «загадочного» или «играющего» письма, можно прочесть с полной уверенностью. Мужчина в плаще — *ниб* «владыка», перо в его руках — *мэ* «правда», солнце — *рэ* «Рэ», все вместе — «Владыка правды — Рэ», т. е. «Неб-ма-рэ» — престольное имя

Амен-хотпа III. Знак впущен в ладью, находится в ладье, иными словами, «Неб-ма-рэ в ладье». Следовательно, перед нами печать уже известного нам храма, только то, что в пометке (СА III:LXXXV 16) было написано по-обычному, в печати передано наполовину «загадочным» способом: «Вино дома Неб-ма-рэ в ладье». Так же как на печати ТЕА:XXI 22, «Неб-ма-рэ в ладье» написано на печатях СА III:LXXXII («Вино [дом]а Неб-ма-рэ») и СА III:LXXXII 75 («Ви[но дома] Неб-ма-рэ в ладье»); единственное отличие — борода у «владыки», которой на печати ТЕА:XXI 22, по меньшей мере, в издании не заметно. На печати СА III:LXXXII 77 («Вино [дома] Неб-ма-рэ в ладье») «владыка» тоже держит в руке перо и имеет как будто бороду, но голова у него в издании такая огромная, что это явно не голова, а солнечный круг, возможно, со свешивающимся спереди аспидом («бороною»). Настоящая голова, очевидно, «плечи», а излишние «ручки» под ними спереди — борода, а сзади — волосы. Так же надобно истолковать причудливого «владыку» с пером в руке и огромной расщепленной головою на печати СА III: LXXXII 78 («Вино [дома] Неб-ма-рэ»). На печатях СА I:LV, L, K, СА III:LXXXII 74 «владыка» в ладье изображен с бороною и солнцем над головою, но в руке не перо, а знак жизни. Тем не менее, читать все три печати надо несомненно так же, как предыдущие: «Вино [дома] Неб(-ма-)рэ». Вместо длинных волос у «владыки» (СА III:LXXXII 74) царский чепец, что, конечно, вполне подходило к Амен-хотпу III. «Владыка» (СА I:IV K) с длинными волосами, но у него (СА I:IV L) с головы сзади не свешиваются ни длинные волосы, ни кончик чепца. Чепец или округлый затылок без длинных волос наблюдается и у «владыки» в ладье на обломке печати ТЕА:XX 57; солнце над головою отбито, а в руке торчит лишь черточка от пера или значка жизни («[Вино дома] Неб-[ма(?)-]рэ»).

Не приходится сомневаться в том, что «играющее» написание «Неб-ма-рэ в ладье» изобразительно представляло человекоподобного египетского бога солнца с солнечным кругом на голове, плывущего в своей небесной ладье. На деле же то был Амен-хотп III в образе плывущего по небу солнца.

Имеется еще одна любопытная печать, найденная также в Ах-йот и подтверждающая, как нельзя лучше, только что сказанное — СА III:LXXXII 64. Вверху ее плывущая по водам ладья, а в ней круглое солнце и в нем сидящий с подобранными коленями мужчина (в плане) над лежащей черточкой. Мужчина очень похож на «владыку» с печати СА III:LXXXII 74: знак жизни, противно обыкновению, держится не на коленях, а у живота, борода очень короткая, а на голове, по-видимому, чепец, а не длинная прическа. Две составные части «играющего» написания «Неб-ма-рэ» налицо: владыка, солнце; при желании можно даже усмотреть слово *мэ* «правда» в черточке под мужчиною. Однако, несмотря на все сходство со сложным знаком на печатях СА I:LV K, L и особенно СА III:LXXXII 74, сложный знак на печати СА III:LXXXII 64 нельзя читать «Неб-ма-рэ в ладье». И вот почему.

Ниже сложного знака на печати читаются слова: «блистательный», «вино Потока Западного»; самый низ печати отбит. Не может быть сомнения в том, что мы имеем дело с разновидностью хорошо известной печати: «Вино [дома] Йота блистательного Потока Западного» (низ печати, где должно было стоять слово «дом», повсеместно отбит — ТЕА:XXI 24, СА II:LVII E, СА III:LXXXI 61, 62, LXXXII 63). Что слово «дом» входило в название хозяйства, доказывают скорописные пометки на сосудах, найденные в Ах-йот и относящиеся, несомненно, к тому же установлению: «Год царствования 9. Вино доброе, доброе Потока [Западного] дом[а] Йота блистательного. Начальник сада Пее-шед[ев]» (СА III:XCIV 237), «Год царствования 14. Вино дома Йота блистательного Поток[а] Западн[ого]. Начальник поливного хозяйства Дейе — — —» (СА II:LVIII 15). Слово «поливное хозяйство» в последней пометке вместо слова «сад» (см. § 113), равно как и кольца при слове «Йот» в первой пометке и дужка кольца перед тем же словом во второй пометке (см. § 16) доказывают, что годы царствования в обеих пометках, как и следовало ожидать, не Амен-хотпа III, а его сына. Обозначение солнца в обеих пометках выписано полностью и звучит «Йот», а не «Рэ», как можно было бы читать на печатях, где оно написано, видимо, за скудостью места или по довольно частому обыкновению еще предыдущего царствования

одним изобразительным знаком солнца. Таким образом, занимающую нас печать СА III:LXXXII 64 мы должны читать так: «Вино Потока Западного (следовательно, из западного Низовья) [дома] Йота блистательного».

Если б речь шла о Йоте как солнцепоклонническом божестве, то было бы очень трудно представить себе, чтобы внутри солнечного круга поместили человекообразное его изображение, притом в обличье, сильно смахивающем на фараоновское (короткая борода, похожий на чепец головной убор). Сходство этого солнечного человека, плывущего в ладье, с солнечным же Неб-ма-рэ в ладье на других печатях делает несомненным, что человечек внутри солнечного круга в ладье не кто иной, как тот же Амен-хотп III. Тем самым подтверждается мнение К. Зете¹², еще не всеми разделяемое, что «Йот блистательный» в надписях времени Амен-хотпа III — он сам, а не небесное светило. Способ передачи на печатях сочетания «Неб-ма-рэ в ладье» и слова «Йот» в наименовании «Йот блистательный» приводит также на память, что имя «ладьи царя», в которой Амен-хотп III обновил искусственное озерко — «Йот блистательный внутри ее» — Х. Шефер¹³ и К. Зете¹⁴ и относили к плывущему в ладье «солнцу» — Амен-хот-пу III (заметим, что на некоторых из этих жуковиков «ладья царя» написано «полуиграющим» способом: «царь — знак ситовника» — плывет в ладье, U18D:1737).

Выходит, что обозначения «Неб-ма-рэ в ладье» и «Йот блистательный» как обозначения Амен-хотпа III имели в виду фараона в образе солнца, плывущего в своей ладье по небесным водам, т. е. фараона, отождествленного с солнцем в небе.

Такой смысл должно было иметь и наименование «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье», известное нам по титулу Туту. Солнцепоклонничество последних лет царствования Амен-хотпа IV не терпело знаков, изображавших человекоподобного египетского бога (см. § 115). Потому печатки, на которых солнце так или иначе наделялось его обличьем, были вырезаны не позднее первого времени после переделки солнечных колец из ранних в поздние. Титула Туту, содержащие его звание «раб первый Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье в доме Йота в Ах-йот» — все времени до переделки солнечных колец. Но из этого нисколько не следует, что звание должно было быть впоследствии отменено. Надо полагать, что «играющее» написание наименования «Йот (блистательный)» в виде солнца с человечком внутри, плывущего в небесной ладье, было упразднено тогда же. Однако обозначение «Йот блистательный» для Амен-хотпа III не отпало с упразднением знака человекоподобного бога. Как мы видели, «дом Йота блистательного» упоминается в пометке 14 года царствования Амен-хотпа IV, следовательно года на два позже переделки солнечных колец (см. § 25).

Но может показаться, что представление о солнечной ладье несовместимо с развитым солнцепоклонничеством, и не только таким, каким оно стало после переделки солнечных колец, но и таким, каким оно было до того при раннем их виде.

Печатки, на которых Неб-ма-рэ был представлен в образе прежнего человекоподобного бога солнца, плывущего в своей небесной ладье, не древнее первого времени после переделки солнечных колец из ранних в поздние: прошло ведь не так уж много времени после нее, и знак человекоподобного бога был удален из письма (см. § 115). Также несомненно, что лучистое многорукое солнце Амен-хотпа IV ни разу не помещено на столичных изображениях в ладью. Только на плите, которую держит изваяние шминского князя Нехт-мина, еще многобожеской, хотя и близкой к «искажительному» искусству второй четверти царствования (см. § 103), князь и княгиня молятся солнечному кругу (без лучей!) в ладье с солнечным младенцем на носу (HTES VIII:XLIV; подробнее об этом памятнике см. § 119, № 35). При этом солнце так и названо по-старинному «Ра-Хар-Ахтом, что в сердце ладьи своей», несмотря на то, что в сочетании «Ра-Хар-Ахт» здесь и во второй строке нижней надписи «Ахт» передано двумя знаками небосклона со значком жизни, подвешенным к нижнему, т. е. на раннепоклоннический лад — так писали «Ра-Хар-Ахт»

¹² Sethe K. Beiträge zur Geschichte Amenophis IV // Nachrichten von der K. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. 1921. Berlin, 1921. S. 105. Anm. 3.

¹³ Schäfer H. Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna // ZAeSA. 1918, Bd 55. S. 27. Anm. 4.

¹⁴ Sethe K. Op. cit.

при ранних солнечных кольцах (см. § 19).

Тем не менее, несмотря на почти полное исчезновение из изобразительного искусства солнечной ладьи, древнее представление о плавании солнца по небу не было полностью изжито. На более поздней плите князя Нешт-мина (времени IV–VI солнечного титула, см. § 37–39, как показано в § 119) говорится о том, что Рэ постоянно «с ветром», а также о ночной солнечной ладье (ZAcSA LXIV:IV = 113 = TTA:144 CXXXVIII). Но и эта плита, хотя и много сильнее затронутая царским солнцепоклонничеством, чем более ранняя, все же еще многобожеская. На основании известного места в большом славословии солнцу в гробнице Ая — «Ты далек, (хотя) лучи твои на земле, ты перед лицами (т. е. на виду у всех), хотя не [з]на[ю]т хождения (т. е. движения) твоего» (EA VI:XXVII, стк. 3) — можно было бы заключить, что строгое солнцепоклонничество полностью исключило представление о небесном плавании солнца, притом позже времени V солнечного титула (см. § 38), значащегося в начале этого славословия (EA V:XXVII, стк. 1). То, что в славословиях вечернему солнцу в гробницах Ах-мосе (EA III:XXVIII, стк. 1) и Пенчев (EA IV:IV, стк. 1) читаются слова «переплываешь [ты] небо в мире», «переплываешь (с определителем ладьи, разрушенным у Ах-мосе) ты небо», само по себе еще немного значило бы. Надписи у Ах-мосе и Пенчев, несмотря на верноподданническое солнцепоклонничество первого и жреческое звание второго, хотя в общем и выдержаны в духе своей поры — последних лет ранних солнечных колец, то все же несколько старообразны. Что Хайа переписал в своей гробнице оба эти славословия, ничего не изменив в соответствующих местах («переплываешь» оба раза с определителем ладьи, EA III:XXVII, стк. 1 = 31, EA IV:IV, стк. 1), можно тоже считать не слишком доказательным; хотя надписи начертаны при поздних солнечных кольцах, домоправитель вдовствующей царицы Тэе не был свободен от некоторого пристрастия к старине. Но вот когда сам верховный жрец главного столичного храма — «великий (среди) видящих Йота доме Йота в Ах-йот» Ми-рэ воспроизводит в своей гробнице в своем вечернем славословии солнцу (EA I:XLI, сткк. 1–3) соответствующее место из славословия Ах-мосе, притом не совсем дословно, а с изменениями, но не в занимающем нас месте, становится невозможным отрицать приемлемость представлений о плавании солнца по небу даже для исключительного солнцепоклонничества последних лет Амен-хотпа IV (данное славословие не первых дней поздних солнечных колец, когда верховный жрец звался еще Хитайа, EA I:XXXIV).

Ах-мосе

«Пересекаешь[ь] т[ы] в[ы]сь в мире — обе земли
(т. е. Египет) сплошь в восклицновении пред тобой,
(воз)давая хвалу образовавшему их...»

Ми-рэ

«Пересекаешь ты высь в мире — обе земли сплошь
на восклицновении [пред] [тобой], [(воз)д]авая хвалу
при восходе твоём...»

(определитель ладьи, разрушенный у Ах-мосе, имеется у Ми-рэ).

Но для нас, пожалуй, еще существенней, что сходным образом выражается сам Туту в своем славословии солнцу (EA VI:XV, стк. 4): «Пересекаешь ты небо, а око его (т. е. фараона) на доброте твоей, ликующего радостно при виде тебя, Йот живой» (определитель к слову «пересекать» и здесь ладья; надпись — времени IV солнечного титула (см. § 37), поскольку такое титуло значится на противоположной стене входа).

Итак, образ солнца, пересекающего в ладье небесные выси, не был чужд даже строгому солнцепоклонничеству. Небесному существу в солнечном круге в своей ладье уподобляли Амен-хотпа III как «Йота»; в образе Солнечного бога в ладье, плывущей по небесным водам, представляли себе «Неб-ма-рэ в ладье» и, очевидно, также «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ в ладье». Объявляя фараона плывущим в солнечной ладье, его приравнивали к солнцу в небе и тем самым к солнцу как предмету почитания в его доме на земле. Фараон в ладье, т. е. образ небесного солнца, разделял с ним почитание в самом его храме.

Как верховный жрец особы солнцеобразного властелина Туту не мог не стоять к нему в самых близких отношениях. *Солнцепоклонничество и царепоклонничество, переходящее одно в другое, пронизывающее одно другое, неотделимые одно от другого, — не это ли сама душа, самое существо фараоновской солнечной веры Амен-хотпа IV?* Но Туту

стал верховным жрецом царя во храме солнца, будучи уже «тем, кто в хант». Уже как таковой он был причастен к храмовому хозяйству солнца, к обрядовой стороне царства, к служению особе фараона на положении и в облике жреца. Близость к царю на этой почве была достигнута уже до возведения в сан верховного жреца в главном храме солнца; этот сан явился лишь увенчанием достигнутого. Нельзя забывать слов Туту: «был я первым в должности того, кто в хант, будучи чист для Ва-н-рэ» (ЕА VI:XIX, стк. 10). Мы видели, что кроме Туту было еще несколько «тех, кто в хант». И если сама должность обеспечивала близость к царю, Туту сумел быть первым из всех, кто ее занимал. Величие Туту, его власть и влияние зиждились на его отношении к фараону, а не на высоком сани в государственном управлении.

Когда началось величие Туту и когда оно кончилось? Гробница Туту — одна из самых внушительных на вельможеском кладбище в Ах-йот. Издатель отметил «смелость» ее замысла и выполнения, не только изнутри, но и снаружи¹⁵. Гробница была уже отчасти высечена в скале, когда приступили к ее отделке. Одна из древнейших ее частей, несомненно, вход; он был отделан еще при IV солнечном титуле (ЕА VI:XVI, см. § 37). Таким образом, гробницу начали высекать одною из первых, вскоре после вторичных и третичных пограничных плит, которые все — времени III солнечного титула (см. § 36), точнее — 8 года царствования (см. § 41). Отделка продолжалась при VI (см. § 39) солнечном титуле (ЕА VI:XIX–XX) и далее при VII (см. § 40), т. е. после переделки солнечных колец из ранних в поздние (VMPh:XVIII, ЕА VI:XII, XIV, XIX — жизнеописание этого времени ввиду пространного написания слова «правда» в обозначении «властитель, живущий правдою» в стк. 5, см. § 108; ЕА VI:XXI — того же времени ввиду буквенного написания слова «мать» в стк. 2, см. § 109). Однако эта гробница, как и почти все вельможеские гробницы в Ах-йот, осталась незаконченной. Отделка ее прервалась, видимо, в ближайшие годы после переделки солнечных колец: в самой длинной надписи, уже времени поздних солнечных колец (ввиду буквенного написания слова «мать», см. § 109, ЕА VI:XXI, стк. 2), употреблены еще знак человекообразного солнца (см. § 115 и знак *wsr*, см. § 112; оба в стк. 1). Из этого, разумеется, никак не следует, что с Туту тогда что-то случилось. Великолепная гробница нареченного «отца» Амен-хотпа IV Ая на том же южном кладбище была покинута рабочими еще раньше, но Ая не только не погиб, но всплывает при Тут-анх-амуне уже на положении верховного сановника с тем, чтобы по смерти юного фараона самому усестись на египетском престоле. К тому же гробницу Туту отделяли еще при поздних солнечных кольцах, тогда как отделка гробницы Ая была прекращена при VI солнечном титуле (см. § 39). Да и вообще ни одна гробница в скалах Ах-йот, ни на этом, ни на северном кладбище, за исключением разве лишь гробницы Хайа, не была отделана до конца, хотя над некоторыми гробницами на севере работали еще значительное время после того, как работа в гробнице Туту была приостановлена. Как трудно умозаключать по состоянию отделки гробницы о судьбах ее владельца, доказывает лучше всего гробница самой царской семьи в глухом ущелье позади вельможеских кладбищ. Царскую гробницу отделяли в течение непродолжительного времени после переделки ранних солнечных колец в поздние. VII титул солнца было тогда еще настолько малопривычным, что мастера ухитрились дважды снабдить лучистое солнце поздними кольцами с прозваниями из III солнечного титула, оказавшегося под руками, на устарелой плите-прописи (см. § 40). Более четырех царевен (см. § 94) в гробнице нигде не изображено, хотя случаев для изображения царской семьи в полном составе было сколько угодно. Сочли нужным повторно изобразить даже грудного младенца — царевну на руках у кормилицы (MSECAE I:VI = ИДЕ:141 = ИДЕг:367 = ВНЕф:82, MSECAE I:IX), но ни пятой, ни шестой царевны (см. § 95) в гробнице не видно. И никаких более поздних следов работы над отделкой гробницы указать нельзя, хотя после рождения четвертой царевны до конца царствования протекло немало лет.

Итак, Туту сохранял свое выдающееся положение при дворе и в государстве, достигнутое им еще до переделки солнечных колец из ранних в поздние и после этого

¹⁵ de Garis Davies. Op. cit. Pt. 6. P. 7.

события. Его величественная и своеобразная гробница стала отделяться еще при IV солнечном титуле (см. § 37). Не позже, как при VI солнечном титуле (см. § 39), Туту был возведен в сан верховного жреца солнцобразной особы своего повелителя (EA VI:XIX) и вознесен превыше всех остальных гражданских, военных и храмовых сановников, обязанных уплачивать ему ежегодно налог со своих доходов золотом, серебром, медью, одеждами и скотом (EA VI:XVII). И при поздних солнечных кольцах (см. выше) Туту говорил о себе не только как о посреднике между царем и подвластными тому чужеземными владельцами, но и как об «устах верховных земли до края ее — в войске, работах, ремеслах, оке всяком, живом, равно как и мертвом» (EA VI:XIX).

Таким своим положением Туту был обязан не той или иной должности, связанной с управлением государством, а своей полужреческой службе при особе земного солнца, своей обрядовой близости к нему. Туту был временщиком, и временщиком всемогущим, в течение значительной части царствования Амен-хотпа IV.

Если только у Туту мы читаем о даровании вельможе налога со всех сановников царства, то лишь у него одного мы находим и длиннейшую надпись, толкующую о кровавых расправах, чинившихся фараоном над своими послушниками. Эта надпись (EA VI:XXI) была начертана при поздних солнечных кольцах, как о том свидетельствует написание слова «мать» в строке 2 буквами *m* и *t* (см. § 109), однако не под конец царствования, как то показывают знаки человекообразного солнца (см. § 115) и длинношеей звериной головы *wsr* (см. § 112) в строке 1. Очень прискорбно, что эта примечательная надпись дошла до нас в крайне поврежденном виде, так что значительная часть ее не поддается связному переводу. Но и уцелевшего достаточно, чтобы уразуметь положение в стране в последнюю треть царствования Амен-хотпа IV. По роду своему надпись представляет проставление фараона как благодетеля египетской державы и послушливых вельмож и одновременно как грозного карателя послушников. Числа в скобках означают строки.

«(1)» — — — [во]сход — — — от[ро]к (т. е. сын) Йота, Рэ живой, великий любовью (т. е. тот, к кому питают великую любовь), (такой, что) живет земля по приказу его. Отверзаешь ты очи твои — богатеет (2) земля вещами... Ты — мать, родившая всех, возраставшая тысячи тысяч питанием т[во]им. Величие твоё — стена из меди, (такая, что) в ней тысяча тысяч локтей. Окружил ты земли силою своею до предела лучей Йота, (3) [цар]ь (?) (и) [государь (?) Нефр]-шепр-[рэ Ва-н-рэ], властитель, любимец, большой чудесами, (пре)подобный добротою своею. Цвет плоти твоей, что луч(ей) отца твоего, (когда) он восходит, Йот [жи]вой, (и) [осве]щается (?) [сот]воренное (?). [Т]ы (?) по образу его. Вышел [т]ы [из] него, [произвел (?)] он тебя и[з себя] самого, подобно тому как пригладен он в мясе своем. — — — (Как) пребывает он, (так) пребываешь (и) ты вековечно. Йот — ты (?) с[ын его], возлюбленный его. Ты что образ его. Ликут о тебе до неба (5) — — — [больш]ой (?) п[о (?) век]у своему (?). Дает он тебе (быть) вековечно — пребудешь ты вечно, сотворишь празднества [тридцатилетия]. Рождает тебя Йот каждый раз, как воссиявает он. Восходит он на небе, чтобы осветить тебе — — — (6) [Сирия] вместе с Кошем (т. е. Эфиопией) привлечены к тебе склоненными в Ах-йот, южане, как северяне. Они обоняют пред тобой землю (т. е. поклоняются тебе), творят они хвалу — — — (7) — — — родивший тебя, Рэ, владыка (пред)определения (т. е. судьбы), творящий век (жизни), [Нефр]-ше[пр-рэ Ва-н-рэ]! Небо с Йотом живым, дыхание в нем (т. е. в небе) — даешь ты его (т. е. дыхание) в ноздри жалюемых твоих (8) — — — Йо[т] (?)... страх твой (?) — т. е. перед тобою?...».

О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИНУСКУЛЬНОГО ПИСЬМА

О происхождении современного графического типа буквенного письма (в Европе и на Переднем Востоке)

(Подготовка текста и редакция А. С. Четверухина)

Интернациональное значение латинского алфавита — его исключительная роль при выработке латинизированных письменных систем — ставит его в центр внимания науки о письме.

Современный латинский шрифт — явление далеко не однородное. Он состоит из двух резко обособленных элементов: маленьких и больших букв. Основу его составляют маленькие буквы, тогда как большим принадлежит лишь второстепенное значение — служебное. Но так было не всегда. Маленькие буквы — не что иное, как латинское письмо раннего средневековья, минускул IX–X веков, слегка подчищенный в эпоху Возрождения. Большие же буквы современного латинского шрифта — монументальное письмо римской античности (обычно в его упадочной форме) с добавлением позднейших J и V.

Логически вполне мыслимо применение одних «больших» букв мелких размеров, как мы имеем это, в известной степени, в случае русских «маленьких» букв, из числа которых только *a*, *b*, *e* по форме, а *p* и *y* — по положению отличаются от соответствующих «больших».

Вопрос о преимуществе больших или маленьких букв латинского шрифта — вопрос, несомненно, многогранный.

Для его решения необходимо широкое сотрудничество историков письма, педагогов, художников, графиков, работников типографского дела и других специалистов. На Отделе письма ИКДП лежит в пятилетие 1933–1938 гг. усиленная разработка исторической части вопроса, выяснение социально-исторического лица минускула. Результаты годичной работы по подтеме — происхождение минускула — дает настоящая статья.

I

Целевая установка предпринятого исследования — выяснение социально-исторической сущности латинского минускула, однако фактически поставленная задача не может быть решена исчерпывающим образом на материале латинского письма.

Для античного периода латинской графики с достаточной полнотой известны только эпиграфические виды: письмо монументальное, «актовое», скорописное, врезанное, нацарапанное, оттиснутое на твердых или затвердевших по нанесении надписи предметах. От античного латинского письма чернилами сохранились лишь скудные остатки, тогда как именно из него и развивалась минускульная графика через предшествовавшие ей средневековые почерки, и как раз исчерпывающее представление о нем необходимо исследователю. Относительно многочисленную группу составляют короткие тексты, нанесенные краской, углем и мелом на предметах, особенно обильные на стенах домов в Помпеях. Но для нашего вопроса эти случайные пометки имеют ограниченное значение, будучи менее всего способными, по самой своей природе, выявить все возможности книжных и деловых пошибов. Античные же памятники книжных и деловых пошибов латинского письма исчисляются единицами: немного деловых папирусов и дощечек и несколько обрывков рукописей — вот все, чем располагала до сих пор наука в отношении римских книг и акта, писанных чернилами. Таким образом, наличный древний латинский материал не может пока что иметь самостоятельного значения для разработки проблемы минускула в его противоположности античному письму. Античные латинские данные могут получить надлежащее освещение только в свете другой, античной же, письменности, на материале которой интересующий нас процесс не может быть изучен с удовлетворительной полнотой.

Если бы не исключительный климат Египта, сохранивший нам в изобилии греческие папирусы, наше представление о характере книжных и деловых пошибов античности было бы более чем неполным. Также мы имеем возможность, хотя бы на примере одной из классических письменностей, греческой, проследить античные типы письма чернилами в их развитии, затем перерождение в средневековую графику.

Греческие папирусы дошли до нас в таком количестве, что мы можем создать себе ясное представление о книжных и деловых пошибах на протяжении тысячелетия, отделяющего древнейшие находки (вторая половина IV в. до н. э.) от времени образования минускула (VIII–IX вв. н. э.). При этом — что особенно ценно — все столетия от III в. до н. э. до VIII в. н. э., за исключением одного V в., представлены с удовлетворительной полнотой, II же век н. э. — даже с подавляющим богатством материала, V в. известен слабо, только по сравнению с другими периодами греческого письма на папирусе; по сравнению с античной латинской графикой на папирусе мы и тут находимся в сносном положении, зная хорошо предшествующий и последующий этапы развития в IV и VI вв.

Обилие и разносторонность греческого материала обеспечивают ему существенную роль при разработке нашей проблемы. Только исходя из изучения греческого материала мы будем в состоянии надлежащим образом оценить и скудные данные латинской древности. Эти последние, возможно, станут для нас тогда характерными намеками на то, что было, и о чем мы вправе заключить на основании греческих аналогий. Иными словами, латинские папирусы уже будут иметь для нас значение не разрозненных единичных памятников, из которых каждый свидетельствует о себе и не больше, а вещественных свидетельств об общих явлениях античных письменностей.

Может возникнуть вопрос, в какой мере палеографические выводы из греческих папирусов египетского происхождения приложимы к эллинистическому письму вообще, можно ли считать, что развитие греческого письма на Балканском полуострове, в Малой Азии, Сирии и т. д., шло, в основном, тем же путем, что и в Египте? На этот вопрос следует ответить утвердительно. Аналогичных папирусов и пергаментов достоверно неегипетского происхождения сохранилось бесконечно мало, но те, что уцелели, принадлежат разным странам и периодам и, однако, при незначительных отклонениях (в формах некоторых букв или образовании отдельных лигатур), обнаруживают ту же линию развития, что и египетские тексты. Далее, в древнейших папирусах (вторая половина IV в. до н. э.) формы букв представляют собой лишь «небрежную» передачу чернилами общегреческого письма современных им надписей, в то время как непрерывная цепь развития греческого письма в Египте приводит нас вплотную к общегреческому же унциалу и затем минускулу, представленным богато и внеегипетскими памятниками. Такое полное совпадение начала и конца также свидетельствует о единстве развития греческого письма во всех странах Средиземноморья, что при тогдашних оживленных торговых, политических и культурных связях может быть признано только естественным.

Но если греческому письму при разработке проблемы принадлежит, бесспорно, видная роль, то в целях большей объективности, во избежание односторонних оценок, переоценки второстепенных моментов и, наоборот, недооценки существенных, представляется крайне желательным привлечь к изучению, хотя бы в ограниченной мере, материал письменностей, внешне отличных от античных, но обнаруживающих действительное или кажущееся сходство с ними в своем графическом развитии. В первую очередь, это относится к алфавитным семитическим письменностям. Графическое развитие семитических алфавитов имеет много общего с развитием классических письменностей, и, притом, процесс перерождения древней семитической графики протекал в тех же хронологических рамках и в том же средневековом мире, что и развитие античного письма. Правда, в отношении древней семитической графики мы находимся примерно в том же положении, что и в отношении античной латинской: обилие эпиграфического материала и ничтожное количество текстов книжного и делового письма написано чернилами. Исследователю перерождения древних семитических письменностей в средневековые

приходится сталкиваться еще с одним существенным затруднением: невозможностью ни на одной письменности целиком проследить конкретное развитие от древних форм к средневековым (хронологически исключение составляет еврейская письменность, но именно она и не развила подлинных средневековых форм, остановилась, после разрушения еврейской государственности, на древней ступени графического развития). Процесс перерождения древней графики в средневековую распадается здесь на последовательный ряд национальных письменностей, причем начало каждого нового звена обычно восстанавливается, за скудостью источников, только в общих чертах. Особенно чувствительно такое положение дела в отношении арабского письма, выведение которого из набатейского есть, в конце концов, только вероятная гипотеза. К счастью, однако, при всей разорванности картины, отдельные ее части, сопоставленные вместе, восполняют друг друга и дают сообща настолько стройное целое, что мы можем рассматривать их как последовательные типические этапы одного и того же процесса. Что касается характера материала, интересующего нас, то, как было отмечено, древние семитические письменности представлены обычно лишь эпиграфическими образцами. Отрадное исключение, при всей своей хронологической и локальной ограниченности, составляют памятники арамейского письма IX в. до н. э., многочисленные папирусы и черепки египетской иудейской колонии. В остальном наши сведения о древнем семитическом письме чернилами основываются на дедукциях из эпиграфических форм, а также чернильных надписях, нанесенных на предметы, на черепках и единичных папирусных находках. С началом средневековья памятники семитического письма чернилами, совершенно так же, как и латинского, становятся все более обильными. Для раннего арабского письма мы располагаем уже большим количеством не только пергаментных рукописей, но и папирусов.

В настоящей статье греческое письмо поставлено в центр внимания не только при обзоре античного периода, по указанным выше причинам, но и для средневековья. В последнем случае это предпочтение объясняется не скудостью латинского материала (хотя положение с ранним средневековым курсивным письмом оставляет желать много лучшего), а сложностью истории так называемых «национальных письменностей» латинского средневековья, за изучение которых автор, будучи по своей специальности далек от средневековой палеографии, не имел ни возможности, ни намерения браться.

Приступая к намеченной работе, Отделу письма приходится учитывать не только неполноту сохранившегося материала, но и почти полную или частичную неразработанность социальной истории большинства периодов, входящих в круг данного письмоведческого исследования. Если с античной Грецией и Римом дело обстоит сравнительно (но и только!) благополучно, то уже для эллинистического Востока, Северной Африки и Передней Азии даже коренной вопрос об общественной формации не вышел еще из стадии разработки. Не лучше дело обстоит и с доэллинистическим Востоком, в частности, с древними обществами, письменность которых представляет существенный интерес для нашего исследования. Даже византийское и арабское общество раннего средневековья в социально-историческом отношении рисуются еще только в тумане, лишь в самых общих очертаниях, всякая конкретизация которых вызывает споры и разногласия. Таким образом, историк-палеограф находится в далеко не завидном положении, приступая к выяснению социально-исторических корней такого надстроечного явления, как минускульный тип письма. Исследователь графики зачастую должен довольствоваться одними общими выводами и вероятными гипотезами, без желательной детализации, даже историк в области социальной истории, на данной стадии развития науки, должен во многих случаях считать себя счастливым, если может ответить на основной вопрос о формации.

II

Термин «минускул» выражает историческую противоположность минускула, «маленького» письма, его предшественника, средневековому «большому» письму, маюскулу. Но если подобная «метрическая» терминология, в общем, правильно передает

соотношение размеров каролингского минускула, с одной стороны, и капитально-унциального письма IV и следующих столетий — с другой, распространять ее в буквальном значении на минускул и античное письмо невозможно. Античное (греческое) письмо зачастую мельче обычного минускульного, и взятые в основном своем смысле термины V. Gardthousen'a «маюкульный» и «минускульный» курсивы для довизантийского и ранневизантийского деловых пошибов звучали бы насмешкой, поскольку одной из особенностей византийского курсива IV–VII вв. как раз и являются его большие размеры по сравнению с античным. В современном палеографическом словаре «минускул» фигурирует как условный термин для определенного вида письма безотносительно пространственных соотношений. Принятое определение минускула гласит, что он есть письмо по системе четырех линий, при которой «тельце» букв заключено между двумя внутренними, а отростки касаются верхней и нижней. Маюскул, наоборот, определяют как письмо, пользующееся только двумя линиями. Например, *pa, pe a* — минускул, как заключенное между четырьмя линиями, а *PA, PE A* — маюскул, как заключенное между двумя линиями. Строго говоря, это определение формально не точно, так как отдельные проявления системы четырех линий налицо иногда в маюкульных пошибах. Достаточно вспомнить многочисленные виды латинского унциала с уходящими под строку *p* и *c* и выдающимся над ней *h*. Речь, таким образом, идет о количественном различии, создающем, однако, и качественную разницу: в минускуле «хвостатых» букв больше, и хвосты больше. «Тельца» букв растянуты регулярно во всю ширину собственно строки, все возведено, так сказать, в систему и, взятое вместе, создает, несомненно, особую графическую картину. Однако, оттеняя совершенно основательно «четырёхлинейный» характер минускула, приведенное определение не содержит исчерпывающей характеристики минускульного письма как графического целого. Вменяя минускулу в заслугу «хвосты» (как дифференцирующий момент), забывают о тельцах букв, имеющих в минускуле формы, отличные от маюкульных. Мы не можем удовлетвориться определением, отрывающим от комплексного явления одну из его сторон, с тем, чтобы превратить его в самодовлеющую его характеристику вне связи с остальными графическими моментами.

Заслугой Гартхаузена является установление того факта, что греческий минускул IX в. — не что иное, как стилизованный ранневизантийский курсив, возведенный в степень книжного письма. К курсиву восходят, в конечном счете, и латинский минускул, и предшествовавший ему полуунциал. На семитической почве сирийские и арабские книжные почерки представляют в этом отношении разительную аналогию: и они являются стилизованным «четырёхлинейным» курсивом. Но у европейских минускулов есть еще одна общая черта с округлыми арабскими почерками: основу всех их составляет развитой лигатурный курсив.

Термин «курсив» прилагается к совершенно различным, по существу, графическим явлениям. Римское деловое письмо, письмо арамейских папирусов V в. до н. э. и новопунический алфавит обладают, несомненно, высокой степенью беглости: формы знаков упрощены, сокращены до того, что многие из них почти или совсем совпадают друг с другом. Тем не менее, всем этим видам графики лигатурность, по существу, чужда. Деловое письмо греческих папирусов эллинистического и римского времени в значительной мере лигатурно, но при всем том даже в наиболее лигатурных типах является лишь беглой передачей письма без лигатур. Наоборот, греческое письмо папирусов византийского периода представляет последовательное развитие лигатурного курсива. Таким же последовательным лигатурным курсивом являются деловое латинское письмо раннего средневековья, а на семитической почве — округлые арабские почерки. Развитый лигатурный курсив требует сочетания большой беглости с известной дифференцированностью буквенных форм. Античное (греческое) письмо с его исключительно четко дифференцированными основными формами букв было, пока оно исходило из этих последних, бессильно развить из себя курсив, отвечающий такому требованию. Оно должно было жертвовать, в той или иной степени, или беглостью, или

ясностью графики. Развитой лигатурный курсив отправляется уже не от геометрически четких форм, а следует своим собственным требованиям. Развитой лигатурный курсив уничтожает внутри строки детализацию (по вертикали) и угловатости. Он заставляет буквы с внутренними деталями расти за строку, создает выступы и длинные хвосты над и под ней, так что в строке остается только часть буквы, уже не детализированная. Далее, угловатости буквенных «телец», составляющих собственно строку, сглаживаются, заменяясь округлыми очертаниями, удобными для беглого лигатурного письма. Минускул представляет собою каллиграфически стилизованный развитой лигатурный курсив.

Если античное письмо в своих лигатурных пошибах являлось лигатурной передачей нелигатурного письма, то минускул, написанный взаимно не связанными буквами, был бы только лигатурной передачей лигатурного письма.

Данное определение минускула дает его графическую, но не функциональную характеристику. Однако без последней оно, конечно, не полно. Дать ее отнюдь не легко, поскольку с самого начала мы встречаемся здесь со своеобразным парадоксом. Развитой лигатурный курсив, стилизованной формой которого является минускул, свидетельствует, несомненно, о развитии письма в сторону беглости. Но развитой лигатурный курсив, «минускульный курсив Гартхаузена» — явление раннего средневековья, времени сужения экономического, политического и культурного размаха общественной жизни по сравнению с предшествующими столетиями античного периода. Обычное же объяснение «любого» курсива гласит, что его вызывает к бытию усложнение жизни общества.

Поскольку «универсальное» объяснение сразу же оказывается неприменимым, нам остается только обратиться к конкретному изучению процесса перерождения античной графики в средневековую в условиях социально-исторического развития.

III

Прежде, чем перейти к рассмотрению книжного и делового письма античности и раннего средневековья, необходимо остановиться на монументальном письме этих эпох, в котором движущие силы «феодализации» графики выразились с исключительной наглядностью и резкостью.

Противопоставление эпиграфики палеографии, основанное на различии материала, техники и, отчасти, содержания памятников, привело к полному разобщению в научном исследовании монументальной и книжно-деловой графики. В литературе можно встретить протесты против подобного рассечения единого явления письма. И, действительно, комплексное изучение монументальных, книжных и деловых пошибов как функционально различных видов одного и того же общественного явления должно оказаться весьма плодотворным для понимания каждого из них в отдельности.

Роль надписи в античном мире была совершенно иная, чем в позднейшие эпохи. Античная надпись являлась существенною формою письменного общения между свободными гражданами рабовладельческой демократии. В противоположность более аристократической рукописи, надпись, выставленная для всеобщего чтения, была тогда, при грамотности граждан, подлинным массовым видом письменности. Только огромным общественным значением надписи объясняется изумительное богатство и разнообразие сохранившихся до нас древних греческих и латинских эпиграфических памятников. Они представляют документы самого разнообразного характера: международные договоры, декреты, постановления, распоряжения государственных учреждений, правителей, муниципалитетов, коллегий, исторические, строительные, сакральные повествования, хроники, списки лиц, календари праздников, инвентари, отчеты, бесчисленные прославления отличившихся граждан, разнохарактерные посвящения, эпитафии и т. д. Расцвет, упадок и гибель античной надписи неотделимы от подъема, процветания и захирения рабовладельческой демократии: с концом последней кончается и античная эпиграфика. Связь демократии и надписи Ларфельд характеризует следующими словами, являющимися одновременно сжатым очерком истории греческой надписи: «Запись общественных законов

на камне стоит в тесной связи с укреплением демократии... Само по себе было чем-то необычайным, если административное постановление, которое могло иметь только преходящее значение, записывалось как закон. Но постановления греческих общин сохранились до нас в изобилии, в наибольшем количестве из числа всех государств от Афин, где жизнь граждан протекала преимущественно публично. С V в., времени Персидских войн и расцвета литературы, здесь, как и в других местах, возобладала склонность к графической фиксации на длительный срок. Народные постановления любого рода высекались в мраморе, а каменный архив Эллады получил свое начало. Кроме сакральных уставов и внешнеполитических определений, на камень наносились все события дня, представлявшиеся значительными демосу (например, снаряжение войска и флота)...

Убыль обнаруживается лишь в период Александра Великого, когда отдельные общины не обладали уже политическим значением. Зато возросли в несметном количестве почетные и проксенические декреты, которые составляли наибольшую часть уже более старых народных постановлений...

Больше всего расточение мрамора в эпиграфических целях обнаруживается в IV и III вв. Счетные документы и административные отчеты, инвентари храмов и корабельных арсеналов, списки военных и эфебов и т. д. писались на камне, и с охотой к письму расцвела словоохотливость, особенно в бесчисленных почетных декретах...

Постепенно, однако, примерно с 200 г. до н. э., обнаруживается движение в обратную сторону, и, наконец, поток сообщений на камне совершенно иссякает... Во-первых, уже смена греческих государственных форм римским административным организмом влекла за собою в большей степени, чем потеря греками самостоятельности при Александре, выпадение многочисленных надписей. Но интенсивную роль и почти полное исчезновение каменной письменности, становящейся все дороже на мраморе вследствие хищнической эксплуатации предшествовавших столетий, можно констатировать только начиная с позднего периода Римской империи. Она (убыль. — Ю. Я. П.) идет рука об руку с растущим объединением греческих общин и частных лиц».

Ссылка на истощение запасов мрамора, как на одну из причин окончательной гибели надписи, несостоятельна, поскольку надписи, если бы в них была нужда, писались бы на другом камне. А пример Италии, в которой, во всяком случае, мрамор не иссяк, но надпись, как общественно значительный вид письменности, все-таки погибла, убедительно показывает, что причина крылась исключительно в изменившихся социальных условиях, а материал тут ни при чем. В остальном же приведенное место из «Harbuch» Ларфельда является одной из лучших сжатых характеристик судеб античной надписи. Но если надпись цвела, хирела и умерла вместе с античной демократией, мы вправе ожидать, что и графика надписи, монументальное письмо, не осталась безучастной к превратностям судьбы этой последней.

В первой половине IV в. процесс образования единого греческого алфавита получил, в основном, свое завершение. Тесные торговые, политические и культурные связи материковых и островных центров греческого мира, сделавшие невозможным дальнейшее существование локальных алфавитов, привели к новому торжеству алфавита старого торгового города, малоазиатского города Милета, и с той поры милетский алфавит стал общепризнанным эллинским письмом. IV в. до н. э. был временем небывалого роста греческого рабовладения и цветущей порою покоящейся на нем демократии для свободных. Письменные памятники массового значения, монументальные надписи появились в колоссальном количестве, откликаясь на все явления кипучей общественной жизни. Монументальное письмо достигло высокой ступени графического и эстетического развития, сохраняя при этом деловую простоту и чистоту форм.

Оно находилось в полном соответствии с огромным значением письма, способствуя его максимальной эффективности. Наряду с основной монументальной графикой в Аттике, ввиду громадного спроса на надпись, стали применяться даже сокращенные написания отдельных знаков, являвшиеся, однако, не заимствованием из курсива, а специально

эпиграфическими сокращениями: неполными написаниями, контурами, половинками, отдельными черточками эпиграфических букв. Но с постепенным ростом числа сокращений отдельная сторона такого приема (совпадение сокращений различных букв) стала настолько ощутительной, что вызвала в первой четверти III в. до н. э. резкую реакцию, выразившуюся в изгнании усеченных форм.

После периода «эстетической» стилизации (вычурный излом вместо прямой черты, орнаментальные придатки и утолщения на концах черт), совпадающего с началом упадка греческого мира, монументальное письмо вступило в последнюю античную фазу своего развития, падающую уже на период Римской империи. Упадок рабовладельческого хозяйства, основы античной демократии для свободных, развитие феодализирующих процессов в обществе, постепенное расслоение свободных на будущих крепостников и крепостных, общее обнищание масс и аристократизация городского самоуправления и сосредоточение его в руках зажиточной верхушки — все это вело к отмиранию надписи как массового вида письменности, рассчитанного на свободных граждан, принимающих живое участие в общественной жизни.

С падением общественного значения надписи графическое оформление ее было предоставлено на произвол резчиков. Эпиграфическое письмо наводняется формами книжного, привычными для резчика еще со школьной скамьи.

Сама по себе унификация монументального и книжного письма, обособившихся с III в. до н. э., могла бы быть признана явлением прогрессивным, но дело в том, что об унификации никто и не думал. Хотя и существуют в достаточном количестве эпиграфические тексты, написанные почти или исключительно одними книжными буквами, остальная масса памятников отличается если не отсутствием книжных форм, то бессистемным употреблением их наряду с эпиграфическими. Эта беспринципность вырождающейся монументальной графики достигает своего апогея, когда архаизаторские потуги разлагающегося общества наполняют надписи старинными и мнимо-старинными знаками. Одряхлевшее античное общество в предчувствии неминуемого кризиса охотно возвращается даже в эпиграфике к формам давно минувших времен своей юности. Если эпиграфическая архаизация встречается и в более ранние периоды, то во II в. н. э. она становится обычным явлением. Наряду с воскрешением древних форм практикуется в широком масштабе искажение «под старинку» позднейших, путем замены в них округлых очертаний угловатыми. Архаизаторством занимаются даже придворные цезарей. Сановный оратор и педагог Ирод Аттик пользуется для надписей локальным аттическим алфавитом, отмененным более чем за пять веков до него, а придворная дама в свите путешествующего Адриана, Бальбилла, увековечивает на статуе Мемнона свои стихи на мертвом эолийском диалекте алфавитом с дигаммой. Одновременно с имитацией старины шло «творчество» новых форм или, точнее, безответственная игра с монументальным письмом. Затейливые написания знаков с асимметричными и разобщенными чертами, длинными оконечностями и разными придатками приобретают постепенно полное право гражданства. Вскоре появляются и чисто курсивные образования, как, например, *h* для *H*. При этом классические эпиграфические буквы не отменяются, а продолжают употребляться с архаическими, архаизированными и созданными заново, а также рукописными каллиграфическими и курсивными. Все это употребляется вперемешку, и в одной и той же надписи можно встретить буквы различных эпох и пошибов. Окончательный удар этой упадочной эпиграфике нанесло средневековье: закрепощение свободного земледельческого населения, подневольная организация ремесленников в городах, превращение городского самоуправления в тяжелую повинность означали конец массовой письменности на камне и полное вырождение эпиграфического письма. Надписи византийской поры, если не считать коротких легенд на предметах, сводятся почти исключительно к эпитафиям. Эпиграфическое письмо продолжает худшие традиции монументальной графики поздней империи и вырождается в вычурную имитацию книжного унциала, пересыпанную в изобилии неудобочитаемыми лигатурами и монограммами, начавшими учащаться еще в римское

время. Прекрасную характеристику этого заключительного момента в истории греческой надписи дает Рейнах в разделе о лигатурах своего сочинения: «У византийцев, как и у арабов, монументальное письмо, и особенно эпиграфика, стало разновидностью орнаментального и декоративного искусства... Мы видим, что в византийском обществе эпиграфика не отвечает больше политическим нуждам, что ее памятники не обращаются уже к массе и перестали говорить уму, с тем, чтобы поражать только взор».

В латинской эпиграфике мы наблюдаем процесс, аналогичный развитию греческой надписи. Правда, ранние периоды каменной письменности римлян представлены достаточно слабо, и латинская эпиграфика в полном объеме начинается для нас с середины I в. до н. э., но тем не менее ввиду необозримого количественного и качественного богатства памятников история ее и за один императорский период остается весьма поучительной с точки зрения нашей темы.

Монументальное письмо времени Августа, легкое и одновременно монументальное, в полном смысле этого слова, с простыми, чистыми, правильными формами, было для последующих поколений образцом графического искусства. Весь этот пошиб являет собой деловой подход к эпиграфике: в целях максимальной эффективности надписи, существенного фактора тогдашней общественной жизни, письмо отделялось тщательно, с установкой на четкость и привлекательность. Эпиграфический пошиб времени Августа является непосредственным продолжением великолепной монументальной графики позднереспубликанского времени, от которой до нас дошло, к сожалению, так мало памятников. Он сохраняется еще в цветущем виде в течение I и II вв., но уже во II в. явственно обнаруживаются в надписях традиции совсем иного порядка.

Монументальное письмо наводняется прихотливыми формами рукописного происхождения, с отогнутыми или капризно изогнутыми горизонтальными перекладинами, с непомерно разросшимися орнаментальными частичками вверху и внизу, приводящими даже к совпадению по форме различных букв. Эти и подобные им особенности надписей на камне являются результатом массового проникновения в монументальное письмо вычурной разновидности так называемого актового письма (характерного для документов на бронзе), насколько можно судить, варианта каллиграфического рукописного пошиба. Как и в греческом письме, эти «рукописные» формы чаще всего только примешивались к монументальным, и притом в разных количествах и с разной степенью курсивности. Подобное смешивание или сплошь «курсивизированное» письмо не могло, конечно, идти в сравнение с чистым типом монументальной графики, продолжавшей существовать наряду с ним. От III в. дошли уже попытки перенесения на камень унциального письма, бывшего в ту пору, вероятно, еще новым видом рукописной графики. Чем дальше мы отходим от цветущей поры рабовладельческого Рима (позднереспубликанского периода) и основанной на рабстве демократии свободных, тем явственней упадок общественного значения надписи, тем сильнее вырождение ее графики. Конец III в. характеризуется уже глубоким упадком каменной письменности, и с той поры грубость и небрежность исполнения, непоследовательность, причудливость и произвольность форм, склонность к заимствованиям у делового письма растут в угрожающем масштабе.

История гибели как греческой, так и латинской монументальной графики обнаруживает, в основном, один и тот же процесс. Четкое и простое письмо античности расцветает, искажается и вырождается с расцветом и концом надписи как массового вида письменности, неразрывно связанного с судьбами демократии. Четкое и простое письмо эпохи развитой рабовладельческой демократии, с ее потребностями в широком эпиграфическом выражении, сменяется постепенно искажением графики в период разложения рабовладельческого общества, развития в нем феодализирующих процессов и упадка его эпиграфической культуры: монументальное письмо раннего средневековья, эпохи окончательной гибели остатков демократии рабовладельческой, закрепощения прежних свободных и смерти демократической надписи, представляет уже картину полного вырождения. Если монументальное письмо было настолько тесно связано с античной

демократией, не вправе ли мы ожидать такой же зависимости между нею и другими видами письма, только, может быть, не столь резко выраженной, поскольку надпись была массовым видом письменности, равно как и курсивное письмо их повседневного обихода. Античность с ее государственными, общественными и частными школами, обеспечивавшими грамотность и культурность свободных граждан, представляет настолько разительный контраст с последующим феодальным периодом, с неграмотностью закрепощенных масс, а иногда и подавляющего большинства эксплуататоров, что представляется вполне обоснованным искать в этой противоположности рабовладельческой демократии и аристократического феодализма объяснение коренного различия между античным и средневековым рукописным письмом; иными словами, применить опыт анализа эпиграфического развития к изучению минускула как антипода древней графики.

IV

Рукописное греческое письмо становится нам известным только со второй половины IV в. до н. э., вернее, с его исхода, так как к более раннему времени можно приурочить только папирус с «Персами» Тимофея. От конца IV и начала III вв. дошел уже целый ряд греческих папирусов. Таким образом, наши наиболее ранние сведения о рукописной эллинской графике не восходят далее того времени, когда греческая письменность стала распространяться в завоеванном Александром Египте. Это значит, что о письме книг и грамот цветущей поры эллинского общества мы можем судить только по последним, и притом достаточно скудным, представлениям этого пошиба, переросшего вскоре затем в «птолемеевскую» графику. Все, чем мы располагаем от более ранних времен для суждения о доэллинистическом рукописном письме, сводится к более или менее беглым надписям на керамике и металле и отдельным курсивным формам в монументальных текстах. Но подобных косвенных и ненадежных форм, конечно, более чем не достаточно для реконструкции подлинного облика современной им рукописной графики, так что осторожнее ограничиться одними данными древнейших папирусов.

На какой же ступени развития застаем мы в этих последних рукописную графику? Наиболее характерными особенностями этого раннего письма являются следующие: 1) близость к монументальному пошибу, 2) отсутствие существенных различий между книжным и деловым почерками, 3) отсутствие настоящих лигатур в деловом письме. Книжное и деловое письмо оказываются не чем иным, как несколько беглой передачей пером и чернилами монументальной графики с сохранением даже таких ультраэпиграфических форм, как *E*, вскоре же совершенно вытесненных округлыми *c*, как более удобными для письма на папирусе. В деловом письме обращает на себя внимание сходство его с книжным: те же формы знаков, то же отсутствие лигатур, только буквы зачастую придвинуты плотно друг к другу. Архаичность раннего письма поражает папиролога-палеографа, никак не ожидавшего ее в эпоху высокого развития литературы и оживленной политической, общественной и хозяйственной жизни. Но такое изумление обусловлено переоценкой количественной стороны общественного развития доэллинистической Греции. Экономическая, политическая и культурная жизнь протекала в узких рамках небольших государств, и о широких размерах торговли можно говорить только применительно к масштабам самой Эллады. Иными словами, размах социальной жизни, который, в первую очередь, влияет на развитие беглости в письме, был еще далеко не велик. Это объясняет нам архаический характер древнейших образцов рукописных пошибов.

С того момента, как македонское оружие проложило широкий путь греческому купцу в страны древнего Востока, и создались крупные греко-восточные государства, рост денежного хозяйства, сложность правительственного аппарата, постоянные и частые сношения внутри обширных царств должны были неминуемо привести к увеличению спроса на письмо, к развитию беглых деловых почерков. С другой стороны, превращение в новых условиях литературной и научной книги в предмет широкого международного потребления,

рост потребности в ее размножении путем организованной переписки толкали на разработку более удобного книжного письма, чем имитация пером эпиграфических форм.

В III в. до н. э. греческое деловое письмо в Египте обходилось зачастую еще разрозненными, не лигированными буквами, что в предыдущий период являлось, по видимому, общим правилом. Но в III в. частная торговая инициатива была еще относительно слабо развита в птолемеевском Египте: широкое развитие ее падает на II и особенно на I в. до н. э. Если уже от III в. до нас дошли образцы очень беглых деловых почерков, то во II в. лигатурное письмо одерживает решительную победу. Лигатура была возведена в принцип, и там, где она почему-либо не могла быть осуществлена, писец охотнее, чем прежде, вставлял черточки-перемычки между знаками. Тем не менее птолемеевская лигатурная графика не позволяла еще лигатуре свободно распоряжаться буквами: она сближала знаки, но это не мешало внутри лигатурной строки отдельным ее звеньям сохранять известную самостоятельность. Когда же средиземноморский мир сложился в одно экономическое и политическое целое в рамках хищной Римской империи, и тогдашняя «мировая» торговля достигла наивысшего развития, деловое письмо выработало почерк исключительной беглости, связывающий знаки как только можно, принося в жертву лигатуре самостоятельность букв.

Но какой бы беглости ни достигало в отдельных почерках деловое письмо птолемеевского и особенно римского периода, книжный, каллиграфический пошиб сохранял старый тип, с самостоятельными буквами, не связанными между собой лигатурой. Только буквы стали круглее, ровнее и немного курсивнее. Иначе и не могло быть. Книга была рассчитана на массового читателя. Насколько охочи были до чтения даже египетские греки, вкрапленные в толщу туземного населения, показывают многочисленные находки литературных папирусов в захолустных местечках Египта. Написанная же лигатурным деловым письмом книга была бы недоступна рядовому свободному, обученному грамоте, главным образом, на простых, не связанных буквах. Античное книжное письмо было лишь каллиграфической формой элементарного школьного письма.

Наряду со школьным, каллиграфическим и деловым пошибом, различают еще индивидуальные почерки лиц, не бывших профессиональными писцами книг или актов. С такими почерками мы знакомы как по отдельным цельным документам, так и по припискам к актам, написанным рукой профессионального писца. Материал для суждения об индивидуальных почерках особенно богат для римской эпохи, и здесь мы наблюдаем греческую графику во всем ее социальном многообразии — от беглой, неразборчивой руки сановника, не утруждавшего себя чистописанием, в расчете, что вышколенные подчиненные разберут его почерк, каким бы беглым он ни был, и до простых, не связанных букв в элементарной школьной форме, в подписях обывателей, редко берущихся за перо.

Эта шкала градаций курсивности и связанности графики в индивидуальных почерках всегда весьма поучительна.

Дело в том, что и деловое письмо даже в римскую эпоху, в которую оно достигает в отдельных пошибах исключительной беглости, представляет такие же, только более стильные, выдержанные градации от почти книжных каллиграфических почерков в обособленными буквами через смесь лигатурного и нелигатурного письма к связному, бесконечно беглому и трудно читаемому курсиву. Эти вариации в деловом письме могут быть особенно хорошо прослежены во II в. н. э., для которого папирусный материал исключительно богат. До известной степени нечто аналогичное находим мы даже в книгах, поскольку некоторые произведения дошли до нас в копиях курсивным письмом, но здесь подобные отступления от принятого каллиграфического почерка были исключительными, терпимыми лишь в списках, сделанных для собственного употребления, или самых дешевых «изданиях».

Школьное письмо, которому обучали в школе, состояло из букв в их основной форме, без лигатур. На этих буквах учились чтению и письму, ими обычно писали всевозможные упражнения, ими же, только в каллиграфической форме, были написаны

книги, читавшиеся дома и в школе. Обучение лигатурному письму в начальной школе вряд ли шло дальше знакомства с самыми элементарными курсивами. Масса свободного греческого населения довольствовалась графикой, усвоенной в школе, с простыми, основными формами букв, не связывая их обычно между собой. Те, кому доводилось писать чаще, приобретали большой навык в курсиве и примешивали к своему нелигатурному письму в той или иной степени лигатурные сочетания. Наконец, лица, вынужденные обстоятельствами писать много, напрактиковавшись в беглом письме, охотно связывали все, что могли, лигатурой, экономя тем самым время и труд. Профессиональные деловые пошибы представляли также более стильный, вышколенный вид курсива, также с различными степенями лигатурности, в зависимости от того, насколько писец старался приблизиться к нелигатурному письму и каллиграфическому пошибу. В обществе, где большинство грамотных пользовались простыми, основными формами письма, и переход от этих последних к лигатурному курсиву осуществлялся конкретно в массовых нелигатурных почерках, лигатурный курсив не мог свободно развиваться: он слишком тесно сплетался в этом обществе с графикой без лигатур, чтобы развиваться в обособленный от нее вид письма. Недоразвитый лигатурный курсив античности в последней инстанции оставался зависимым от основных форм, был лишь лигатурной редакцией нелигатурной графики, в противоположность развитому лигатурному курсиву средневековья, конструировавшемуся сообразно своим собственным принципам лигатурного письма. Типологическое единство всех видов письма составляет сущность античной графики.

С концом рабовладельческой демократии, с катастрофическим падением грамотности в обществе и превращением письменности в аристократическую привилегию кучки крепостников или примкнувших к ним общественных прослоек характер графики должен был резко измениться. Уже в III в. н. э. в деловом письме ощущаются предшественники новой фазы развития графики. Несмотря на прогрессирующий упадок и хаос в экономической, социальной и политической жизни империи, деловой пошиб начинает совершенно неожиданно для такой общественной ситуации проявлять сугубо курсивные тенденции. Для многих почерков этого времени, начиная с конца II в. н. э., характерен наклон знаков вправо: рука писца, как бы обгоняя самое себя, нетерпеливо спешит вперед. Не менее показателен и рост по вертикали отдельных знаков. Многие писцы охотнее прежнего избегают «кропотливого» написания *B*, буквы с внутренней детализацией, относительно небольших размеров: их *B* зачастую высывается далеко за строку. То же происходит с вертикальными чертами, которые расхोлившейся руке удобно было проводить, не стесняясь их длиной. Перед нами первые зачатки развитого литературного курсива, зародыши минускульной графики. Но раньше, чем стать развитым лигатурным курсивом, деловое письмо должно было еще сбросить с себя зависимость от основного, школьного типа письма. Эта «эмансипация» произошла в IV в.

Отмеченные особенности деловых греческих почерков III в. знаменуют начало отхода от античной традиции в сторону сведения особой курсивной графики, не зависимой от элементарных письменных форм. Это свидетельствует об упадке письменной культуры среди свободных, при начинающемся распаде той реальной общественной связи в виде массовых посредствующих почерков, которая существовала между лигатурным курсивом и простым письмом большинства грамотных людей. Но не только закрепощаемые массы отходят культурно от писца, предоставляя его и его почерк самим себе: писец, как и они, только иным образом, подпадал под влияние нового формировавшегося класса крепостников.

В канцеляриях крупных сановников римского Египта уже во II в., а может быть, и раньше, писали особым пошибом делового письма, так называемым канцелярским письмом, имеющим, при тщательности отделки и неразвитости лигатуры, много общего и с каллиграфическим дуктусом. Это чопорное, строго выраженное письмо с большими прямыми буквами, производящее впечатление решетки из вертикальных черт, следующих друг за другом в иератической, торжественной монотонности, было призвано придать

в глазах подчиненных импозантную внешность грамотам сановников. По мере того, как вельможи и остальные их социальные сородичи, крупнейшие землевладельцы из верхней прослойки рабовладельцев, перерастали в господствующий класс крепостников, а свободные граждане превращались в бесправных крепостных, деловое письмо все более выходило из зависимости от умирающей массовой письменности, теряло демократическую простоту и подпадало под влияние нарочито стилизованного и «велеречивого» письма господ. В III в. мы наблюдаем уже во многих почерках определенную зависимость от «канцелярского» письма. Но античная демократия еще была жива в III в., и только в середине IV в., с торжеством крепостничества, канцелярское письмо могло стать на место простого античного курсива. Этот последний исчезает, и деловое письмо становится лишь курсивной передачей канцелярского пошиба, а не элементарных основных форм школьного письма. Стремление канцелярского письма к внешней импозантности получило в новом деловом пошибе дальнейшее развитие: буквы пишутся куда больших размеров, чем в скромном деловом письме древности, с исполинскими росчерками и петлями. Но не это пристрастие к пышным размашистым формам составляет интимнейшую сущность деловой графики IV в. и особенно следующих столетий — сущность этих почерков заключается в их минускульном характере.

В обществе, где основную массу населения составляли неграмотные крепостные крестьяне и подневольные ремесленники, не могло уже быть речи о народной письменности. Лигатурный курсив не сплетается уже в этом обществе с нелигатурным элементарным письмом. Те, кто теперь стали писцами, были, как правило, люди высокотренированные в письме, еще в ранней юности отошедшие от элементарных школьных форм, привилегированные грамотеи феодализирующегося общества. Под их рукою лигатурный курсив, не связанный уже общественно с нелигатурным письмом, развивается, естественно, в сторону максимального удобства для пишущего. «Кропотливая» детализация внутри строки уничтожается путем систематического вынесения частей букв над и под строку и округления в них угловатости. Такое деловое письмо не является уже лигатурным написанием основных нелигатурных форм: его структуру определяют требования связанной скорописи. Так разрабатывается развитой лигатурный курсив, минускульный курсив, по терминологии Гардтхаузена.

Аристократизация курсива отвечала аристократизации книжной графики. Античная книга, рассчитанная на широкого читателя, пользовалась ясным и четким письмом с отдельными буквами, которые, конечно, только и были пригодны для рядового свободного грека, обученного в школе, кроме них, в лучшем случае, только начаткам лигатурного письма. Характерной особенностью древнегреческой книжной графики являлось замечательное умение сочетать четкость, предполагаемую массовым назначением книги, и быстроту написания отдельных букв, обусловленную размерами спроса на книгу, которая, к тому же, не должна была быть слишком дорогой.

С закрепощением народных масс, с падением грамотности, сужением литературных и научных интересов спрос на книгу должен был катастрофически снизиться. Книга становится достоянием привилегированных, и притом в небольших количествах. Скромная внешность папирусного свитка, этой ходкой демократической книги античности, заменяется пышным великолепием пергаменных кодексов. Пергамен тончайшей выделки, иногда окрашенный в пурпур, в покрывающих, осыпанных драгоценными камнями, становится носителем соответствующего ему по великолепию унциального письма, выводившегося, к тому же, в пурпурных кодексах золотыми и серебряными чернилами. Унциальное письмо, в основе которого лежит стремление к абсолютной равномерности знаков, достигало под пером вышколенных виртуозов-каллиграфов действительно изумительной правильности и выдержанности. Рукописи, изготовленные подобными мастерами графики, были, конечно, менее всего рассчитаны на широкий круг покупателей. Те немногие, которые могли их приобретать или заказывать, обращались с ними почти как с сокровищами. Крепостническая аристократия требовала для своей книги, прежде всего, роскошной внешности, и

великолепное унциальное письмо сполна отвечало этой потребности. Наряду с пышными «изданиями», предназначенными для знати, существовали, конечно, и более дешевые, но их письмо, в общем и целом, представляло только второстепенную редакцию того же унциала господствующего книжного письма господствующего же класса. Первые определенные предшественники этого мучительно выдержанного письма датируются III в. н. э., временем зарождения нового эксплуататорского класса, подобно тому, как к III же столетию относятся и первые проблески минускульного курсива в деловом письме. В IV в. и отчасти V в. унциальные формы, при всей своей искусственности, отличаются еще достаточной простотой, в противоположность тяжелой роскоши следующих столетий. По существу своему, однако, унциал был только утрированной каллиграфической редакцией демократической графики, графики не лигатурной, рассчитанной на массового читателя. С утверждением нового общественного строя такое письмо с отдельными буквами, как унциальное, являлось уже, в сущности, пережитком предшествующей эпохи. Тренированные грамотеи средневековья, в узком кругу которых замкнулась теперь книжная письменность, могли обходиться и более удобным для пишущего видом графики, подчищенным лигатурным курсивом. Но пока длился процесс умирания рабовладельческого строя в недрах крепостнического общества, пока культура древности тяготела традиционным образом над идеологией нового общества, громоздкая редакция античной графики, унциальное письмо, продолжала влачить свое существование.

Со вступлением процесса феодализации в заключительную фазу и соответственным ослаблением влияния пережиточной античной цивилизации на византийскую создавалась почва для реформы книжной графики. После глубокого упадка литературы в VII в. вырисовывается постепенно новая пора ее подъема. Это становится особенно заметным в IX в., когда вокруг открытой в Константинополе высшей школы группируются представители феодальной учености. Оживление письменности выдвинуло в VIII–IX вв. требование на более удобную графику, чем кропотливый унциал. Тогда обратились к деловому письму, подчистили его и перенесли в книгу. К VII–VIII вв. деловое византийское письмо завершило свое развитие: теперь оно являлось вполне развитым лигатурным курсивом, свободным от детализации и угловатостей внутри строки, с длинными надстрочными и подстрочными «хвостами» и округленными «тельцами» букв. В конечном итоге, в качестве нового книжного письма выбрали наиболее четкий, прямой и одновременно мелкий почерк делового пошиба, хорошо известный нам из папирусов начала VIII в., стилизовали его, и новое книжное письмо, минускул, был готов. Древнейшая датированная минускульная рукопись относится к 835 г., но уже в X в. победа минускула над старыми унциалами была решена бесповоротно. В X и XI вв. унциал сохранялся еще по традиции, главным образом, в богослужебных книгах, но в это время он был уже чисто искусственным письмом.

К XII в. унциальные рукописи совершенно прекращаются: в дальнейшем унциал (?) сохраняется в книгах лишь в виде орнаментального письма для заголовков. Великолепные минускульные рукописи IX–X столетий не уступали лучшим унциальным по внешней красоте: одновременно лигатурный, беглый минускул представлял бесконечно большее удобство для опытного писца, чем унциал. По сравнению с этим последним, не говоря уже о школьном и книжном письме античности, минускул невыгодно отличался трудностью овладения его лигатурно-курсивной графикой, как в отношении чтения, так и в отношении письма. Но для привилегированных искушенных грамотеев все это не представляло никаких трудностей и сторицей искупалось удобствами письма. Для человека же, не прошедшего длительного курса обучения, не приобретшего в минускуле навыка путем долгой и постоянной практики, этот последний представлял исполинские трудности для его понимания и усвоения. Минускул вполне отвечал потребностям и возможностям верхов феодального общества, был их классовым, аристократическим письмом, не доступным угнетенным массам.

Чрезвычайно любопытную антитезу истории византийской графики представляют

судьбы того же греческого письма у туземного населения Египта. Коптское письмо представляет собою греческий алфавит с добавлением для звуков, отсутствовавших в греческом, пяти или шести специальных букв, полученных путем стилизации из соответствующих знаков старого туземного письма — демотики, и одной графемы для слога «ти», также демотического происхождения. Древнейшие образцы коптского письма восходят ко II в. н. э., но расцвет коптской письменности падает на раннее средневековье. Зависимость коптских пошибов от греческих в отношении образования форм несомненна¹, но также несомненно и своеобразие коптской графики. Характернейшая особенность этой последней, по сравнению с греческой, кроется в слабом развитии в ней лигатур. Деловое коптское письмо достигает в некоторых папирусах значительной степени связанности и беглости, но наряду с такими почерками в огромном количестве текстов представлены деловые почерки совершенно иного вида, нелигатурные, с отдельными буквами. Еще существенней для нашей темы то обстоятельство, что книжное коптское письмо от раннего средневековья и до наших дней было и остается унциальным письмом, без лигатур. Греческое письмо на коптской почве так и не дало минускула. Чем же объясняются эти коренные отличия от византийского пути развития? Туземное египетское население в раннее средневековье распадалось, в основном, на крепостных, мелких свободных производителей и монахов. Господами в стране были иноземцы: византийцы и затем арабы, давившие в различной степени на все слои туземного населения. Деловое коптское письмо разрабатывалось не в государственных канцеляриях, не писцами высокой квалификации. Писали им, в первую очередь, скромные деревенские, городские и монастырские писцы, не искушенные в беглом, но замысловатом лигатурном курсиве своих привилегированных греческих коллег. Значительной массе коптских писцов приходилось довольствоваться элементарным письмом с отдельными буквами, и только некоторые, хотя и достаточно многочисленные, грамотеи овладевали в той или иной мере беглой лигатурностью византийского делового пошиба, перенося ее и в свой туземный вариант греческой графики. Аналогичными причинами обуславливалась и «архаичность» книжного письма. Образованный слой приниженого коптского населения не мог, понятно, стоять на той же культурной высоте, что и привилегированные византийские грамотеи. Если отдельные туземцы и владели в совершенстве греческим минускулом, то для остальных грамотных коптов-читателей, а, вероятно, и переписчиков, он представлял бы, надо думать, величайшие трудности для понимания и усвоения. Этим объясняется сохранение коптами для своей книги унциального письма с отдельными, но лигированными буквами. При этом характерно, что «коптский» унциал — далеко не то же, что классический византийский, изысканное и прихотливое письмо знати. Если до нас и дошло значительное количество образцов унциальных коптских рукописей в византийском стиле, то характерный «коптский» (?) унциал, по всей вероятности, — не что иное, как «канцелярское письмо, превращенное в книжное». Помпезная каллиграфия византийского унциала была не по средствам коптской книге.

Изложенное понимание истории греческой графики в древности и в раннее средневековье позволяет нам быть краткими при обзоре процесса «минускулизации» в латинском письме. Как отмечено было в начале статьи, памятники римских книжного и делового пошибов сохранились более чем в скудном количестве, и только аналогия греческого письма позволяет должным образом оценить то немногое, что уцелело.

Папирусный фрагмент, найденный в Геркулануме и содержащий отрывок поэмы, посвященный битве при Акциуме, может служить нам прекрасным образчиком графики рядовой латинской книги в относительно цветущую еще пору римского общества (папирус датируется временем между 31 г. до н. э., годом битвы при Акциуме, и 79 г. н. э., годом разрушения Геркуланума извержением Везувия). Перед нами письмо, сочетающее в себе изумительным образом легкость линий и большую беглость с чрезвычайной четкостью

¹ Были попытки использовать в качестве книжного письма наклонный и более крупный деловой почерк, но они не имели прочного успеха.

форм. Лигатуры нет и в помине: знаки разделены значительными промежутками, а слова даже точками; формы букв угловатые, резко индивидуальные, позднейшая унциальная округлость, несмотря на всю беглость графики, совершенно отсутствует.

Римское деловое письмо чернилами в первые три столетия н. э. как в папирусах, так и на твердых поверхностях отличалось от делового греческого слабым развитием лигатуры. Тем не менее, многие знаки поражают своей упрощенностью, доходящей до совпадения различных по значению форм: курсивные *B* и *D* обычно далеко отходят от монументальных и книжных написаний. Во многих почерках обращает на себя внимание непомерная длина по вертикали значительного количества букв: эта особенность, хотя и не имеющая ничего общего с надстрочными и подстрочными отрезками развитого лигатурного курсива, выброшенными за недетализируемую связную строку, заполненную во всю высоту «тельцами» букв, свидетельствует о скорости и размашистости руки, «не располагающей временем» на выписывание детализированных букв таких же небольших размеров, как и недетализированные. При всем этом латинский курсив являлся беглым написанием монументальных книжных форм: иногда его справедливо называют «капитальным» курсивом — по родству его с капитальными формами букв. Несмотря на то, что римский курсив, нелигатурный по существу, поддавался бесконечно легче усвоению, чем лигатурный греческий, мы находим и на латинской почве градацию почерков от элементарного школьного пошиба, с выписанными основными формами, и до чрезвычайно беглых, с едва намеченными знаками.

В этом отношении особенно поучительны помпеянские граффити, дающие в изобилии образцы сосуществовавших одновременно массовых почерков.

Пока существовала народная письменность, пока курсивная графика была общественно связана с основными элементарными формами и не могла от них оторваться, до тех пор в латинском деловом письме не могло быть речи о развитии лигатурного курсива. Однако в IV в., с закрепощением прежних свободных и концом рабовладельческой демократической письменности, картина резко меняется. Если древнее римское деловое письмо далеко отставало от современного ему греческого в отношении лигатуры, то теперь оно с изумительной быстротой нагоняет своего восточного собрата. При этом трансформация идет в определенном направлении: не по линии простого лигирования старых знаков, а в сторону развитого лигатурного курсива. Латинское деловое письмо IV и особенно VI вв. представляло такой же минускульный курсив, как и византийское: с лигатурной строкой, свободной от внутренней детализации по вертикали и угловатостей, с длинными отрезками вверх и вниз и округленными «тельцами» букв. Латинский минускульный курсив IV–VI вв. настолько напоминает современный ему греческий даже во второстепенных моментах, что невольно напрашивается мысль, что общим тенденциям западного и восточного курсива в эту эпоху позволила оформиться одинаковым образом тесная связь, в которую вступила на почве Византии римская государственность с поздним эллинизмом.

В этот период в книжной латинской графике возобладали ультракаллиграфические пошибы, подобные греческим. Латинская книга развивает теперь максимальную помпу в материальном плане (тонкий пергамен) и оформлении. Утрированная каллиграфия выливается в ряд кропотливых пошибов: капитальный квадратный, имитирующий монументальную эпиграфику, капитальный рустический, подражающий так называемому «актовому» письму древности, письму античных каллиграфических книг и документов на папирусе, засвидетельствованному также на металле и в более беглых надписях, и круглый унциальный — подлинное книжное письмо начинающегося средневековья, — восходящий еще к III в. н. э. Эти изысканные и пышные пошибы, примененные с исключительным мастерством, со строгим соблюдением равномерности и выдержанности графической картины должны были служить внешнему великолепию книги господствующего класса — крепостнической аристократии. Но при всем том перечисленные виды книжного письма, даже самый беглый из них — унциал, оставались только

каллиграфической утрировкой старого демократического письма с отдельными буквами.

Отмирание античности на Западе шло куда быстрее, чем в Византии, соответственно, и власть традиционной античной культуры, в частности, ее письменность, над идеологией рушилась здесь быстрее, чем на Востоке. И вот уже в V в. появляются книги, написанные буквами, почти сплошь совпадавшими по своему типу с написаниями развитого лигатурного курсива, хотя и стилизованными еще по возможности под унциал. Это письмо, полуунциал, который иногда называют докарolingским минускулом, можно было бы считать заключительной фазой «минускулизации» графики, если бы не известная робость его минускульных проявлений под влиянием унциального пошиба. Смешанный тип книжной графики, соединение каллиграфических и книжных форм мы находим еще в III в. н. э. В остатках папирусной рукописи Ливия (дешевом издании или копии для собственного употребления, вроде древнегреческих курсивных книг?), но здесь еще не может быть речи о минускуле. Полуунциал же в случае большинства букв избегает вертикальной детализации и угловатости внутри строки путем выведения надстрочных и подстрочных и округления «телец» знаков во всю ширину строки. Зависимость полуунциала от унциала выражается в случаях внутристрочной детализации знаков, не вполне, впрочем, изжитой и в позднейших написаниях, а также в сохранении существенной доли напряженной равномерности в графической картине и в значительном предрасположении к разобщенности знаков.

Если отвлечься от этих второстепенных элементов, то в лице полуунциала мы имеем уже подлинное минускульное книжное письмо. Так, одна из форм каллиграфической стилизации развитого лигатурного курсива, карolingского минускула IX в., явилась только наиболее удачным продолжателем минускульных традиций в книжной графике средневековья, нашедших свое продолжение уже в полуунциале. На долю карolingского минускула выпала и окончательная победа над пережиточными видами маюскульного письма. Остановиться на истории образования карolingского минускула, ввиду сложности ее, требующей специальных занятий, у автора нет здесь возможности, как это и было отмечено в начале статьи.

Карolingский минускул явился результатом графического развития периода раннего средневековья, времени аристократизации письменности, и даже в случае полной отдельности букв был, по существу своему, нелигатурной стилизованной редакцией развитого лигатурного курсива. Сохранил ли он отпечаток аристократичности, лежавшей на нем в момент возникновения, и после превращения его в печатный шрифт?

Ответ на это может дать только всестороннее изучение дальнейшей истории минускула и его современного использования в школе, печати, графической практике. Здесь же я позволю себе лишь обратить внимание на то, что основная черта минускула — результат его происхождения из развитого лигатурного курсива, обезличенность букв, неопределенность, ненаглядность, слабая дифференцированность их очертаний, сохранилась, в сущности, нетронутой в латинском шрифте до наших дней. Достаточно сравнить между собой хотя бы формы целого ряда букв, чтобы эта особенность печатного минускула стала очевидной. Отличие в данном пункте феодального минускула от античного маюскула окажется с достаточной ясностью не в пользу первого, если мы сопоставим хотя бы несколько пар букв с соответствующими маюскулами. Это хорошо проиллюстрировало бы общую обезличенность, ненаглядность и неопределенность очертаний минускульной латинской графики. Искушается ли этот недостаток минускульного письма какими-нибудь другими свойствами, позволяющими пренебречь отмеченными явлениями, — ответить на это — дело будущих исторических и практических исследований.

V

Наш обзор тысячелетнего развития греко-римской письменности, от античной графики к феодальному минускулу, был бы неясен без учета сходных процессов в семитическом алфавитном письме, протекавших одновременно с трансформацией классической графики и в том же средневековом мире. В начале статьи уже говорилось

о важности параллельного изучения античной и семитической письменностей в методологическом отношении, и были отмечены те трудности, которые стоят на пути такого изучения в связи с неразработанностью социальной истории древнего и средневекового Востока. К этому следует еще добавить, что значительные трудности создает еще и отсутствие сколько-нибудь разработанной палеографии семитических письменностей интересующих нас периодов. Поэтому в настоящей работе нам придется ограничиться констатацией (?) и посильным объяснением основных сходств и различий в истории обеих групп древних алфавитных письменностей и попыткой наметить общий ход графического развития семитических алфавитов под углом зрения нашей проблемы. Во избежание недоразумений я должен здесь оговориться, что, сравнивая графическую историю семитического и античного алфавитов, я имею в виду не внутреннее развитие той или иной отдельной семитической письменности, а общее развитие всех семитических письменностей в целом, слагающееся из последовательных видов национальных письменностей. Исследования проф. В. В. Струве в области древневосточной истории все с большей убедительностью вскрывают огромную роль рабского труда в хозяйстве древних переднеазиатских и африканских обществ, и мы можем с большой вероятностью говорить о сиро-палестинских государствах и Карфагене, как о подлинных рабовладельческих обществах. Насколько позволительно судить на основании доступного материала, общественный строй не только рабовладельческих царств, но и карфагенской республики², отличался значительно более аристократическим характером, нежели строй греческого и римского обществ после окончательного перехода их на рельсы рабовладельческого хозяйства. Прочное господство в древневосточных царствах и республиках аристократической верхушки над остальной массой свободных, естественно, понижало общественную и культурную активность последней и не могло способствовать широкому распространению таких массовых видов письменности, как античные книга и особенно надпись, вызванные к жизни общественной активностью и культурными запросами свободных масс рабовладельческих демократий. Это различие между древним Востоком и классической древностью находит, конечно, свое выражение и в истории графики. Если в греческом и римском обществах письмо сохранило облик четких и отдельных букв, а с развитием делового курсива противостояло ему до известной степени, как специфический вид графики, по необходимости каллиграфически ясный в силу своего массового назначения, то развитие древнесемитических алфавитов представляет в отношении сосуществующих графических типов куда более однородную картину. Различия в беглости, к которым, в сущности, сводятся все типологические различия внутри античных письменностей, в случае древнесемитического монументального, книжного и делового пошибов были настолько несущественными, что все они вместе представляются одним графическим потоком при ведущей роли делового пошиба, несоизмеримо более актуального в аристократических древневосточных обществах, чем все остальные.

При изучении функциональных типов древнесемитической графики мы сталкиваемся с существенной трудностью в виде скудости, а зачастую и полного отсутствия образцов книжного и делового письма чернилами на мягких материалах, но это препятствие все же не представляется непреодолимым, и отмеченная однородность пошибов позволяет и по эпиграфическим памятникам реконструировать с достаточной определенностью цельную картину графического развития.

От крупнейшей рабовладельческой республики восточной древности, Карфагена, и туземного населения римской Африки до нас дошли многочисленные надписи на камне и сравнительно очень немногочисленные записи чернилами, короткие тексты, нанесенные на предметы. В граффити мы находим более беглые формы, чем в одновременных монументальных текстах, встречаемся с отдельными случаями лигатур, но, тем не менее,

² За исключением самого позднего периода ее истории, как на то обращает мое внимание проф. В. В. Струве.

письмо каменных надписей воспроизводит с полной ясностью основную линию развития беглого письма, будучи, по существу, лишь перенесенным на камень курсивом. Пунический алфавит, письмо богатой и могущественной рабовладельческой республики, обнаруживает в надписях все черты размашистой беглой графики. Эта особенность пунического алфавита становится особенно заметной при сравнении его с более ранним и степенным видом того же письма — финикийским. Пуническое письмо обслуживало куда более сложную и развитую хозяйственную и государственную жизнь, чем финикийское в старом Тире и Сидоне, и писать им приходилось быстрее и чаще. Когда же в последние столетия до н. э. Карфаген и завоеванная римлянами Африка включились в условия все возраставшего географического охвата эллинистического и римского мира и в подлинно мировую по тогдашним масштабам торговлю, из прежней пунической графики развился значительно более беглый новопунический дуктус, воспроизведенный, опять-таки, вскоре каменными надписями эпохи. Последнее тем более характерно, что новопунический алфавит представляет собою крайнюю степень курсивности. Камень передает эту скоропись в обличи типично чернильной графики, притом настолько беглой, что прежде различные, а теперь стершиеся от быстрого письма формы зачастую сливаются в одном начертании. Развитие финикийского письма в пуническое и затем в новопуническое, прослеживаемое на эпиграфическом материале, наглядно показывает, что графика надписей только воспроизводила формы делового письма. Если же наиболее консервативный вид письма, монументальный, повторял, лишь в более строгом начертании, курсив, то книжное письмо, конечно, не могло отличаться ничем существенным от этого последнего. Такое положение в каллиграфическом, монументальном письме характерно: никакого специального пошиба для надписей и книг, существенно отличного от беглого письма деловой жизни, не существовало, поскольку надпись и книга не имели у пунов того широкого массового назначения, которое было свойственно им в греко-римской античности. Монументальная и книжная графика плетутся в хвосте делового письма, которому и принадлежит ведущая роль. Можно говорить лишь о хронологическом отставании первых от последнего³. Но если олигархическая карфагенская республика и подневольная римская Африка не представляют собой пунической демократии в античном смысле, то все же нельзя забывать о привилегированном положении свободного туземного населения, противостоящего классу непосредственно или косвенно эксплуатируемых им рабов. У нас нет поэтому никаких оснований представлять себе основную массу свободного пунического населения неграмотной: напротив, постоянное участие, хотя бы в ограниченной мере, в политической и общественной жизни при развитости денежного хозяйства позволяет предполагать широкое распространение грамотности. И действительно, мы находим не только в пуническом, но и в новопуническом письме господство самостоятельных, не связанных лигатурой буквенных форм, пускай уже сильно упрощенных графически, но, тем не менее, приспособленных даже для простого лигатурного письма, не говоря уже о развитом лигатурном курсиве. Знак может сокращаться до какой-нибудь запятой, черточки, крючочка, крестика, как мы это видим в новопунической графике, и, однако, обычно никак не связывается с другими и никогда не образует с ними связанной лигатурной строки. Перед нами явление, во многом напоминающее античный курсив, особенно латинский, и прекрасно объясняющее, по аналогии с классической древностью, применение письма широкими массами свободных. Эти последние обучались раздельным, самостоятельным буквам, затем, в зависимости от обстоятельств, один писал больше и быстрее, другой меньше и медленнее, передавая, соответственно, с той или иной степенью беглости и самые начертания знаков. Об образовании в деловом письме развитого лигатурно-курсивного пошиба в условиях такой массовой письменности не могло быть и речи.

Аналогичное положение находим мы и в восточном эквиваленте пунического

³ Возможно, что сохранение на некоторое время более ранних и четких форм букв в качестве монументального и книжного письма объясняется известной демократичностью позднего Карфагена. Новопуническая скоропись восторжествовала в надписях после падения Карфагенской республики.

письма — арамейском алфавите. Если первоначальные формы последнего мало чем отличаются от древнепалестинского и финикийского пошиба, то превращение арамейского письма в ассирийской, нововавилонской и, особенно, персидской империях в международное деловое письмо восточного Средиземноморья сказалось в максимальном упрощении его графики. Распространение арамейского алфавита шло параллельно с ростом торговых связей в Передней Азии, сплачивавших ее в одно целое. Богатая деловая письменность на папирусе, развившаяся с ростом денежного хозяйства, требовала быстрого и удобного дуктуса, и арамейские папирусы V в. до н. э. обнаруживают уже богатую беглость и стертость графических форм.

Как и в новопуническом алфавите (хотя в несколько меньшей степени), формы некоторых знаков настолько нивелированы, что почти или совсем совпадают друг с другом. Тем не менее, арамейское письмо в том виде, в каком оно предстает перед нами в папирусах V в., еще не лигатурное: за исключением отдельных случаев тесного сближения букв, знаки, как правило, отделены друг от друга четкими промежутками. Таким образом, в эпоху роста денежного хозяйства семитический алфавит, как в своем западном (пуническом и новопуническом), так и в своем восточном (арамейском) ответвлении, не обнаруживает никаких тенденций к развитому лигатурному курсиву. Было бы соблазнительно такую «консервативность» арамейского письма объяснять также относительно большим распространением грамотности в тех слоях свободного населения персидской империи, которые пользовались этим письмом. С другой стороны, отсутствие античной демократичности внутри господствующего класса, в общественных взаимоотношениях свободных, мешало, как и на пунической почве, сохранению и дальнейшему развитию надписью и книгой специальных, нарочито четких видов графики, рассчитанных на широкого массового читателя. Арамейская надпись и книга не могли иметь того общественного значения, которое каменная письменность и литература приобрели в античной рабовладельческой демократии при широких общественных, политических и культурных возможностях свободных масс. Но если арамейская надпись и книга не имели большого общественного значения, то и графика их, соответственно с этим, должна была плестись в хвосте у письма, имевшего такое значение в условиях сложной экономической, юридической и административной жизни, — в хвосте у делового письма. Поэтому монументальная и книжная арамейская графика являлась, в сущности, таким же перенесенным на камень и в книгу деловым курсивом, как и письмо новопунических надписей.

Подъем международной торговли в новых расширенных рамках греко-восточного мира и затем Римской империи должен был отразиться и на письме восточно-семитических народов, втянутых во всепрогрессирующий обмен. Квадратное еврейское письмо, выработавшееся в последние столетия до н. э., являет собой дальнейшую ступень курсивизации арамейского алфавита. Хвосты ряда знаков, в арамейском письме заходившие еще намного ниже нижних частей других букв и тем самым далеко отводившие перо пишущего от последнего знака, загибаются на уровне нижних оконечностей букв, не заходящих под «строку», так что концы хвостов приходятся уже совсем близко к следующим буквам, и графический переход от знака к знаку значительно облегчается. Однако в квадратном еврейском письме, как в его монументальном, так и в книжном виде, действительное лигирование букв путем сращения хвоста предшествующего знака с первой чертой последующего составляет еще только частное явление. Как обстояло дело с деловой разновидностью этого письма в интересующий нас период (последние века до н. э. — первые века н. э.), судить довольно трудно за отсутствием соответствующих конкретных материалов. Основываясь на дедуктивных выводах из позднейшей истории еврейского письма, можно считать, что деловая разновидность вряд ли отличалась чем-нибудь существенным от монументальной и книжной. Протосирийское письмо, представленное вообще более чем скудно, кажется, недалеко ушло от квадратного в отношении лигирования знаков, и аналогичное положение находим в подавляющем большинстве пальмирских

надписей, а также в ранней набатейской эпиграфике, развивающей, однако, вскоре затем более беглые виды письма. Но и в более поздних набатейских надписях употребление лигатуры не достигло еще тех размеров, какие оно приобрело в позднейшей сирийской графике, хотя, тем не менее, постепенное усиление лигатурности набатейского письма за первые столетия н. э. несомненно. Характерно, что в пальмирском алфавите стремление к беглости было свойственно только одному пошибу, тогда как другой его пошиб продолжал употреблять сравнительно детализированные буквы. Оба пошиба изучались по эпиграфическим памятникам, но можно думать, что первый из них представляет деловой, а второй — книжный пошиб. Что в Пальмире, этом средоточии восточной торговли поздней Римской империи, мог развиваться очень беглый деловой дуктус, очень понятно. Но чрезвычайно показательно (если справедливо мнение о книжном происхождении второго эпиграфического пошиба), что даже в эту эпоху упадка древнего общества книга сохраняет и разрабатывает хотя и вычурный и приукрашенный, но все же достаточно детализированный вид графики. Употребление же для монументальных надписей одновременно двух различных и притом не эпиграфических, почерков лишний раз указывает, насколько незначительна была на семитическом Востоке роль надписи, как массового вида письменности, по сравнению с греко-римской древностью.

Двойственность пальмирского алфавита как бы отражала последние малоудачные потуги древневосточной рабовладельческой «полудемократии» сохранять сравнительно детализированную графику наряду с курсивностью. Победа крепостнических начал, дальнейшее развитие феодализации, превращение основной массы свободных в крепостных — все это должно было коренным образом изменить графику, поскольку грамотность в обществе падала, и письменная культура становилась достоянием узкого круга грамотеев.

Относя гипотетически начало крепостнического периода и в Сирии примерно к IV в. н. э., мы получим объяснение торжеству здесь лигатурной графики, родственной «деловому» пошибу Пальмиры, и полному исчезновению ее «книжного» письма. С обычной точки зрения, полагающей, что любое развитие письма в сторону беглости вызывается только ростом общественной потребности в быстром дуктуса, в связи с усложнением жизни общества, победа на семитической почве лигатурно-курсивной графики в эпоху сужения деловой жизни представляется загадочной. Но если к этому явлению подойти под углом зрения результатов, добытых при изучении греко-римской графики, можно будет предположить решение и этой загадки. Письмо греческих и римских книг IV в. н. э. имело за собою долгие века существования в качестве специфической графики, нарочито четкой ввиду массового значения книги в демократической античности. Античная книжная графика не могла погибнуть так скоро, как древняя семитическая с отдельными буквами, поскольку семитическая письменность никогда не знала за книгой подобной функции. Когда с утверждением крепостнического строя и падением грамотности письмо стало достоянием тренированных грамотеев и книжников, развитие и торжество беглого лигатурного дуктуса, удобного для квалифицированного писца и понятного для квалифицированного читателя, было обеспечено. И нет ничего удивительного в том, что первоначальное лигатурное письмо сирийского средневековья, эстрангело, очень скоро получило конкурента в лице еще более беглого и лигатурного письма, яковитского курсива, которое через несколько веков после своего возникновения получило уже решительный перевес. Типологически эстрангело и яковитское письмо в значительной мере приближаются к каллиграфическим стилизациям развитого лигатурного письма. Путем вынесения над и под строку частей букв в виде выступов и отростков избегается детализация внутри строки, и в этом сходство книжных сирийских пошибов с минускульными. Но «кропотливая» угловатость форм внутри строки, особенно заметная в более раннем эстрангело, свидетельствует о том, что курсивная лигатурность, несмотря на взаимную связанность букв, не овладела еще окончательно дуктусом, и в этом коренное отличие сирийских пошибов, и, в первую очередь, эстрангело от минускульных. Эти последние, даже переданные без лигатур, отдельными буквами, представляют стилизацию округлых форм развитого лигатурного курсива. Сирийской

письменности не было суждено развить до конца лигатурно-курсивные тенденции средневековой графики. В Сирии господами положения были не туземцы, а арабы. Грамотеи из среды сирийцев, за известными, хотя и многочисленными, исключениями, не могли, чем дальше, тем больше, по своему культурному уровню равняться с привилегированными арабскими грамотеями. При таких условиях и сирийское письмо не могло развиваться до полной лигатурной беглости: в яковитском пошибе оно сохраняло некоторую угловатость и удерживало лигатуру в строгих границах общей прямой линии, что делало письмо более элементарным и доступным, по сравнению с позднейшим арабским насхи, в котором строка уже совсем не поддается расчленению, вследствие округленности буквенных основ и неотделимых от них лигатурных кривых. На более ранней ступени развития, чем сирийское, остановилось квадратное еврейское письмо, сохранившее, следовательно, более демократический облик. Широкое распространение грамотности в еврейской общине не позволило развиваться здесь лигатурно-курсивному пошибу, поскольку такое письмо было бы мало доступно рядовому члену общины. Перерасти в развитой лигатурный курсив, не стесняемый больше прямолинейностью лигатуры и угловатостью форм, как в сирийской графике, семитическое письмо могло, только став письмом привилегированных высококвалифицированных грамотеев, став письмом господствующего класса феодального общества. Таким письмом семитический алфавит стал на арабской почве. Арабские завоеватели, создавшие свое феодальное государство, охватившее большую часть средиземноморского мира, создали и подлинно феодальное письмо, развитую лигатурно-курсивную форму семитической графики.

История арабского алфавита в домусульманский период еще далеко не выяснена. Следы применения его до VII в. н. э. крайне скудны, но во всяком случае уже в VI в. н. э. Он употреблялся в надписях. Что такая беглая графика, как арабская, построенная сплошь на принципе лигатур и безудержной нивелировки буквенных форм, могла развиваться самостоятельно у племен, не вполне еще преодолевших к VII в. родовой уклад, представляется маловероятным. Непосредственным «предком» арабского письма теперь обычно считают набатейское письмо, и генетическая связь с последним вполне возможна, поскольку письмо торгового центра северной Африки, Петры, получало, надо думать, широкое распространение среди окрестных и более отдаленных племен. Типологически же раннее арабское письмо представляет также стадию развития семитического алфавита, непосредственно примыкающую к сирийской графике. В надписях, на монетах и в пергаменах раннее арабское письмо, при всей своей близости к минускульному типу графики, еще свободно от пережиточных древних моментов, наблюдавшихся нами в более яркой форме в сирийском письме: детализация по вертикали внутри «телец» букв отсутствует, налицо надстрочные и подстрочные отростки, но при всем том письмо сохраняет определенную угловатость.

Последняя, хотя и в значительно меньшей степени, ощущается в округленном деловом курсиве. Неудобство угловатости, препятствующей беглости лигатурной графики, должно было ощущаться, прежде всего, в деловом письме, когда с завершением в первой половине VIII в. н. э. завоевания восточного, южного и западного Средиземноморья арабские феодалы и купцы оказались в центре сложной экономической жизни. Писцам, обслуживавшим деловую жизнь эпохи, нужен был более удобный, более беглый почерк, прежняя угловатость была уничтожена, и создался вполне развитой лигатурный курсив. Этой трансформации Громан дает следующую сжатую характеристику: «В первой половине I в. хиджры начинается уже легкое изменение письма в сторону более круглых форм, как мы его обнаруживаем на паспортах 133 г. хиджры⁴, изданных Сильвестром де Саси, который, таким образом, мог обозначить письмо этих экземпляров, как насхи, — обозначение, которое хотя и не совсем оправдано, но может служить вспомогательным понятием, если этим сказать, что под ним следует понимать более гибкое, более свободное в своих формах письмо, примерно, в противоположность негибкому, угловатому, так называемому куфи... Столь характерное

⁴ 133 г. хиджры — 750/1 г. н. э.? А II в. хиджры — 718–815 гг. н. э.

для куфического письма старых коранов растяжение тельца букв "даль", "каф", "сад", "та" начинается в случае инициальной формы "каф" и медиальной формы "сад" уже в последней четверти I века хиджры⁵. Оно характерно для протокольного письма, и затем в течение II века хиджры становится все более общеупотребительным. К концу этого века письмо уже сильно округлено и приобретает все более единообразный отпечаток.

Более угловатые, негибкие формы сохраняются еще дольше в письме литературных папирусов... В актах и письмах письмо становится все более беглым и допускает во все большей степени неупотребительные раньше соединения отдельных букв и даже целых фраз между собою в одно графическое единство, создающееся вследствие того, что калам уже не отнимается при письме»⁶.

Таким образом, деловое письмо предстает перед нами в сильно округленном виде уже около 800 г. н. э. В литературных же папирусах старая угловатость сохраняется дольше. Налицо она еще в полуокруглом пошибе пергаменных рукописей IX в. н. э., но затем, на восточной арабской почве, она была окончательно вытеснена округлостью форм и в книжной графике. Торжество округлого почерка, насхи, в литературной книге падает на цветущий классический период арабской литературы. Опытные переписчики, ориентировавшиеся на тренированных читателей, с расцветом литературной письменности, естественно, стали развивать и в книге более быстрый, беглый пошиб. Насхи, уже вполне развитой литературный курсив, был удобен для письма и приемлем для чтения с точки зрения привилегированных грамотеев и книжников господствующего класса. Ультракаллиграфическая, утрированно прямолинейная, угловатая и кропотливая куфическая ветвь арабского письма, господствовавшая в коранах, не могла долго конкурировать с насхи, соединявшим удобство письма с изысканной каллиграфией, и вскоре после своего торжества в литературной книге насхи победил и здесь. В дальнейшем куфические строки попадают в коране лишь в качестве декоративного момента. Как и следовало ожидать, надпись, не игравшая существенной роли в феодальном обществе, последовала примеру книги. Угловатое письмо куфи, непосредственно примыкавшее к более ранним ступеням развития семитического алфавита, постепенно отступило перед округленным насхи в эпиграфике, и к XII–XIII вв. н. э. насхи водворился полноправным хозяином как в монументальных надписях, так и в легендах, на монетах и вещах. Всесторонняя победа насхи была торжеством классового письма феодалов над последними пережиточными отголосками древней графики.

В связи с арабским письмом следует упомянуть о южноарабской и эфиопской графике, пошедшей по иному пути развития.

Южноарабское письмо (вторая половина II тыс. до н. э.–VII в. н. э.) известно нам только по эпиграфическим памятникам. Насколько можно судить, древние южноарабские общества сохраняли еще много элементов демократии ранних периодов. Даже в эпохи известной приниженности крестьян эти последние посвящали надписи. Такое сравнительно большое значение надписи, как выразителя общественной жизни, сказалось в великолепных монументальных формах письма южноарабской надписи, почти напрашивающихся на сравнение с античными. Нелигатурный характер южноарабского курсива, по крайней мере, в граффити (монументальное письмо лишено лигатур), напоминает беглое римское и пуническое письмо.

История южноарабского письма обрывается на древней ступени развития. Средневековый вариант его мы имеем в лице эфиопского письма.

Эфиопское письмо, потомок южноарабского, вышедшее, быть может, из курсивного вида последнего, известно нам, начиная с IV в. н. э. Однако древнейшие памятники эфиопского письма сплошь эпиграфические. Рукописный материал имеется только начиная с XIII в. На почве своеобразной, но относительно простой общественной жизни Абиссинии не развилась беглая лигатурная графика вроде арабского насхи, обслуживавшего сложную

⁵ I в. хиджры — 622–718 гг. н. э.

⁶ Возможностью ознакомиться с этой книгой я обязан любезности академика И. Ю. Крачковского.

жизнь арабских обществ. Эфиопское письмо сохранило до наших дней свой древний облик письма отдельными буквами (с маленькими придатками и модификацией для передачи огласовки).

Что же дает изучение семитических письменностей для решения проблемы происхождения европейского минускула? Совместное рассмотрение семитических и греко-римских письменностей с точки зрения сходства и различия в их развитии может оказаться плодотворным для четкого осознания особенностей европейской графики.

Сходство в развитии обеих письменных групп заслуживает внимания. Совпадают не только линия развития от древней графики к средневековой, ее начало и конечный результат, но иногда даже второстепенные моменты. В основе как античных, так и древних семитических график лежат отдельные, не лигированные буквы, письмо широких масс свободных в рабовладельческом обществе. С началом средневековья развивается новое письмо, в основе которого лежит развитая курсивная лигатура со всеми вытекающими из нее требованиями, создается письмо, ориентирующееся на искушенных феодальных грамотеев. Конечный результат этого развития один и тот же, что на византийско-латинской, то и на арабской почве: минускул и насхи представляют стилизацию лигатурного курсива с надстрочными и подстрочными отрезками и округлостью форм. Курьезным образом даже даты процесса минускулизации совпадают: как на греко-римской, так и на сирийской почве развитой лигатурный курсив начинает разрабатываться с IV в. н. э., а торжество его стилизованной формы, минускула и насхи в западной, византийской и арабской книге падает на 800–900 годы н. э. Любопытно и то, что как греческое, так и семитическое письмо отстают в отношении минускулизации у тех народов, которые, в силу угнетенного положения, не имели значительного привилегированного слоя квалифицированных грамотеев: у сирийцев и особенно коптов средневековья графика остановилась на более древней и демократической ступени развития, чем у арабов и византийцев. Интересно, что даже такой второстепенный момент, как противоположность пышного византийского унциала и более скромного коптского, вышедшего, по всей вероятности, из «канцелярского» пошиба, находит себе аналогию в противоположности роскошных куфических дуктусов в раннеарабских коранах и сравнительно скромных сирийских почерков. К слову сказать, греческий унциал и куфи умерли как книжное письмо одновременно — примерно в XII в. н. э., сохранившись оба в качестве декоративного письма в книгах последующих столетий⁷.

На фоне подобного сходства между развитием греко-римского и семитического письма становится особенно знаменательным отличие семитической графики от европейской. Более аристократические древние семитические общества не знали той массовой письменности на камне и в книге, которую знала античная рабовладельческая демократия. Древнесемитическое эпиграфическое и книжное письмо плелось в хвосте более актуальной графики, делового письма, хотя это последнее в условиях широкого применения письма свободными отнюдь не превращалось в развитый лигатурный курсив, оставалось в основе своей нелигатурной графикой. Преобладание делового письма вело к тому, что его формы, делавшиеся со временем все более усеченными, становились основным видом графики, образовывали последовательные виды семитического алфавита. Процесс минускулизации застал семитические буквы уже в таком усеченном виде, что развитая курсивная лигатура должна была неминуемо привести их к окончательной нивелировке, что мы и находим в классическом арабском письме. Наоборот, в греко-римских рабовладельческих демократиях при огромном массовом значении каллиграфически четкой надписи и книги, основные подробные формы графики сохранились и развивались, не усекались в угоду деловому пошибу, но оставались основным письмом широких масс свободных. Когда в классических письменностях начал вырабатываться развитый лигатурный курсив средневековья, ему пришлось иметь дело не с остатками прежних знаков, а с написаниями различных степеней беглости основных полных форм. В качестве нового

⁷ Сравнение унциала с куфи имеет здесь в виду только способ применения обоих пошибов в раннее средневековье, а не их структуру, поскольку куфи в отношении структуры напоминает минускул, а не унциал.

основного пошиба для деловой жизни общества развитый лигатурный курсив отправляется при своем возникновении, конечно, не от неразборчивых каракулей торопливых рук, а от более выдержанных почерков и, как мы знаем в случае Византии, в первую очередь, от каллиграфического пошиба правительственных канцелярий, на Западе и в Византии развитый лигатурный курсив освоил и приспособил к себе буквы в форме сравнительно полной и подробной и в таком виде закрепил их и в своем каллиграфически-стилизованном варианте — минускуле. Из того факта, что развитая лигатурно-курсивная графика Запада исходила из достаточно подробных форм античного курсива, проистекает величайшее преимущество латинского минускула перед арабским насхи, несмотря на то, что исторически оба представляют собой стилизацию развитого лигатурного курсива раннего средневековья. Это преимущество наглядно засвидетельствовано в наши дни латинизацией. Но если в современном латинском шрифте, в его минускульных, «маленьких» буквах, все то, что обуславливает его преимущество перед арабской графикой, сводится к античной, римской подоплеке, то не следует ли обратиться к этой последней в ее чистом, неискаженном виде? Вопрос о том, чему следует отдать предпочтение в латинском шрифте — «большим» античным буквам или «маленьким» минускульным, — вопрос, несомненно, сложный и многосторонний и не должен исчерпываться изучением генетики минускула, как бы важны ни оказались в будущем результаты такого исследования. Но и само изучение генетики минускула в социальной исторической плоскости еще только начато настоящей работой.

Ввиду важности работы автор должен со всей определенностью заявить, что не придает своей концепции, плоду годичной работы одного лица, притом не специалиста по средневековым письменностям, иного значения, как рабочей гипотезы, имеющей целью указать на возможность и необходимость разработки представленной проблемы представителями различных исторических дисциплин.

О. А. Добиаш-Рождественской, П. В. Ернштедту, акад. Ю. И. Крачковскому, О. О. Крюгеру, А. И. Малейну, Г. Ф. Церетели, взявшим на себя труд просмотра настоящей статьи и давшим много ценных указаний, автор считает своим долгом принести глубокую благодарность.

ОСНОВЫ ЕГИПЕТСКОЙ РАННЕДИНАСТИЧЕСКОЙ ЭПИГРАФИКИ

(Подготовка текста и редакция А. С. Четверухина)

История застаёт иероглифическое письмо уже сложившимся, что можно заключить по публикации Гриффиса в издании: Petrie W. M. F. *The Royal Tombs of the First Dynasty*. Vol. I. London, 1900. Предшествующий период становления египетского письма недоступен палеографическому анализу за отсутствием соответствующих письменных памятников, и попытки восстановить его на основе общих соображений могут исходить только от лингвистов¹. Более того, письмо, с которым имеет дело историческая египетская иероглифическая палеография, есть письмо только династического Египта. В нашем распоряжении нет почти никаких достоверных надписей додинастического периода египетской истории, то есть до времени решительного наступления верхнеегипетских фараонов на Дельту. Додинастические памятники — по мнению Эдуарда Мейера — вроде принадлежащих царю «Скорпиону», в счет не идут, поскольку эпиграфический элемент на них более чем ничтожный, а их датировка и историческая принадлежность еще не поддаются достаточно полному определению. Более существенными в палеографическом отношении могли бы быть многочисленные каменные цилиндры-печатки с короткими надписями, найденные в архаических могилах в Нага-эд-Дер'е в Верхнем Египте² и относимые авторитетными исследователями к временам, предшествовавшим Первой династии. К величайшему сожалению, датировка этой группы цилиндров доисторической эпохи зиждется на достаточно шатких основаниях. Надписи на печатках из Нага-эд-Дер действительно отличаются от вырезанных на печатках Абидоса как в отношении содержания текстов, так и в отношении группировки и выбора знаков, но эти отличия объясняются географической разобщенностью мест находок, да и самим предназначением печатей-цилиндров. В Абидосе они принадлежали царям и их служащим, а в Нага-эд-Дере — лицам, не связанным с царским хозяйством двора, в чем легко убедиться, бегло обобрав материал (Reisner C. *The Early Dynastic Cemeteries of Naga-ed-Der*. Vol. I. Leipzig, 1908). Любопытно, что птица с повернутой назад оленьей (?) головой характерна для цилиндров из Нага-эд-Дер. В этом иероглифе усматривается черта большой древности. Но встречается она и на одном из абидосских памятников явно додинастического времени. Содержание печатей, естественно, различно. Если исходить из топографии находок, то несомненно только то, что цилиндры типа нагаэддерских не могут быть моложе Первой династии. Древнейшими «датированными» памятниками иероглифической письменности оказались пока надписи верхнеегипетских царей-победителей Дельты Нармера и Аха (около 3200 г. до н. э. или даже несколько раньше) и их преемников — Джера и Джета. О взаимной близости памятников этих четырех фараонов писали К. Зете, Р. Вейль, а также Баллод в очерках по истории древнеегипетского искусства, в частности, на стр. 41–42. Нармер, по-видимому, предшествует трем остальным. В этих старейших египетских надписях иероглифическое письмо обладает уже всеми основными элементами, характерными для него именно как для особой системы письма.

Уже с момента появления первых египетских письменных памятников в его костяк, как и в позднейшие времена, входят знаки, непосредственно или символически изображающие существа, предметы и абстрактные понятия.

Например, рисунок быка — изображал слово «бык» и «рогатый скот» вообще, рисунок козы — обозначал «козу» и «мелкий рогатый скот». Рисунок человека со связанными позади руками — в палетке Нармера³ означал «пленника», сокол, птица бога

¹ Ср.: Мещанинов И. И. К вопросу о стадийности в письме и языке // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1931. Т. VII. Вып. 5–6.

² См.: Reisner. *Naga-ed-Der*. I; Newberry P. E. *Scarabs*. London, 1906; Fraser C. *A Catalogue of the Scarabs Belonging to George Fraser*. London, 1900.

³ См.: Quibell J. E. *Hierakonpolis*. Vol. I. London, 1900.

Хора , входил в состав теофорного имени Хора Аха⁴. Наряду с изобразительными знаками и, пожалуй, не реже них, применяются звуковые знаки, тоже восходившие к рисункам. Рисунок, переосмысляясь, превращался в звуковой знак по принципу нашего ребуса, смысл которого заключался в том, что рисунок начинал обозначать не понятие как таковое, а созвучные с ним комплексы согласных, вплоть до одного-единственного согласного или полугласного, т. е. сонанта. Механизм трансформации рисунка в фонетический знак посредством «ребусного переосмысления» далеко не всегда понятен, да и не может быть понят до конца, т. е. решительно в каждом конкретном случае, и решение такого ребуса было конкретным. Но, так или иначе, рисунок пальца — стал обозначать «10 000», а читаться *db*⁵; лист лотоса уже в палетке Нармера пишется как , означает «1000» и читается как *h(3)*; опахало из лисьих шкур — *ms.t* — изображается как , но превращается в двусогласный знак *ms* — в слове *ms.t*, «рождение»⁵. «Хлеб» \triangle звучал, видимо, как *t*, а затем его изображение превратилось в графему для фонемы *t* в имени , обозначавшем одного из спутников фараона Нармера. В составе слова «вода» *n(t)* «главным» или «опорным» ощущался звук *n*, который получил написание, соответствующее передаваемому им слову, т. е. . В надписях Ахи и Нармера это уже вполне самостоятельная фонетическая графема для *n* в составе слова *mn*⁶. Налицо также все основные способы комбинирования знаков, свойственные позднейшей иероглифической орфографии.

Наряду с написанием слов одним изобразительным знаком либо одним звуковым знаком, мы сразу же наталкиваемся на сочетания из нескольких знаков для передачи одного слова. Такие комбинации могут состоять уже из одних буквенных знаков, например, — *tt*, которым обозначался спутник царя Нармера⁷. Такие комбинации могут объединять в себе и два рода знаков, например, , буквально *m + n* (что наблюдается уже в эпоху Нармера и Ахи⁸). Частые в позднейшей иероглифике комбинации с изображениями звуковых знаков для написания одного слова на памятниках Нармера и Ахи, к сожалению, не засвидетельствованы. Но зато они присутствуют в большом количестве в надписях на частных гробничных плитах времен одного из ближайших преемников Джера⁹. На этих плитах начертаны имена лиц придворного персонала, погребенных вокруг фараона. Эти начертания предпосланы очень схематическим рисункам, изображающим мужчину, женщину, карлика, воина и даже борзую собаку. «Письменные знаки» имеют здесь сравнительно меньший размер, чем соответствующие изображения — прообразы идеографических определителей. Нахождение на плитах одних только этих рисунков, исполненных схематически и тождественных у разноименных лиц, не имело бы смысла без попытки передать имена и титулы изображенных людей. Таким образом, мы вынуждены считать эти «рисунки» подлинными изобразительными знаками, раскрытыми при помощи предшествующих им звуковых знаков. Именно такой способ написания имен получил распространение в позднейшей иероглифике, где изображение — иероглиф — знак мужчины или женщины стоит после всех титулов к именам, представляя иногда весьма детальный знак — рисунок больших размеров, чем все остальные иероглифы, что можно наблюдать на материале публикации Garstang'a «Tombs of the Third Dynasty» на стеле Среднего Царства.

Необходимо особо подчеркнуть, что так называемые знаки-определители, ставящиеся на письме после фонетических знаков и намекающие изобразительным способом на смысл предшествующего звукового — или смешанного изобразительно-звукового — написания слов, например, знак сосуда после слова «пиво» или знак солнца после слова «день» и т. д., являются по своему происхождению не определителями, а определяемыми, то есть такими графемами или граммами, которые приобретали чтение и смысл именно

⁴ См.: Petrie W. M. F. The Royal Tombs... I.

⁵ Аха, см.: Petrie W. M. F. The Royal Tombs... I.

⁶ См.: Petrie W. M. F. The Royal Tombs...

⁷ См.: Quibell J. E. Hierakonpolis. I. Pl. 29.

⁸ См.: Petrie W. M. F. The Royal Tombs...

⁹ См. материал в издании: Petrie W. M. F. The Royal Tombs... Vol. I, III.

благодаря набору предшествующих знаков, в том числе звуковых¹⁰.

Трудность чтения и понимания архаических надписей или таковых Первой-Второй династий заключается не в системе архаического иероглифического письма, в основном совпадающей по своим принципам с более поздней иероглификой, а в архаической лексике, сверхкраткости надписей, в беспорядочности размещения знаков и, особенно, в относительной редкости комбинированных написаний слова с помощью — одновременно — как изобразительных, так и звуковых знаков¹¹, столь облегчающих чтение иероглифических текстов последующих времен¹². Вследствие этого большая часть текстов Первой и Второй династий (не считая, конечно, тех, которые содержали только царские имена и ничего больше) дешифрована пока что лишь частично или гипотетически. Во многих из них упомянутые трудности могли бы быть успешно преодолены, если бы сохранившиеся архаичные надписи были более пространными, но, к сожалению, все они отличаются досадной краткостью. Увы, такова черта всех архаичных надписей, независимо от того, кому они принадлежат.

Хронологическая отдаленность эпохи Первой-Второй династий и ограниченное применение камня в их кирпичных сооружениях обуславливали крайнюю скудость настенных надписей, образующих наш основной эпиграфический фонд в материале последующих исторических периодов. Кроме мелких пометок, нанесенных краской на стены погребений царских приближенных¹³, мы располагаем для времени, предшествующего Третьей династии, всего только одним каменным косяком последнего царя Второй династии по имени Хасехемуи из иераконпольского храма. Надпись на лицевой стороне содержит лишь титул и имя фараона¹⁴, тогда как на оборотной стороне была высечена сцена закладки сооружения с относительно пространными и многочисленными приписками¹⁵. К сожалению, обратная сторона настолько изглажена, что не имеет почти никакой ценности в палеографическом отношении. От времени первого царя Третьей династии Джесера уцелел только обломок дверной рамы из его пирамиды, дающий исключительно титулы и имя этого фараона¹⁶. Более многочисленны надписи на скалах Синайского полуострова. Относительно наиболее пространной является надпись с титулами и именем около фигуры военачальника, высеченной поблизости от тройного изображения царя Первой династии Семерхета, но современность фигуры чиновника и царских изображений представляется не вполне доказанной. При тройном изображении Семерхета написано только его царское имя, как и на Синайских рельефах царей Джесера-Нетерхета и Санехета начала Третьей династии¹⁷.

Несоизмеримо более обильный и ценный материал для палеографических изысканий дают каменные стелы, помещавшиеся в стоячем положении на могилах царей и их приближенных. Число царских стел Первой-Второй династий очень невелико¹⁸. Тем не менее, только они позволяют нам составить правильное представление о художественных и технических возможностях парадной иероглифики в архаический период. Стелы приближенных почти столь же лаконичны (титулы и имена, чаще же одно имя), но исполненные куда более грубо и небрежно, составляют, ввиду своей многочисленности¹⁹,

¹⁰ Ср.: Gardiner A. H. *Egyptian Grammar being an Introduction to the Study of Hieroglyphs*. 2nd ed. London, 1926. P. 31, 52.

¹¹ Ср. работу Griffith'a в кн.: Petrie W. M. F. *The Royal Tombs...* I.

¹² Ср. статью Lauth'a в «*Zeitschrift für ägyptische Sprache*» и рассуждения W. Spiegelberg'a в «*Die Schrift und Sprache der alten Ägypten*» (Leipzig, 1907).

¹³ См.: Petrie W. M. F. *The Royal Tombs...* II.

¹⁴ См.: Quibell J. E. *Hierakonpolis*.

¹⁵ См.: *Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. XX. 1934. P. 1. XXIV.

¹⁶ Berlin, Staatliche Museen: *Ägyptische Inschriften aus den königlichen Museen zu Berlin* (далее *Ägyptische Inschriften...*). Bd. I. Leipzig, 1907–1913. S. 1.

¹⁷ Синайские рельефы см. в издании: Weill. *Sinai*, а также в его труде «*Monumente de la II et III dynastie*», где приводятся и рассуждения о дате изготовления фигуры военачальника.

¹⁸ 5 См.: Bénédict C. *Mémoires de la Fondation Piot*. Paris, 1906. T. XII. P. 1–15 — Джет.

¹⁹ См. издания: Amélineau E. *Les Nouvelles Fouilles d'Abydos*. Paris, 1896–1902; Petrie W. M. F. *The Royal Tombs...* I–III; *Ägyptische Inschriften...*

наш основной материал для суждения о монументальном характере эпохи.

Надписей на статуях от архаического периода дошло очень мало. Надпись, уцелевшая на подножии статуи царя Хасехема, сводится к цифре перебитых им врагов.

Специфический вид письменности Первой династии составляют надписи на пластинках из слоновой кости и черного дерева, сохранившихся как в целом виде, так и в обломках. Пластинки обычно снабжены круглыми отверстиями в верхнем углу и, кроме письмен, покрыты схематическими изображениями. Возможно, впрочем, что часть изображений представляют собой своеобразные письма.

На близость пластинок к летописным погодным записям раннединастических анналов указывалось в литературе. На многих пластинках второй половины Первой династии помещается справа — как и в летописных записях на Палермском Камне — большой иероглиф { «год», что дает возможность предположить, что содержание пластинок касается событий какого-то конкретного года, т. е. дает определенную характеристику и тем самым представляет собой способ древнейшей датировки. При этом речь идет обычно о пожертвованиях в храм предметов, к которым, по мнению Питри, эти пластинки и прикреплялись. Все вместе означало нечто вроде «год, когда имели место такие-то события».

Подобные пластинки наверняка прикреплялись к предметам и служили своеобразными этикетками, указывающими на время изготовления того или иного яства, питья, мази и т. д. По крайней мере, их надписи — насколько они поддаются дешифровке — имеют хронологический характер, а оформлялось все это так: год, когда имело место то-то и то-то. Если бы таких пластинок сохранилось бы множество, а надписи на них поддавались бы разгадке легче, то мы имели бы «в лице» этих этикеток «страницы» погодных анналов или летописей Первой династии, наподобие тех, что были переписаны полтысячелетия спустя на Палермский Камень.

К пластинкам теснейшим образом примыкают шиферная таблица и булава царя Нармера с изображениями и сопроводительными приписками.

По своему количеству значительную, хотя и малосодержательную группу письменных памятников составляют надписи, начертанные в эпоху Первой династии на сосудах из камня, алебаstra, глины и слоновой кости. И здесь это, в основном, царские имена.

Многочисленные гончарные пометки на керамике Первой династии могут интересовать палеографа лишь в тех случаях, когда они имеют форму иероглифических знаков. Значительно больший интерес представляют курсивные надписи, выполненные чернилами на глиняных и каменных сосудах. Сохранились также мелкие надписи на других предметах обихода из слоновой кости: на ящике, крышке, жезле, игровой пластинке и т. д.

Самую важную группу текстов, как по большому количеству, так и по богатству знаков и разнообразию их начертаний составляют оттиски цилиндрических печатей царей и их служащих на глине, закупоривавшей горлышки помещенных в гробницы сосудов с припасами. Сами цилиндры из камня, редко из дерева, со сквозными отверстиями для шнура и кружными надписями, сохранились в меньшем количестве. Только религиозное значение могли иметь деревянные цилиндры с текстами, нанесенными чернилами.

Интересно, что уже для начала Первой династии засвидетельствованы украшения в форме иероглифов: браслет, отдельные звенья которого составляли чередующиеся золотые и бирюзовые пластинки в виде иероглифической группы бога Хора на ограде замка со вписанным в нее именем фараона Джера.

Текстов на папирусах от архаического периода не сохранилось, но то, что папирус, и притом в форме свитка, был распространенным писчим материалом, предположительно, по крайней мере, при Второй династии, доказывает сам факт существования уже в эту пору иероглифа, изображающего запечатанный папирус (едва ли кожу или ткань) на цилиндре одного из фараонов.

Много разнообразней, чем материал письменных памятников, была техника нанесения надписей, так что на различных предметах одного и того же облика или материала

тексты могли быть выполнены совершенно различными способами. Не исключено, что это было обусловлено, в первую очередь, назначением памятника: был ли то парадный предмет роскоши, либо предмет «повседневного» обихода. Менее богаты были сорта материала.

Основным приемом вырезывания надписей в раннединастическую эпоху было врезывание знаков при помощи углубленных линий по контуру и внутренним деталям. Иной техники письма и трудно было бы ожидать на большинстве известных для нас письменных памятников. На цилиндрических печатях углубление знаков диктовалось необходимостью получения на глине четкого рельефного оттиска. Та же техника использовалась не только на цилиндрических печатях, но была перенесена и на деревянные и костяные пластинки-ярлыки и даже употреблялась при изготовлении надписей на вполне заурядных каменных и глиняных сосудах. Вообще же, техника вырезывания или выцарапывания надписей являлась наиболее простым приемом изготовления письма без помощи красящего вещества и, естественно, употреблялась в тех случаях, когда изготовители письма не рассчитывали на архитектурно-декоративный эффект. Подобные поделки должны были составлять в ту эпоху большинство письменных памятников, поскольку монументальное каменное зодчество — основной носитель парадных надписей — находилось тогда еще только в зачаточном состоянии. Характерно, что на монументальных памятниках врезывание по контуру встречается много реже, чем написание выпуклыми иероглифами.

Следует отметить также, что гончарные пометки на керамике наносились обычно до, реже — после обжига.

Нанесение надписей путем срезания плоскостей вокруг знаков, которые тем самым становились выпуклыми, превращало иероглифы в самостоятельный скульптурный орнамент и применялось, в первую очередь, там, где желали получить от надписи архитектурно-декоративный эффект, хотя бы ценой больших затрат труда и времени (срезать поверхность, окружающую знаки, было, конечно, гораздо сложнее, чем врезать их в плоскость поверхности). Выпуклые иероглифы мы обнаруживаем на каменном косячке царя Хасехемуи Второй династии из иераконпольского храма, на пышных надгробных плитах царей Первой династии Джета и Ка, а также царя Второй династии Перибсена, равно как и на большинстве надгробных же стел приближенных царей Первой династии.

Наоборот, на небольших поделках выпуклые иероглифы встречаются редко. Появление их на шиферной табличке и булаве Нармера обусловлено рельефным исполнением военных и праздничных сцен, которыми разукрашены эти парадные памятники. К слову сказать, рельефное исполнение фигуры пленного на игральной (?) пластинке из слоновой кости обусловило выпуклость и иероглифической приписки ««азиат» к этой фигуре. Только выпуклые подписи попадают на сосудах из алебаstra и камня.

Сложность изготовления рельефных надписей натолкнула резчиков абидосских стел, предназначенных для приближенных фараона, на третий прием вырезания текстов на камне. Речь идет о срезании поверхности плиты только вокруг самих знаков, так что последние оказывались выпуклыми как бы во впадине.

Нередко, однако, мастера Первой династии не удовлетворялись одним лишь вырезанием знаков, а подчеркивали линии, как контурно, так и внутренне, краской. Так, углубленные контурные и внутренние линии иероглифов на зеленом сосуде фараона Ахи (Первой династии) были заполнены фиолетовым веществом до глазировки, а линии, врезанные по контуру иероглифов на пластинке фараона Дена (Первая династия) из слоновой кости, были окрашены в черный и красный цвета.

Краской пользовались, по крайней мере, иногда и для предварительной наметки текста на каменной стеле с тем, чтобы резчик потом вырезал или выбивал рельефом иероглифы, написанные краской. На стеле *s3b.f* (время фараона Джера, Первая династия) знаки были написаны сперва черной краской, а после того были сделаны выпуклыми путем выбивания поверхности вокруг них. На некоторых других стелах времен фараона Дена (Первая династия) контуры, внутренние линии, а в отдельных случаях и вся внутренняя площадь знаков, были предварительно нарисованы краской, а затем вырезаны рельефом

путем срезания окружающей краски и, соответственно, знаков с поверхности камня. Внутренние детали при этом иногда оставались только намеченными краской, резец их не касался. В одном случае стела так и осталась с одной надписью краской, без вырезания знаков. Впрочем, судя по стилю знаков, не исключено, что они и не предназначались для последующей рельефной отделки. Последнее, по крайней мере, бесспорно в отношении надписей на стенах погребений царских приближенных: их имена были написаны краской (отчасти черной) на штукатурке, и все.

Краской («чернилами») нанесены и беглые иероглифические пометки на каменных и глиняных сосудах Первой династии, прямо на их стенках, а в одном случае — на глиняной печати на горлышке сосуда. Ранние иератические тексты на сосудах Третьей династии написаны также чернилами.

Только краскою исполнена надпись и на одном деревянном цилиндре, подражающем цилиндрам-печатам по форме, но имеющем, очевидно, только религиозное значение.

Особый вид техники нанесения надписи представляют архаические печати Первой—Второй и начала Третьей династий на глиняных крышках горлышек сосудов с припасами. Печати изготовлялись путем катания по сырой глине, еще мягкой, цилиндрических печаток. Надписи на этих печатках были врезанными, так что отпечатки с них на сырой, мягкой глине неизбежно получались выпуклыми.

Что касается изготовления отдельных иероглифов, служивших украшениями, то в упомянутом выше браслете времени Джера золотые звенья в виде имени последнего были отлиты в формочках, бирюзовые же звенья были вырезаны.

Воздействие истории на иероглифическое письмо шло в течение всего архаического периода, прежде всего, через технику письма, что диктовалось как характером писчего материала, так и самим видом письменного памятника, который должен был отвечать своему общественному назначению. Дифференциация же техники письма вела к дифференциации графических форм.

Письменные памятники Первой и Второй династий со всей убедительностью показывают, что выпуклые иероглифы в то время, как и позднее, употреблялись в письме монументальных памятников и встречались на небольших изделиях лишь в виде исключения. Но поскольку вид письма в данном случае неизбежно как-то связан с техникой монументальных строений, то следует отметить, что сама монументальная архитектура в то время была еще кирпичной. Каменные стены появляются только с Третьей династии, причем даже в царских погребениях! О храмах того времени у нас почти нет сведений, если не считать каменных косячков царя Хасехемуи из Иераконполя, которые, тем не менее, ничего не говорят о характере кладки стен. Монументальные каменные надписи сводились, по-видимому, почти исключительно к гробничным стелам. Первые надписи по камню и новые категории памятников, возникшие в ходе развития общества, вызвали к жизни новые приемы и способы письма для нанесения надписей соответственно общественному назначению памятников.

Все вышесказанное уже априори заставляет нас предположить, причем с очень большой долей вероятности, что первооснову иероглифической графики составляли все же не выпуклые иероглифы, которые сами по себе являют следы вторичного развития техники их исполнения. Иероглифы в виде врезанного рельефа (*relief en creux*) и иероглифы, врезанные (целиком) углубленно (а также врезанные не только целиком, не только по линиям, но и по всей поверхности, точнее — по всей внутренности знака), не были еще употребительны в архаический период, так что уже с самого начала нам придется предположить, что древнейшим и основным видом иероглифов были врезанные, то есть выскобленные по линиям знаки. Эти априорные соображения находят свое подтверждение при рассмотрении конкретного материала.

Еще в самом начале изучения египетской архаической иероглифической письменности Гриффис заметил, что иероглифы i β , ntr Γ , p \square в древнейшей графике вместо полных форм написания обнаруживают неполные формы \mathbb{E} , \mathbb{F} , \boxplus . Сюда же он причислял и

неполное написание знака «двор», «угодя» в виде , но последняя форма засвидетельствована пока что лишь один раз, а потому ее можно рассматривать и как случайный вариант. Гриффис высказал при этом предположение, что «неполнота» вышеотмеченных архаических форм не лишена, вероятно, некоторого основания в облике самих предметов, изображаемых данными знаками. Последнее допущение Гриффиса, как мы увидим в дальнейшем, является вполне основательным.

«Неполные» формы иероглифов оказались явлением много более распространенным, чем это представлялось в 1901 году Гриффису. Более того, «неполнота» — отнюдь не случайная особенность трех-четырех знаков, но черта постоянная и вполне закономерная, проявляемая у определенной группы знаков архаической иероглифики. Это именно те знаки, которые в своей архаической форме имеют несколько самостоятельных линейных отростков, отсутствующих в позднейшей монументальной иероглифике или связанных в позднейшей иероглифике непрерывной линией, проведенной через концы прежних отростков. Иными словами, в классической позднейшей иероглифике вышеуказанные «отростки» были «стиснуты» или объединены компактным нерасчленным контуром в некое единое целое, представление о чем может дать трансформация следующих знаков: превратилось в позднее , — , — , — , — , — , — , — .

Простое рассмотрение последовательности форм показывает, что древнейшими формами являются отнюдь не «полные», а «неполные», то есть «расчленные», или формы с «обособленными отростками». Знаки , и подобные им знаки с растопыренными пальцами характерны для печатей и стел первой половины Первой династии. К концу ее они исчезнут. Выписанные же упрощенной либо нерасчленной формой знаки встречаются, впрочем, наряду с ними и раньше. Несколько устойчивее в иероглифике оказался знак руки , но ненадолго: ко времени Второй династии форма этого знака была упрощена. Какое-то время сосуществовали вышеуказанная полная форма и ее упрощения. Победила, в конце концов, компактная форма. Расчленный иероглиф сердца с отходящими от него кровеносными сосудами не пережил Первой династии, а компактная форма , изредка попадающаяся при Первой династии, одерживает решительную победу над ним при Второй династии. «Ушастая» сова держалась много упорнее, и хотя отдельные случаи «безухой» совы засвидетельствованы, по крайней мере, для конца Второй династии, «ушастая» сова продолжала господствовать и при Третьей династии, уступив «безухой» только где-то в конце Третьей — в начале Четвертой династии. Несколько скорее, кажется, произошло сближение усиков пчелы, первоначально распростертых. К концу Второй династии эти усики были уже в значительной мере сращены, тогда как раньше постоянно растопыривались. Расчленная метелка камыша господствовала вплоть до Третьей династии, хотя отдельные случаи компактной формы попадают в монументальной иероглифике уже в первой половине Первой династии.

Холм с восходящим за ним лучезарным солнцем с расщепленными лучами господствует в архаических текстах, хотя в конце Второй династии с ним конкурирует уже усеченная форма и компактная форма . По крайней мере, с конца Третьей династии нерасчленное на лучи изображение становится господствующим. Плетенка пишется при Первой династии только несколькими линиями, перекрещивающимися под прямым углом. В конце Второй династии господствовала уже компактная форма, которая попадает на стелах еще в эпоху Первой династии. Не менее упорно, чем ушастая сова, держался и сакральный флажок с двойным полотнищем или лентами. Такой знак употреблялся еще в конце Третьей династии в выпуклой монументальной иероглифике. Упрощение данного написания и доведение его до , с одним полотнищем вместо двух, изредка попадает еще при первых двух династиях. Начиная с Третьей династии, компактная форма, срастившая в себе ленты в один флажок, распространяется в выпуклой иероглифике. Наряду с жезлом в виде вилки о двух концах, с древнейших времен используется компактная форма , но

раздвоенный жезл исчезает в выпуклой иероглифике, по крайней мере, при Третьей династии. Вышеприведенные хронологические наблюдения со всей определенностью показывают, что время распространения расчлененных форм предшествует времени торжества нерасчлененных форм, а все вместе говорит о том, что формы с «отростками» древнее компактных форм.

О большой древности свидетельствует и естественность расчлененных форм по сравнению с нерасчлененными. Оригиналы изображений взяты ведь из реальной жизни. Руку естественно представлять себе и, соответственно, изображать ее со свободно отстоящими друг от друга пальцами, чем с пальцами, нарочито плотными прижатыми друг к другу. Архаичный знак сердца с обрубками кровеносных сосудов похож на настоящий орган, чего никак нельзя сказать о компактной форме знака, напоминающей скорее вазу. Уши у совы как нельзя более уместны, а усики у настоящей пчелы, как известно, расходятся, а не «приклеены» один к другому. Архаическая метелка камыша действительно напоминает это растение, тогда как иероглиф в нерасчлененном виде смахивает скорее на нож. Вполне естественно, что «компактная» форма куда более абстрактна и менее реалистична, чем «форма с отростками». Иначе просто и быть не может. То, что компактный иероглиф изображает холм с выглядывающими из-за него солнечными лучами, догадаться очень трудно. Архаическая форма только и дает нам понять, что же это такое в действительности. Компактная форма плетенки может быть принята за какую-нибудь мебель, тогда как архаическое написание определенно указывает на плетенку .

Что же обусловило трансформацию первоначально расчлененных форм в нерасчлененные? Ответ на этот вопрос дают стелы начала Первой династии. В то время, как в линейной графике на мелких предметах расчлененная форма иероглифа господствует вплоть до конца вышеуказанной династии, выпуклые надписи демонстрируют только компактную форму, то есть . В то время, как в линейной врезанной графике отдельные веточки в метелке камыша, ленты во флажке и зубцы в жезле далеко отстояли друг от друга, в выпуклой графике стел они соприкасаются, превратившись из линий, естественно разобщенных, в полосы, более или менее широкие. Иногда же веточки в метелке камыша склеиваются совершенно, причем даже на концах так, что возникает компактная иероглифическая форма.

Таким образом, к нерасчлененной форме приводит и ее порождает техника выпуклых надписей. Для нее четкое, а иной раз и всякое выделение «отростков» линейной графики представляет трудности и неудобства. Передать при скалывании поверхности множество выступающих со всех сторон зубчиков архаической плетенки было много труднее, чем обвести их все по общему контуру прямоугольника или квадрата одной-единственной чертой, как бы «модернизовав» само изображаемое изделие. От обозначения каждого отростка в виде рельефной полосы было вполне естественно перейти к сохранению пластической дифференциации только на их концах, при наличии границ между остальными частями при помощи простых врезанных линий. А отсюда был один только шаг до уничтожения пластической дифференциации и на концах отростков, с сохранением разграничения последних одними врезанными линиями внутри ставшего компактным знака в случае особо детального его исполнения. В конечном счете, плетенка с выступающими краями превратилась в правильный прямоугольник; растопыренные пальцы рук конвульсивно прижались друг к другу; сердечные перерезанные сосуды слились в «горлышко» и «ручки» «вазы»; уши совы очутились на лбу или ниже верхней линии головы, которая стала проходить не под, а над ними; усики пчелы склеились; веточки камышовой метелки, солнечные лучи, ленты сакрального флажка и вилки жезла срослись между собой, а края плетенки приняли очертания правильного прямоугольника. Контур знака благодаря резчику представил собою простую ровную линию вместо изломанной и зубчатой и трудами резчика, работавшего над нанесением выпуклой надписи, значительно упростился.

Уяснив упрощение вышеперечисленных знаков, следует обратить внимание на тот

факт, что на стелах начала Первой династии, вопреки технике того времени, изобилуют еще начертания , и с растопыренными пальцами, с четко пластически выделенными веточками, с двумя полосками, а также сова с ушами и с двумя зубцами.

Не менее достойно внимания употребление в монументальной графике с двумя отростками, а также, отчасти, ушастой совы еще до конца Третьей династии, что шло вразрез с тенденцией развития графики. Это лишний раз указывает на то, что «расчлененная» графика являлась древнейшим и основным видом иероглифического письма.

Видоизменения, постепенно накапливавшиеся в выпуклой графике монументальных памятников, не оставались без влияния на линейную графику. Уже к началу Второй династии реалистический иероглиф сердца был окончательно заменен условным знаком в линейной графике. В линейных надписях этой династии отсутствует также древняя форма плетенки , преобразившаяся отныне в линейный знак . Нередко формы выпуклой графики в той или иной мере примешиваются в надписях на небольших поделках к линейным начертаниям. Если и в линейных надписях на цилиндрах и печатях в течение всего архаического периода чередуются, то надписи , и начинают появляться в них едва ли не к концу Второй династии, хотя появление их нельзя не назвать sporadическим. Развитие монументального выпуклого письма, приспособлявшего к себе линейные формы, в конечном счете, способствовало упрощению внутренней детализации знаков. Но видоизменение расчлененных форм в сторону их внутреннего упрощения оказало решающее влияние в развитии письма по принципу гораздо большей беглости: чем больше приходилось писать египтянам, тем больше увеличивался общественный спрос на быстрое, беглое письмо.

Последнее обстоятельство, надо думать, повлияло на возникновение формы   (знака плаценты?) из и (знака корзины без ручки) из (знака плетеной корзины без ручки), из которых последний знак в своей полной форме употребляется в монументальных детализированных надписях вплоть до очень поздних времен. Таким же образом сократилось и число линий в плетенке: стало по превращении ее в компактный прямоугольник , хотя подсобная форма сохранилась в виде в монументальной выпуклой графике. Даже иероглиф, изображающий лицо, подвергся упрощению: на одной печати он принял вместо формы форму . Все приведенные упрощения (за исключением) встречаются в линейной графике лишь со Второй династии, а знак попадает уже при Первой. За исключением случайного (?) знака лица все эти упрощения получили права гражданства и в выпуклой монументальной графике, хотя здесь, как было указано, и писались часто в своем реалистическом виде. Малопонятное же удержало навсегда именно такое — упрощенное — начертание.

Еще большей степени беглости линейная графика достигла, естественно, при курсивной передаче чернилами. Однако дошедшие до нас образцы последней настолько немногочисленны для архаического периода, что судить о ее развитии за время первых династий представляется весьма затруднительным.

Третьим фактором, влиявшим решительным образом на развитие форм архаической графики, являлась организация знаков внутри строки. Развитие искусства в архаический период находило свое отражение и в постепенном и неуклонном увеличении стройности композиции иероглифических знаков. Беглого взгляда на надписи на цилиндрах "Первой и конца Второй династии достаточно, чтобы с полной уверенностью отметить громадный прогресс во внешней организации текста за истекшие одно-два столетия, несоизмеримо большую равномерность, организованность и пропорциональность графической картины.

В основе примерной организации иероглифического текста отчетливо проявляется настойчивое стремление располагать знаки таким образом, чтобы они образовывали своего рода квадраты. Текст был уже с самого начала как бы разбит на квадраты, предоставлявшиеся как для отдельных знаков, так и для целых групп знаков, например,

в вертикальном написании, либо , в горизонтальном. Этот принцип проводится уже в надписях Первой династии, во времена Нармера и Ахи. Взять хотя бы группу или, например, написание имени царя Семерхета и т. д.

Последовательное проведение этого принципа в целях большей упорядоченности текста, постулировавшееся естественным развитием монументальной письменности, должно было неизбежно привести к еще большему растяжению форм, и без того растянутых по горизонтали, но все же недостаточно по сравнению с другими горизонтальными формами. Одновременно должна была быть сглажена и громоздкость отдельных знаков, их излишняя толщина или ширина, давившая и искажавшая группировавшиеся с ними узкие иероглифы. Вследствие вышеуказанного процесса иероглиф шахматной доски , употреблявшийся обычно в сочетании со своим буквенным (фонетическим) дополнением , образуя группу , расширился по горизонтали и сузился сверху вниз, тем самым утратив свою первоначальную реалистическую форму. Аналогичное явление наблюдается и в отношении целого ряда других знаков, если сравнивать их написание в текстах Первой династии с таковыми в текстах Второй династии. Так, циновка с хлебом превратилась в , веревка для спутывания ног скоту стала изображаться как , брюхо животного с сосцами стало выписываться вместе с длинным хвостом , а рука вытянулась самым неестественным образом в . Сходная участь постигла и слишком громоздкие для «квадратных» написаний знаки. Так, цилиндр-печатка со шнурком превратилась в , а шкура с хвостом в . Сравните с эстетической точки зрения группы и , и , где нет впечатления скученности знаков ввиду громоздкости одного из них, а во-вторых, этот графический недостаток устранен, и знаки расположены в квадрате довольно свободно. Все это явилось несомненным прогрессом графики, развивающейся в сторону равномерности и четкой формальной организации текста, хотя и за счет явного умаления реализма иероглифических рисунков: настоящие печати-цилиндры и шкуры похожи, конечно, больше на первоначальные, чем на позднейшие формы своих иероглифических изображений. Процесс выравнивания и приспособления графических форм достиг высоких результатов при Второй династии, при которой знаки приобрели большое изящество как по своим контурам, так и по отделке внутренних подробностей тех или иных знаков. Это время должно быть, действительно, временем огромного прогресса в развитии египетской письменности. Диктовалось все это, в частности, ростом спроса на монументальные надписи. Последнее обстоятельство, в свою очередь, было связано с ростом благосостояния верхов общества и, как следствие, с усложнением их жизни и идеологии, а это тоже, в свою очередь, заставляло мастеров совершенствовать свое дело, способствовало развитию выпуклой иероглифики и подталкивало к выработке и к закреплению форм знаков, отличных от изначальных линейных, поскольку фундаментальная выпуклая иероглифика удовлетворяла потребностям того времени, имея в виду царя и его ближайшее окружение. Линейная же графика сохранила, несмотря на отдельные моменты заимствования у выпуклой иероглифики, верность исходным начертаниям. До конца архаического периода расхождение между тем и другим видами графики не вылилось еще в окончательный распад египетского письма на две обособленные друг от друга графические системы, следующие каждая своим собственным принципам. Еще в конце Третьей династии расчлененные формы и были возможны в самых тщательных по исполнению выпуклых надписях. Окончательный раскол иероглифического письма произошел в самом конце Третьей династии или в начале Четвертой династии. Только с этого момента можно говорить не о линейной и выпуклой иероглифике, а о двух самостоятельных и принципиально отличных системах графики, сознательно сохраняемых в противопоставлении одна другой. Так как тот вид графики, который мы обычно именуем иероглификой, откристаллизовался окончательно только с обособлением от исходных начертаний, продолжавших жить в линейном письме, как мы увидим, совсем независимой от него жизнью, то представляется целесообразным сохранить термин «иероглиф» для знака письма архаического периода при строгом палеографическом

употреблении. С другой стороны, совершенно очевидно, что графическая система, выросшая из линейных начертаний архаического периода, представляет собой явление много более узкое, чем первоначальная иероглифика, воплотившая исходные, позднее сохраненные лишь в линейном письме начертания как в выпуклых, так и во врезанных по линиям формах. Эту недифференцированную стадию в развитии иероглифического письма можно в таком случае условно обозначить как протоиероглифику.

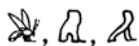
Подобно тому, как архаическое протоиероглифическое письмо таило в себе в зачаточной недифференцированной форме позднейшее иероглифическое и неиероглифическое письма, так и ориентировка иероглифических знаков архаического периода была чревата уже всеми теми возможностями, которые получили дальнейшее развитие в последующее время. Насколько я могу судить, основной текст в архаических надписях Первой и Второй династии обращали передними частями знаков неизменно вправо. Стало быть, архаическая надпись Первой-Второй династии читалась справа налево. В этом направлении писались тогда постоянно царские имена. Сопровождавший же их текст, являвшийся, естественно, второстепенной частью по отношению к царскому имени, писался передними частями влево, то есть лицом к царскому имени, иными словами, читался слева направо. Это изменение направления письма обусловлено в таких случаях, конечно же, пиететом перед царским именем, к носителю которого наш подданный, представленный в виде вельможи со всеми причитающимися ему титулами, должен быть почтительно обращен лицом, а не спиной. Такая двуединая комбинированная ориентировка направления письма встречалась при царских именах, обращенных вправо, причем не только в случае наличия чиновничьих титулов на цилиндрических печатях, но распространялась и на части любого текста, в том числе текста и описательного характера, и тем самым ориентация знаков в нем отличалась от таковой в царских именах собственно. Аналогичное изменение в направлении письма влияло, может быть, и на расположение фигур в сопроводительных надписях. В любом случае текст ориентировался в иную сторону, чем царское имя.

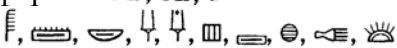
ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Полуиероглифы

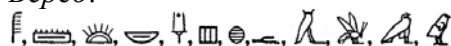
Палермский Камень.

Ректо:

Иероглифические формы:

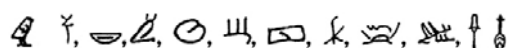
Линейные формы:

Версо:

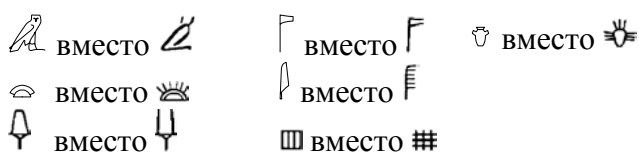
Отличие версо от ректо:

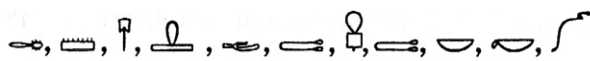
Происхождение иератики. Ее зависимость от полуиероглифики

ОБЗОР ФОРМ

IV династия. Утверждение иероглифов. Формы иероглифов IV династии:

Равномерность форм:

Возникновение углубленной иероглифики

Двойное направление в текстах, стилизация форм, каменная тяжеловесность:

из , из , из , из , из , из , из , из , из , из

Продолжение развития равномерности:

, вместо , из , , , , из

 из , из ,

[illegible]

12 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182 183 184 185 186 187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197 198 199 200 201 202 203 204 205 206 207 208 209 210 211 212 213 214 215 216 217 218 219 220 221 222 223 224 225 226 227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237 238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 248 249 250 251 252 253 254 255 256 257 258 259 260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270 271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281 282 283 284 285 286 287 288 289 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314 315 316 317 318 319 320 321 322 323 324 325 326 327 328 329 330 331 332 333 334 335 336 337 338 339 340 341 342 343 344 345 346 347 348 349 350 351 352 353 354 355 356 357 358 359 360 361 362 363 364 365 366 367 368 369 370 371 372 373 374 375 376 377 378 379 380 381 382 383 384 385 386 387 388 389 390 391 392 393 394 395 396 397 398 399 400 401 402 403 404 405 406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416 417 418 419 420 421 422 423 424 425 426 427 428 429 430 431 432 433 434 435 436 437 438 439 440 441 442 443 444 445 446 447 448 449 450 451 452 453 454 455 456 457 458 459 460 461 462 463 464 465 466 467 468 469 470 471 472 473 474 475 476 477 478 479 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000 1001 1002 1003 1004 1005 1006 1007 1008 1009 1010 1011 1012 1013 1014 1015 1016 1017 1018 1019 1020 1021 1022 1023 1024 1025 1026 1027 1028 1029 1030 1031 1032 1033 1034 1035 1036 1037 1038 1039 1040 1041 1042 1043 1044 1045 1046 10

ተከላከልኝ ለእኔ ለሌሎች ለዘመን

«Если не дают тебе согласно посланию твоему никого на это, а отдали тебе рабочих плотины из дряни, то давай, вознеси голос свой в Доме Владыки Молчания!»

*Переписал, отредактировал, знаки вписал,
с египетского перевел и к изданию подготовил
А. С. Четверухин.*